

№ 12 / 2019

История

государства и права

ISSN 1812-3805

9 771812 380772 >

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 12 / 2019

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит ежемесячно.

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н., профессор;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., доцент;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист Республики Башкортостан;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибуллин А.Г., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист РФ;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н., доцент;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, чл.-корр. РАО,

заслуженный юрист РФ

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Из истории конституционного права

Коновалова А.Г. Зарождение идеи парламентаризма в России на рубеже 18–19 веков 3

Ищенико О.А. Роль Центрального комитета РСДРП(о) в создании Демократического Сопещения и Предпарламента в 1917 году 9

Тарабан Н.А. Всенародное голосование по проекту Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года, как народный акцепт общественного договора: 25 лет спустя 15

Кулачков В.В. Специфика электорального поведения крестьян в 1920-е годы (на материалах Брянской, Смоленской и Гомельской губерний) 21

Корженевская В.А. О становлении украинского постсоветского государства 26

Преступление и наказание: из истории проблемы

Караваева Ю.С. Особенности дифференциации уголовной ответственности с учетом статусно-ролевого положения субъекта преступления по законодательству Советской России 31

Балковская В.Г. Конфискация в системе наказаний за таможенные правонарушения: историко-правовой анализ 37

Воробьев А.С. Влияние юридической научной мысли на развитие института государственных преступлений в середине XX века 43

Акимова Н.В. Эволюция уголовной политики в императорской России 49

Мальгина О.А., Мяханова А.Н., Скиба А.П. Некоторые аспекты ресоциализации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, и условно-досрочного освобождения в дореволюционной России (на примере Забайкальской области) 59

Токарева С.Н. Правовое регулирование применения оружия сотрудниками органов правопорядка в первой четверти XX века 70

Бойко Н.Н., Стуколова Л.С. Проблема взяточничества в истории российского уголовного права 75

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 10. Усл. печ. л. 10.

Номер подписан в печать 06.12.2019.

Номер вышел в свет 18.12.2019.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Роспечать — 47643 (на полг.);

Объединенный каталог. Пресса России —

85492 (на полг.).

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

HISTORY OF STATE AND LAW

No. 12 / 2019

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl No. FC77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998. Published monthly.

Editor in Chief:

Isaev I.A., LL.D., professor

Editorial Board:

Aronov D.V., Doctor of History, professor;
Babich I.L., Doctor of History;
Zhil'tsov N.A., PhD (Law),
PhD in Pedagogy, professor,
Honorary Worker of Justice of Russia;
Mel'nikov S.A., LL.D., professor;
Migushenko O.N., LL.D., associate professor;
Nigmatullin R.V., LL.D., professor,
Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan;
Rasskazov L.P., LL.D.,
Doctor of History, professor;
Romashov R.A., LL.D., professor,
Honored Scientist of the Russian Federation;
Safonov V.E., LL.D., professor;
Tumanova A.S., LL.D.,
Doctor of History, professor;
Khabibulin A.G., LL.D., professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;
Cherdakov O.I., PhD in History,
LL.D., professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., PhD (Law),
associate professor;
Zenin S.S., PhD (Law), associate professor;
Klimenko A.I., LL.D.,
associate professor;
Nedobezhkin S.V., PhD (Law),
associate professor;
Sigalov K.E., LL.D., associate professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., professor, corresponding
member of the RAE, Honored lawyer of the Russian Federation

Deputy Editors in Chief

of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I.,
Bely'kh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Tel.: (495) 953-91-08.

Authors shall not pay for publication of their articles.

From the Constitutional Law History

Konovalova L.G. The Origination of the Idea
of Parliamentarism in Russia at the Turn
of the 19th Century..... 3

Ischenko O.A. Role of the Central Committee
of the Russian Social Democratic Labor Party
(United) in the Creation of the Democratic Meeting
and Pre-Parliament in 1917 9

Taraban N.A. The National Vote on the Draft
of the Constitution of the Russian Federation
on December 12, 1993 as Popular Acceptance
of the Public Agreement: 25 Years Later 15

Kulachkov V.V. Specifics of the Electoral Behavior
of Peasants in the 1920s (Based on Files of Bryansk,
Smolensk and Gomel Governorates)..... 21

Korzhenevskaya V.A. On the Establishment
of the Ukrainian Post-Soviet State..... 26

Crime and Punishment: from the History of the Issue

Karavaeva Yu.S. Criminal Liability Differentiation
Peculiarities Considering the Status and Role Position
of a Crime Subject under the Laws of Soviet Russia 31

Balkovaya V.G. Confiscation in the System
of Punishments for Customs Offenses:
a Historical and Legal Analysis 37

Vorobyev A.S. The Influence of the Legal Scientific
Thought on the Development of the State Crime
Institution in the Middle of the 20th Century..... 43

Akimova N.V. Evolution of the Criminal Policy
in Imperial Russia..... 49

Malygina O.A., Myakhanova A.N., Skiba A.P.
Some Aspects of Resocialization of Persons Having
Served a Sentence in the Form of Imprisonment
and Parole in Pre-Revolutionary Russia
(on the Example of the Transbaikal Territory) 59

Tokareva S.N. Legal Regulation of Weapon Application
by Employees of Law Enforcement Authorities
in the First Quarter of the 20th Century..... 70

Boyko N.N., Stukolova L.S. Issue of Bribery
in the Russian Criminal Law History..... 75

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 10.
Conventional printed sheet 10.
Passed for printing 06.12.2019.
Issue was published 18.12.2019.

Circulation 3000 copies.

Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643 (for 6 months);
United Catalogue. Russian Press — 85492
(for 6 months).
Printed by National Polygraphic Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Science and Higher Education of
the Russian Federation for publications of basic results
of PhD and doctor theses.

Founder:
Jurist Publishing Group

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-12-3-9

Зарождение идеи парламентаризма в России на рубеже 18–19 веков

Коновалова Людмила Геннадьевна,
доцент кафедры конституционного и международного права
юридического факультета
Алтайского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
 vaskova82@yandex.ru

В статье проводится анализ научных и политико-правовых разработок отечественных авторов рубежа 18–19 веков, посвященных идее формирования представительных учреждений. Рассматриваются теории русских просветителей, декабристов, социалистов, народников, славянофилов и западников, консерваторов и либералов через призму концепта парламентаризма. Обращается внимание на связанные с концепцией парламентаризма государственные институты рассматриваемого периода. Отмечается, что указанный этап отличает широкий подъем отечественной политико-правовой мысли и революционно ориентированных общественных движений на фоне апогея абсолютистской государственности. При всем многообразии предлагаемых вариантов реформ в юриспруденции этого этапа появилось четкое представление о парламенте, его функциях, порядке формирования, месте в системе разделения властей. При этом российские мыслители в обоснование своих концепций широко использовали как национальную историю, так и зарубежный опыт.

Ключевые слова: парламентаризм, парламент, депутат, народное представительство.

The Origination of the Idea of Parliamentarism in Russia at the Turn of the 19th Century

Kononova Lyudmila G.
Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law
of the Law Faculty of the Altai State University
 PhD (Law), Associate Professor

The article analyzes the scientific and political-legal developments of Russian authors at the turn of the 18th and 19th centuries, devoted to the idea of forming representative institutions. The theories of the Russian enlighteners of the 18th, Decembrists, Socialists, Narodniks, Slavophiles and Westerners, conservatives and liberals are examined through the prism of the concept of parliamentarism. Attention is drawn to the state institutions of the period under review related to the concept of parliamentarism. Attention is drawn to the state institutions of the period under review related to the concept of parliamentarism. It is noted that this stage is distinguished by a broad rise in the domestic political and legal thought and revolutionary-oriented social movements against the backdrop of the apogee of absolutist statehood. With all the variety of proposed reform options in the jurisprudence of this stage, a clear idea of the parliament, its functions, the order of formation, place in the system of separation of powers. At the same time, Russian thinkers widely used both national history and foreign experience to substantiate their concepts.

Keywords: parliamentarism, parliament, deputy, people's representation.

Несмотря на то что истоки представительного правления в России можно найти еще с момента формирования государственности Древней Руси, зарождение собственно идеи парламентаризма связано с 18–19 веками, когда на фоне усиления абсолютизма формируются различные течения дворянского конституционализма со свойственной им идеей учреждения отечественного парламента.

Первые восемь проектов ограничения монаршей власти выборными пред-

ставителями дворянства имели место еще после смерти Петра I при выдвижении на царствование Анны Иоановны в 1730 г. Наиболее известным из них является проект государственного деятеля и историка В.Н. Татищева. Он активно выступал против Верховного тайного совета, предлагал создать при императрице совещательный совет из 21 человека и «нижнее правительство» из 100 человек. Выборы в эти органы, по мысли автора, должны проводиться узким кругом долж-

ностных лиц и утверждаться императрицей¹.

При Екатерине II прогрессивный «Манифест об учреждении императорского совета и разделении Сената на департаменты» был подготовлен в 1762 г. графом Н.И. Паниным и преподнесен императрице. Более радикальные идеи воплотились в предложениях 1768 г. профессора-юриста С.Е. Десницкого по созданию выборного бессословного законодательного учреждения, усилению местного самоуправления, ликвидации крепостного права, созданию профессионального корпуса судей. Однако монаршая власть проигнорировала эти инициативы. Соответственно, русские просветители 18 века Я.П. Козельский, Н.Г. Курганов, Н.И. Новиков, А.Я. Поленов, И.А. Третьяков, Д.И. Фонвизин, А.Н. Радищев обнажали в своих произведениях вопиющие несправедливости отечественной социальной жизни, тяготы крепостного права, отсталость в развитии сельского хозяйства и промышленности, стремились обнаружить перед читателями неосновательность претензий русских царей на роль «просвещенного монарха», а также ставили под сомнение саму идею просвещенного абсолютизма. А масштабное крестьянское восстание, возглавляемое Е.И. Пугачевым в 1742–1775 годах, еще раз с очевидностью продемонстрировало тяжелое положение народных масс и их утопические представления о сочетании «мужицкого» царя с идеей примитивной казачьей демократии².

В начале 19 века знаменитый историк и личный друг Александра I Н.М. Карамзин хотя и сомневался в полезности парламента, однако в целях усиления роли закона предлагал императору единовластную монархию с опорой на дворянство и духовенство в лице Сената и Синода, признающую свободу и равенство людей³. Другой при-

ближенный императорской персоны, видный государственный деятель М.М. Сперанский, разработал программу кардинальных реформ России на основе почтения свободы, принципа разделения властей и признания авторитета самодержавия. Свообразие интерпретации принципа разделения властей у Сперанского заключалось в предложении создать Государственный Совет, который призван соединить все формы власти в лице монарха⁴.

Однако этим радикальным предложениям не было суждено сбыться. Либеральные реформы Александра I остановились на учреждении министерств и лишении Сената статуса законосовещательного учреждения с одновременной передачей этих функций Государственному Совету, формируемому путем назначения царем из числа высших сановников. Министры становились членами Государственного Совета по должности. Вместе с тем М.М. Сперанский при участии Государственного Совета проделал большую работу по изданию Полного собрания законов и Свода законов Российской империи. Правда, под законами подразумевались фактически любые нормативные юридические акты и даже судебные прецеденты, поскольку понятие закона в современном его варианте еще не было разработано, а по признанию специалистов, сам М.М. Сперанский зачастую перередактировал описываемую норму⁵.

На фоне патриотического подъема русского народа в ходе Отечественной войны 1812 г., заграничных походов русской армии, крепостного гнета, крестьянских волнений и разочарованности в реформах «сверху» с 1825 по 1861 г. усиливается движение дворянской революционности, представленное в первую очередь декабристами. Наиболее значимыми идеологами декабристов являлись П.И. Пестель и Н.М. Муравьев. П.И. Пестель предлагал во имя учреждения личной свободы граждан осуществить военный переворот и по-

¹ См.: История политических и правовых учений 17–18 вв. / отв. ред. В.С. Нерсисянц. М., 1989. С. 308–311.

² См.: История политических и правовых учений / под общ. ред. О.В. Мартышина. М., 2010. С. 381–403; Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Л., 1884. 264 с.

³ См.: История политических и правовых учений. 19 в. / отв. ред. В.С. Нерсисянц. М., 1993. С. 225–232.

⁴ См.: История политических и правовых учений / под общ. ред. О.В. Мартышина. М., 2010. С. 407–412.

⁵ См.: История отечественного государства и права. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. О.И. Чистякова. М., 2011. С. 350–354.

сле временной диктатуры перейти к республике, которая противопоставлялась самодержавию как зловластию. Законодательная власть в республике, по представлениям автора, должна принадлежать Народному вече, состоящему из 500 депутатов, избираемых на 5 лет. Н.М. Муравьев был сторонником разделения властей и представлял Россию в качестве федеративного государства. Законодательную власть мыслитель стремился закрепить за двухпалатным законодательным органом, Палата народных представителей которого должна избираться с высоким имущественным цензом, а Верховная дума формироваться из представителей территориальных единиц⁶.

После разгрома декабристов либеральное течение, в целом не довольное крепостничеством и общим состоянием государственности, было представлено западниками (П.Я. Чаадаев, Т.Н. Грановский, П.В. Анненков, В.П. Боткин, И.В. Вернадский, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин) и славянофилами (К.С. Аксаков, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский). Западники настаивали на реформах по западному образцу, а славянофилы, идеализируя русскую общину и Московскую Русь 16 века, предлагали самобытный путь развития отечественных политических институтов, основанный на союзе земледельческих общин с монархом⁷.

Большое значение для развития идей парламентаризма имели труды русских социалистов А.И. Герцена и Н.П. Огарева. А.И. Герцен описал негативные стороны работы европейских парламентов: бесконечные пустые споры, избирательные уловки, классовость. Одновременно автор критиковал незавершенность реформ Александра II. А.И. Герцен и Н.П. Огарев исходили из уважения к народу, необходимости утвердить в стране бессословность, правопорядок, самоуправление и федерализм.

⁶ См.: История политических и правовых учений. 19 в. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1993. С. 239–245.

⁷ См.: Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 2–154; Васильев А.А. Государственная Доктрина славянофилов. Барнаул, 2009. С. 17–179; Хомяков А.С. Всемирная задача России. М., 2008. С. 4–123.

Наиболее реальным способом достижения этого им виделся созыв Земского собора как бессословного парламента со свободой слова, который укрепил бы авторитет закона и предоставил крестьянам землю⁸.

Социал-демократ Н.Г. Чернышевский также критически оценивал опыт европейского парламентаризма, хоть и констатировал его приоритет над русской моделью самодержавия. Автор не одобрял отсутствия представительства крестьян и рабочих в зарубежных парламентах, поэтому идеальный государственный строй виделся ему в виде республики, признающей широкий набор прав человека и предусматривающей социальные гарантии их реализации, а в представительных учреждениях считал целесообразным установление императивного мандата депутата⁹.

Системный кризис середины 19 века, обусловленный становлением капиталистических отношений при одновременном сохранении архаичного крепостного права, взяточничества и бюрократизма полиции и суда, недостаточности образованных кадров, требовал проведения реформ. Однако осуществленные Александром II меры по освобождению крестьян на выгодных для помещиков и правительства условиях, земская и судебная реформы, достаточно быстро превратившиеся в контрреформы¹⁰, вызвали массовые недовольства различных социальных групп, а также активно влияли на развитие политико-правовой мысли.

Так, в 60-х годах 19 века в России большое распространение получило течение «народников», призывавших к свержению самодержавного правления любыми спо-

⁸ См.: История политических и правовых учений / под общ. ред. О.В. Мартышина. М., 2010. С. 432–441; Герцен А.И. Кто виноват? М., 1983; Ширинянц А.А. Из истории самоопределения гражданского общества в России: разночинная интеллигенция 1860–1870 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 97–104.

⁹ См.: Чернышевский Н.Г. Что делать? М., 1984. 479 с.

¹⁰ См.: История отечественного государства и права / под ред. О.И. Чистякова. М., 2011. С. 363–396.

собами, в том числе при помощи террора и революции (М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, П.Н. Ткачев)¹¹. В то же время другим исследователям террористические акции и революционные настроения внушали ужас, а половинчатые реформы давали надежду на изменение государственности «сверху». Поэтому в конце 19 века в России активно развиваются теории консерватизма и либерализма.

Русский консерватизм конца 19 века (К.П. Победоносцев, К.Н. Леонтьев, Л.А. Тихомиров, Н.Я. Данилевский, Ф.М. Достоевский) идейно близок славянофильству, поскольку предполагал сильную самодержавную власть, основанную на национальной самобытности. Консерваторам в целом было свойственно возвышенное отношение к монархической власти и критическое восприятие западных парламентских ценностей. Например, учитель цесаревича Александра (будущего императора Александра III), в разное время сенатор, член Государственного Совета и обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, считал, что вся парламентская система, включая выборы, партии, агитацию, министерства, проникнута ложью¹². Парламентаризм в трактовке автора предполагает, что весь народ на собраниях творит себе законы, избирает должностных лиц, то есть изъявляет свою волю. Однако на практике это невозможно, поскольку народные представители не стеснены мнением избирателей и творят лишь свою волю, а с появлением политических партий — волю партийных лидеров. «Вместо неограниченной власти монарха мы получаем неограниченную власть парламента, с той разницей, что в лице монарха можно представить себе единство разумной воли; а в парламенте нет, ибо здесь все зависит от случайности...»¹³. В то же время К.П. Победоносцев критично отно-

сился к современному ему государственному механизму России, главным злом которого считал неграмотную, корыстную бюрократию, поэтому предлагал реформировать не столько государственные институты (с позиций их полезности населению), сколько преобразовывать людей, их наполняющих¹⁴.

Великий русский писатель Ф.М. Достоевский, помимо критики вседозволенности, имморализма в своих художественных произведениях, внес вклад и в развитие политической мысли России. Он подчеркивал лицемерность европейских лозунгов свободы, равенства и братства, вступающих в противоречие с несправедливостью материалистических отношений. Автор отрицал необходимость введения в стране конституции, парламента и республики, был сторонником «патриархальной народной монархии, увенчанной снизу» институтами прямой демократии в виде опроса¹⁵.

Обновленный взгляд на монархию был свойственен известному консерватору Л.А. Тихомирову, резко отказавшемуся от своих революционных взглядов в середине жизни. Л.А. Тихомиров последовательно доказывал преимущества пути реформ перед насильственными способами свержения власти. Он предлагал сохранить монархию, но при своеобразном разделении властей. Законодательная власть должна быть представлена периодически созываемыми совещательными земскими соборами, основанными на корпоративном, а не на общегражданском представительстве, поскольку последнее ведет к партийной бюрократии. Помимо законодательной, исполнительной и судебной властей, мыслитель, по существу, обособлял еще и контрольную власть, формируемую из представителей других ветвей власти и призванную исключить введение в заблуждение государя через предоставление ему ложной информации в докладах чиновников. Все ветви власти автор предлагал объединить властью монарха¹⁶.

¹¹ Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических и правовых учений России 9–20 вв. М., 1995. С. 289–299.

¹² См.: Томсинов В.А. Учение К.П. Победоносцева о самодержавии // Консервативная правовая мысль России / под ред. А.А. Васильева. Барнаул, 2012. С. 130.

¹³ Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени // Московский сборник. Издание К.П. Победоносцева. М., 1901. С. 34.

¹⁴ Письма К.П. Победоносцева к цесаревичу Александру III. М., 1925. С. 15–214.

¹⁵ См.: Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. М., 2004. С. 363–469.

¹⁶ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 2012. С. 47–49, 297–299.

Либерализм (В.П. Боткин, П.В. Анненков, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, А.Д. Градовский) как теория и общественное движение зародилось в 40–50-е годы 19 века в среде западников, хотя многие его представители, как и славянофилы, признавали необходимость учета специфики отечественного пути развития при проведении реформ. В целом либералы желали скорейшей европеизации России, ликвидации крепостного права, развития промышленности и торговли, ограничения сословных привилегий дворянства, введения представительных органов, установления режима законности и равного для всех суда, ответственности должностных лиц, местного самоуправления, но без отказа от самодержавия. Своеобразие российского либерализма по сравнению с западным заключалось в том, что его в основном развивали не представители буржуазии, а дворяне, чиновники, интеллигенция. Отсюда стремление этого течения к союзу с монархией, отсутствие радикализма. В отличие же от дворян конца 18 — начала 19 века либералы делали ставку не на личность просвещенного монарха, а на монархию как институт, для которого свойственна сильная исполнительная власть¹⁷.

Так, труды Б.Н. Чичерина ориентированы на постепенное ограничение власти монарха с помощью конституции и представительных учреждений. Парламент автор рассматривал одновременно как институт выражения свободы и как орган власти. Считал, что незаменимая роль народного представительства сводится к обязательности учета общественного мнения при принятии властных решений, контролю за правительством, выходу из рутины и формализма бюрократии, достижению политической зрелости народом, стройному законодательству. Однако ученый

не идеализировал парламентское правление: он подмечал массу недостатков работы представительных учреждений, в том числе бесполезные речи, юридическая безграмотность многих депутатов, неспособность к рациональному законотворчеству. Поэтому основной функцией парламента называл контроль за правительством (не всегда эффективно реализуемый на практике). Большую роль в представительстве Б.Н. Чичерин отводил политическим партиям, предлагал окончательно «раскрепостить сословия», провозгласив личные свободы, свободы совести, мнения, книгопечатания¹⁸.

Таким образом, этап зарождения идеи парламентаризма в 18–19 веках отличает широчайший подъем отечественной политико-правовой мысли и революционно-ориентированных общественных движений на фоне апогея абсолютистской государственности, связывающей волю монарха, по существу, лишь своей канцелярией. При этом спектр предлагаемых мер по совершенствованию государственного управления был достаточно широк: от призывов к просвещенности монарха до проектов конституций, ограничению власти монарха парламентом и даже республиканизма. Основные теоретические и общественные течения рассматриваемого периода, существенно повлиявшие на становление идеи парламентаризма, были представлены русскими просветителями 18 века, декабристами, социалистами, народниками, славянофилами и западниками, консерваторами и либералами. При всей разнице их воззрений в отечественной юриспруденции этого этапа появилось четкое представление о парламенте, его функциях, порядке формирования, месте в системе разделения властей. При этом российские мыслители в обоснование своих концепций широко использовали как национальную историю, так и зарубежный опыт. Идея учреждения парламента была достаточно популярна.

¹⁷ См.: История политических и правовых учений / под ред. О.В. Мартышина. М., 2010. С. 670–674; Градовский А.Д. Государственное право важнейших европейских держав. Лекции, читанные в 1885 г. СПб., 1895. С. 112–265; Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. СПб., 1904. С. 73–214.

¹⁸ См.: Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899. С. 19–144.

Литература

1. Васильев А.А. Государственная Доктрина славянофилов : монография / А.А. Васильев. Барнаул : СибАГС, 2009. 188 с.

2. Градовский А.Д. Государственное право важнейших европейских держав : лекции, читанные в 1885 г. / А.Д. Градовский ; под редакцией [и с предисловием] Н.М. Коркунова. Санкт-Петербург : Л.Ф. Пантелеев, 1895. 528 с.
3. Исаев И.А. История политических и правовых учений России, XI–XX вв. / И.А. Исаев, Н.М. Золотухина. Москва : Юрист, 1995. 378 с.
4. История отечественного государства и права : учебник для студентов вузов / под редакцией О.И. Чистякова. Москва : Юрайт, 2011.
5. История политических и правовых учений : учебник для студентов вузов / под общей редакцией О.В. Мартышина. Москва : Норма, 2008. 899 с.
6. История политических и правовых учений, XVII–XVIII вв. / Н.М. Азаркин, В.Г. Графский, П.С. Грацианский [и др.] ; ответственный редактор В.С. Нерсесянц. Москва : Наука, 1989. 446 с.
7. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. Введение и общая часть : пособие к лекциям / Н.М. Коркунов. 5-е изд. (без перемен). Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. 573 с.
8. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву : Воспроизведение изд. 1790 г. / А.Н. Радищев. Санкт-Петербург : А.С. Суворин, 1888. 453 с.
9. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность / Л.А. Тихомиров ; составитель, автор вступительной статьи и комментария А.В. Репников. Москва : РОССПЭН, 2010. 751 с.
10. Томсинов В.А. Учение К.П. Победоносцева о самодержавии / В.А. Томсинов // Консервативная правовая мысль России : межвузовский сборник научных статей / под редакцией А.А. Васильева. Барнаул : Азбука, 2012. 180 с.
11. Чичерин Б.Н. О народном представительстве / Б.Н. Чичерин. 2-е изд. Москва : тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1899. 810 с.
12. Ширинянец А.А. Из истории самоопределения гражданского общества в России: разночинная интеллигенция 1860–1870 гг. / А.А. Ширинянец // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 97–104.

References

1. Vasilyev A.A. Gosudarstvennaya Doktrina slavyanofilov : monografiya [The State Doctrine of Slavophiles] / A.A. Vasilyev. Barnaul : SibAGS — Barnaul : Siberian Academy of Public Administration, 2009. 188 s.
2. Gradovskiy A.D. Gosudarstvennoe pravo vazhneyshikh evropeyskikh derzhav : lektsii, chitanny'e v 1885 g. [State Law of the Most Important European Powers : lectures delivered in 1885] / A.D. Gradovskiy ; pod redaktsiyey [i s predisloviem] N.M. Korkunova. Sankt-Peterburg : L.F. Panteleev — edited [and foreword] by N.M. Korkunov. Saint Petersburg : L.F. Panteleev, 1895. 528 s.
3. Isaev I.A. Istoriya politicheskikh i pravovy`kh ucheniy Rossii, XI–XX vv. [History of Russian Political and Legal Doctrines, from the 11th to the 20th Century] / I.A. Isaev, N.M. Zolotukhina. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 1995. 378 s.
4. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava : uchebnik dlya studentov vuzov [History of National State and Law : textbook for students of higher educational institutions] / pod redaktsiyey O.I. Chistyakova. Moskva : Yurayt — edited by O.I. Chistyakov. Moscow : Urait, 2011.
5. Istoriya politicheskikh i pravovy`kh ucheniy : uchebnik dlya studentov vuzov [History of Political and Legal Doctrines : textbook for students of higher educational institutions] / pod obschey redaktsiyey O.V. Marty`shina. Moskva : Norma — under the general editorship of O.V. Martyshin. Moscow : Norm, 2008. 899 s.
6. Istoriya politicheskikh i pravovy`kh ucheniy, XVII–XVIII vv. [History of Political and Legal Doctrines, from the 17th to the 18th Century] / N.M. Azarkin, V.G. Grafskiy, P.S. Gratsianskiy [i dr.] ; otvetstvenny`y redaktor V.S. Nersesyants. Moskva : Nauka — N.M. Azarkin, V.G. Grafskiy, P.S. Gratsianskiy [et al.] ; publishing editor V.S. Nersesyants. Moscow : Science, 1989. 446 s.
7. Korkunov N.M. Russkoe gosudarstvennoe pravo. T. 1. Vvedenie i obschaya chast : posobie k lektsiyam [Russian State Law. Vol. 1. Introduction and the General Part : guide to lectures] / N.M. Korkunov. 5-e izd. (bez peremen). Sankt-Peterburg : Tip. M.M. Stasyulevicha — 5th edition (non-amended). Saint Petersburg : M.M. Stasyulevich's printing office, 1904. 573 s.
8. Radischev A.N. Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu : Vosproizvedenie izd. 1790 g. [A Journey from Saint Petersburg to Moscow : Reproduction of edition of 1790] / A.N. Radischev. Sankt-Peterburg : A.S. Suvorin — Saint Petersburg : A.S. Suvorin, 1888. 453 s.
9. Tikhomirov L.A. Monarkhicheskaya gosudarstvennost [Monarchical Statehood] / L.A. Tikhomirov ; sostavitel, avtor vstupitel'noy statyi i kommentariya A.V. Repnikov. Moskva : ROSSPEN — compiler, author of the introductory article and commentary A.V. Repnikov. Moscow : Political Encyclopedia publishing house, 2010. 751 s.
10. Tomsinov V.A. Uchenie K.P. Pobedonostseva o samoderzhavii [The Autocracy Doctrine by K.P. Pobedonostsev] / V.A. Tomsinov // Konservativnaya pravovaya my`sl Rossii : mezhvuzovskiy sbornik

nauchny`kh statey / pod redaktsiyey A.A. Vasilyeva. Barnaul : Azbuka — Russian Conservative Legal Thought : inter-university collection of scientific articles / edited by A.A. Vasilyev. Barnaul : Azbuka, 2012. 180 s.

11. Chicherin B.N. O narodnom predstavitelstve [On Popular Representation] / B.N. Chicherin. 2-e izd. Moskva : tip. T-va I.D. Sy`tina — 2nd edition. Moscow : printing office of I.D. Sytin's partnership, 1899. 810 s.
12. Shirinyants A.A. Iz istorii samoopredeleniya grazhdanskogo obschestva v Rossii: raznochinnaya intelligentsiya 1860–1870 gg. [From History of Self-Determination of the Civil Society in Russia: Intellectuals Belonging to Different Social Classes, 1860–1870] / A.A. Shirinyants // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo — Bulletin of the Lobachevsky University. 2014. № 6. S. 97–104.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-12-9-14

Роль Центрального комитета РСДРП(о) в создании Демократического Совецания и Предпарламента в 1917 году

*Ищенко Ольга Анатольевна,
преподаватель колледжа
Гжельского государственного университета,
кандидат исторических наук, доцент
gip0031@yandex.ru*

В статье автор рассматривает деятельность лидеров Центрального комитета РСДРП(о) меньшевиков в период созыва Демократического Совецания с 30 августа по 14 сентября после подавления корниловского мятежа 1917 года.

Ключевые слова: партия социал-демократов (меньшевиков), лидеры меньшевизма, Демократическое Совецание, Предпарламент, политические деятели меньшевиков.

Role of the Central Committee of the Russian Social Democratic Labor Party (United) in the Creation of the Democratic Meeting and Pre-Parliament in 1917

*Ischenko Olga A.
Lecturer of the College of the Gzhel State University
PhD (History), Associate Professor*

In the article, the author reviews the activities of the leaders of the Central Committee of the Russian Social Democratic Labor Party (United) during convention of the Democratic Meeting from August 30 to September 14 after the suppression of the Kornilov Affair in 1917.

Keywords: Social Democratic Party (Mensheviks), leaders of Menshevism, Democratic Meeting, Pre-Parliament, political personalities of Mensheviks.

Столетие Февральской революции 1917 года, которое было отмечено общественностью в прошлом году, оставляет место для воссоздания идеологии, политической стратегии, организационных принципов и тактики центрального комитета меньшевистской партии в 1917 году в России. Проиграв большевикам в 1917 году, меньшевики обрекли себя на истори-

ческое забвение и грубое искажение своей истории в советской историографии. В ней меньшевики предстают как некомпетентные или сознательные предатели рабочего класса, демагоги, опиравшиеся на тончайший и слабый класс в политической активности — слой рабочей аристократии и мелкобуржуазной интеллигенции.

Между тем меньшевизм представляет собой интересный и исторически значимый идеологический, общественно-политический и социокультурный феномен, заслуживающий пристального внимания и изучения. В условиях после победы Февральской революции все политические партии получили свободу политической деятельности. Наибольших успехов в условиях двоевластия добились партии социалистической ориентации — меньшевики и эсеры. Благодаря им в России явочным порядком возникли советы как органы власти и Временное буржуазное правительство, которому меньшевистско-эсеровские лидеры передали всю власть.

В 1917 году в поисках опоры своей власти Директория во главе с А.Ф. Керенским пошла навстречу инициативе правых социалистов — членов ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Совета крестьянских депутатов, созвавших так называемое Демократическое совещание.

Основным политическим вопросом после подавления корниловского мятежа 1917 года был выдвинут вопрос о власти, точнее, кто будет формировать власть — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов или «революционная демократия», то есть отечественная буржуазия. Будет это советское правительство или коалиционное буржуазное правительство. Для того чтобы в России сохранить буржуазное «коалиционное» правительство, вожди меньшевизма приняли решение Созвать Демократическое Совещание.

Идея о созыве Демократического Совещания была поставлена на обсуждение ЦК РСДРП(о) 30 августа и была решена положительно единогласно¹. Таким образом, она стала для меньшевистской партии директивой. Вопрос о Демократическом совещании обсуждался на заседаниях ЦК меньшевиков: в начале сентября 1917 года на общем собрании меньшевиков-интернационалистов Петроградской организации и на совещании меньшевиков-оборонцев². В итоге идею о созыве Де-

мократического Совещания поддержали 7 из 10 членов ЦК меньшевиков³.

Объединенное заседание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (далее — ВЦИК) и Исполнительный Комитет Советов (далее — ИК) 31 августа — 1 сентября приняло меньшевистскую резолюцию «О власти», в которой говорилось о немедленном созыве съезда российской демократии. По этому поводу газета «Известия» сообщила, что съезд намечен на 12 сентября в Петрограде. Были высланы телеграммы с приглашением ряду организаций для участия в съезде. Количество делегатов было определено следующим образом: ВЦИК на Совещании получил 100 мест; ИК Совета крестьянских депутатов — 100 мест; областные комитеты совета рабочих и солдатских депутатов — 50 мест; областные комитеты крестьянских депутатов — 50 мест; кооперация — 150 мест; профсоюзы — 100 мест; военные организации — 84 места; железнодорожный союз — 20 мест; торгово-промышленный союз — 20 мест; почтово-телеграфный союз — 10 мест; учительские союзы — 15 мест; служащие земгора — 3 места; служащие в прочих комитетах — 2 места; фармацевты — 1 место; фельдшеры — 2 места; врачи — 2 места; журналисты — 2 места; адвокаты — 2 места; инженеры — 2 места; архитекторы — 1 место; земства — 50 мест; национальные группы — 59 мест и крестьянский союз — 10 мест⁴.

4 сентября Бюро ВЦИК Советов рассмотрело вопрос о созыве и проведении Демократического Совещания. Мнение членов Бюро было различным. Одни считали, что Демократическое Совещание должно решить не только проблему реконструкции власти, но и взять власть. Другие предлагали выделить из состава Совещания орган, который практически стал бы парламентом России с контрольными и инициативно-законодательными функциями. Эти предложения были учтены Бюро ВЦИК. Оно предложило передать их на рассмотрение меньшевистской, эсеровской и других фракций совеща-

¹ Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Часть первая. С. 77–78.

² Там же. С. 83, 87, 93–94, 101–102.

³ Новая жизнь. 1917. 15 сентября.

⁴ Известия. 1917. 3 сентября.

ния. Заседание Бюро ВЦИК приняло решение расширить состав Совещания за счет представительства продовольственных организаций, организаций железных дорог, Петроградского совета, Кронштадта, казачьих организаций. В решении было записано о «желательности обеспечить» представительство на Демократическом Совещании различных партий⁵.

Позиция А.Ф. Керенского выражалась следующим образом: «Цель совещания была предельно проста. Как сформулировал ее 1 сентября Церетели, совещание должно продемонстрировать, что монолитное единство и однородность, которые присущи лишь «революционно-демократическому» движению (то есть социалистам) позволяют ему создать такое правительство, в котором нуждается революция»⁶.

Временное правительство, добившись поддержки со стороны ВЦИК Советов и ИК Совета крестьянских депутатов, сделало вид, что оно в них больше не нуждается, и Постановление ВЦИК о том, что Директория будет существовать только до 12 сентября с начала работы Демократического Совещания, было просто проигнорировано. Тот факт, что в состав Временного правительства не будут включены лидеры партии кадетов, А.Ф. Керенский не считал нужным даже комментировать. Эти и подобные решения ВЦИК А.Ф. Керенский не считал для себя определяющими и не придавал никакого значения Демократическому Совещанию⁷. Он четко определил для себя, что формирование правительства не будет «связано со съездом 12 сентября»⁸.

Таким образом, после подавления корниловского мятежа обнаружилась напряженность между деятельностью А.Ф. Керенского и лидерами партий меньшевиков и эсеров. Об этом говорилось на стра-

ницах эсеровской газеты «Дело народа», меньшевистских газет «Рабочая газета», «Известия» и др. Так, центральный орган меньшевистской партии «Рабочая газета» потребовал удалить из правительства представителей скомпрометировавших себя в дни корниловщины⁹. В газете «Известия» от 3 сентября была опубликована позиция меньшевиков о том, что отпор корниловскому бунту дала демократия, следовательно, необходимо сохранить все демократические организации в армии и в тылу¹⁰.

Однако и среди лидеров меньшевистской партии не было единства взглядов по поводу созываемого Демократического Совещания. Лидер меньшевистской партии считал, что главной задачей Совещания является организация власти, ибо прежняя коалиция себя изжила, что теперь демократия берет на себя всю ответственность и зовет всех к совместной работе. «Если власть будет против, — предупреждал он А.Ф. Керенского, — то можно будет указать на это и власти, отстранив и ее»¹¹.

Меньшевики-оборонцы считали, что некоторые лидеры меньшевизма стремились склонить Демократическое Совещание на путь отрицания признанного демократией положения о необходимости коалиционной власти, что это отрицание грозит стране величайшими потрясениями. Оборонцы утверждали, что «однородно буржуазное, как и однородно социалистическое Правительство, бессильно будет организовать оборону страны и предохранить ее от экономического развала и бросит Россию в бездну гражданской войны».

А.Ф. Керенский был информирован о положении внутри российского меньшевизма, о политической борьбе между меньшевиками-оборонцами и меньшевиками-интернационалистами; знал, что Ю.О. Мартов выдвинул и отстаивал идею о необходимости создания демократической власти, способной на решение творческих задач, что Ф.И. Дан считал необ-

⁵ ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 185. Л. 1.

⁶ См.: Руднева С.Е. Демократическое совещание (сентябрь 1917 г.). История форума. М., 2000. С. 50.

⁷ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М.: Республика, 1993. С. 292.

⁸ См.: Старцев В.И. Крах керенщины. А.: Наука: Ленинградское отделение, 1982. С. 61.

⁹ Там же. С. 66.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 20. Л. 3.

¹¹ Рабочая газета. 1917. 2 сентября.

ходимым в данный момент удалить из правительства кадетов, а об их участии в нем должно решить Демократическое Собрание. С Ф.И. Даном солидаризировался Н.Н. Суханов. Лидеры меньшевизма запугивали А.Ф. Керенского тем, что на собрании будет организовано новое правительство, демократическая власть¹².

Среди лидеров меньшевистской партии не было единства взглядов и по поводу созываемого Демократического Собрания. Так, М.И. Либер утверждал, что созывается собрание демократических групп, а не партий, что среди земцев и представителей городов могут оказаться кадеты. Главной целью Собрания, по его мнению, является создание авторитетной власти для большинства народа России¹³. И.Г. Церетели считал, что созываемое Демократическое Собрание должно создать новый центр политической жизни демократии. На страницах газеты «Дело народа» он писал: «Теперь мы в состоянии сделать выбор, мы можем рискнуть в случае выбора на Советскую власть. И часть буржуазии придет теперь на помощь, чтобы не быть отброшенной по ту сторону революции». Лидер меньшевистской партии считал, что главной задачей Собрания является организация власти, ибо прежняя коалиция себя изжила, что теперь демократия берет на себя всю ответственность и зовет всех к совместной работе. «Если власть будет против, — предупреждал он А.Ф. Керенского, — то можно будет указать на это и власти, отстранив и ее»¹⁴.

Главной опасностью для Временного правительства и для меньшевиков и эсеров стала политическая борьба за власть большевистской партии. Лидеры большевизма довольно быстро осознали необходимость определенных изменений в тактике революционной борьбы за власть, вызванных восстанием генерала А.Г. Корнилова и социальными и политическими последствиями его разгрома. Оценивая сложившуюся политическую ситуацию, В.И. Ленин считал, что на данном этапе революции необходимо в борьбе за пе-

реход власти в руки меньшевистско-эсеровских Советов, что надо идти с ними на компромиссы, что в первую неделю сентября 1917 года сложилась благоприятная обстановка для мирного перехода всей власти в руки Советов. Пойдут ли на это Советы, вопреки вождям эсеров и меньшевиков, «или они опять будут топтаться на месте, делая этим пролетарское восстание неизбежным»¹⁵.

Накануне открытия Демократического Собрания положение меньшевистской партии значительно ухудшилось. Лидеры меньшевиков не могли отрегулировать свои отношения с Временным правительством. Они потеряли Петроградский и Московский Советы рабочих и солдатских депутатов. Камнем преткновения стал вопрос о коалиции, о цели и задачах Демократического Собрания, о характере и составе формируемого им и ответственного перед ним Временного правительства.

Следовательно, во взглядах меньшевиков относительно деятельности Демократического Собрания и формирования правительства не существовало единогласия. Меньшевики должны были вести борьбу с взглядами кадетов и большевиков. Не было единства действий между меньшевиками-оборонцами и меньшевиками-интернационалистами. Так, в опубликованных 7 сентября 1917 года Ф.И. Даном статьях в «Рабочей газете» и в «Известиях» звучала мысль о необходимости демократии добиваться объединения с теми членами партии кадетов, которые пойдут на «честную коалицию с демократией на почве разрешения очередных задач революции, от которых не может отказаться революционная демократия»¹⁶.

В газете «Известия» Ф.И. Дан отстаивал идею сотрудничества с представителями партии кадетов, приглашаемых в правительство. И сотрудничать надо с теми, кто способен проводить политику спасения страны и революции¹⁷.

Однако при дальнейшем обсуждении вопроса, сформулированного «по вопросу о задачах социал-демократии на Об-

¹² Дело народа. 1917. 5 сентября.

¹³ См.: Старцев В.И. Указ. соч. С. 70.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 135.

¹⁶ Рабочая газета. 1917. 8 сентября.

¹⁷ Известия. 1917. 3 сентября.

щедемократическом Совещании», было внесено три резолюции: Ю.О. Мартовым, Б.С. Батурским и Ф.И. Даном. Большинство голосов за основу была принята резолюция Ф.И. Дана. После ее обсуждения по пунктам и принятия поправок, сделанных после критики Ф.И. Даном и Н.А. Рожковым, резолюция в целом была принята: 9 — за, 7 — против и 2 — воздержались.

9 сентября эта резолюция была опубликована в «Рабочей газете». В резолюции ЦК РСДРП(о) по отношению к Демократическому Совещанию утверждалось, что ЦК «считает задачей партии по отношению к демократическому съезду объединение всех демократических сил в целях создания условий для образования сильной революционной власти, способной действительно проводить в жизнь программу, принятую объединенной демократией на Московском Совещании, вести энергичную борьбу с контрреволюцией и реорганизовать армию, и действующей в открытом и тесном сотрудничестве с демократическими организациями».

В резолюции подчеркивалось, что к образованию власти необходимо привлечь цензовые элементы, то есть создание коалиционного правительства. Но это правительство должно опираться, работать и быть ответственно перед представительным учреждением до Учредительного Собрания.

Если же цензовые элементы откажутся участвовать в таком правительстве, меньшевистская партия возьмет на себя задачу объединить всю демократию и создать Временное правительство, ответственное перед представительным учреждением демократии¹⁸. Следовательно, меньшевикам-оборонцам удалось после провала своей резолюции о Демократическом Совещании все же добиться участия партии в ее работе и предложить ЦК принять постановление о том, чтобы все члены партии составили на Демократическом Совещании единую фракцию и не образовывали бы отдельных групп¹⁹.

¹⁸ Большевики в 1917 году. Т. 3. Часть первая. С. 93–94.

¹⁹ Там же. С. 158.

Таким образом, основное внимание лидеров ВЦИК Советов и ЦК РСДРП(о) в первые две недели были сосредоточены на подготовке и проведении Демократического Совещания, где предполагалось создать Временное правительство, подотчетное перед постоянно действующим демократическим органом типа парламента.

Вместе с тем необходимо отметить, что в рядах меньшевистской партии не было сформировано единство взгляда на формирование Временного правительства. Во время совещания меньшевистской фракции выступили Н.Н. Жордания, А.Н. Потресов, А.С. Мартынов, И.Г. Церетели, Ю.О. Мартов. Если Н.Н. Жордания, А.С. Мартынов, Ю.О. Мартов выступили против коалиции, высказывая, что «никакая буржуазия не будет честно проводить демократическую программу. На совещании необходимо честно заявить, что коалиция с цензовыми элементами недопустима»²⁰, то А.Н. Потресов и И.Г. Церетели, особенно А.Н. Потресов, в ультимативной форме потребовали, даже ценою разрыва с большинством членов меньшевистской партии, поддержать идею создания коалиционной власти. Он заявил собравшимся, что сложилась опасность в стремлении большевиков захватить власть. Ф.И. Дан и Б.О. Богданов колебались. Они стали выступать за создание однородного демократического правительства, не исключая под именем «демократов» цензовой буржуазии. Большевики-интернационалисты во главе с Ю.О. Мартовым выступили за создание власти, опирающейся на демократические силы страны, на Советы в первую очередь²¹.

В результате накануне открытия Демократического Совещания разногласия, возникшие внутри ЦК РСДРП(о) и в ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, прорвались наружу, стали достоянием членов меньшевистской партии и российской общественности. Глубинные

²⁰ См.: Рабочая газета. 1917. 14 сентября; Суханов Н.Н. Указ. соч. Т. 3. Книги 5, 6, 7. С. 178; Жордания Н. Моя жизнь. Stanford, 1968. С. 77–78.

²¹ День. 1917. 15 сентября.

коренные разногласия о формировании власти, о составе Временного правительства были симптомом раскола в меньшевистской партии.

Литература

1. Жордания Н. Моя жизнь / Н. Жордания ; перевод с грузинского И. Жордания. Stanford (Calif.) : The Hoover inst. on war, revolution and peace, 1968. 130 с.
2. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары : перевод с английского / А.Ф. Керенский. Москва : Республика, 1993. 383 с.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 томах. Т. 34. Июль — октябрь 1917 / В.И. Ленин. 5-е изд. Москва : Политиздат, 1969. 584 с.
4. Большевики в 1917 году. В 3 томах. Т. 3. Ч. 1. От корниловского мятежа до конца декабря : ч. 1. От корниловского мятежа до Временного Демократического Совета Российской Республики (авг. — первая декада окт.) / под общей редакцией З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймонса. Москва : Прогресс-академия, 1996. 446 с.
5. Руднева С.Е. Демократическое совещание (сентябрь 1917 г.). История форума. Москва : Наука, 2000. 253 с.
6. Старцев В.И. Крах керенщины / В.И. Старцев ; под редакцией О.Н. Знаменского. Ленинград : Наука : Ленинградское отделение, 1982. 271 с.

References

1. Zhordania N. Moya zhizn [My Life] / N. Zhordania ; perevod s gruzinskogo I. Zhordaniya. Stanford (Calif.) : The Hoover inst. on war, revolution and peace — translated from Georgian by I. Zhordania. Stanford (Calif.) : The Hoover Inst. on War, Revolution and Peace, 1968. 130 s.
2. Kerenskiy A.F. Rossiya na istoricheskom povorote. Memuary` : perevod s angliyskogo [Russia at the Historical Turn. Memoirs : translated from English] / A.F. Kerenskiy. Moskva : Respublika — Moscow : Republic, 1993. 383 s.
3. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy. V 55 tomakh. T. 34. Iyul — oktyabr 1917 [Full Collection of Works. In 55 volumes. Vol. 34. From July to October 1917] / V.I. Lenin. 5-e izd. Moskva : Politizdat — 5th edition. Moscow : Publishing House of Political Literature, 1969. 584 s.
4. Mensheviky v 1917 godu. V 3 tomakh. T. 3. Ch. 1. Ot kornilovskogo myatezha do kontsa dekabrya : ch. 1. Ot kornilovskogo myatezha do Vremennogo Demokraticeskogo Soveta Rossiyskoy Respubliki (avg. — pervaya dekada okt.) [Mensheviks in 1917. In 3 volumes. Vol. 3. Part 1. From the Kornilov Revolt to the End of December : Part 1. From the Kornilov Revolt to the Provisional Democratic Council of the Russian Republic (from August to the First Decade of October)] / pod obschey redaktsiyey Z. Galili, A. Nenarokova, L. Kheymonsa. Moskva : Progress-akademiya — under the general editorship of Z. Galili, A. Nenarokov, L. Kheymons. Moscow : Progress-Academy, 1996. 446 s.
5. Rudneva S.E. Demokraticeskoe soveshanie (sentyabr 1917 g.). Istoriya foruma [Democratic Meeting (September 1917). History of the Forum]. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 2000. 253 s.
6. Startsev V.I. Krakh kerenschiny` [Collapse of the Kerensky's Rule] / V.I. Startsev ; pod redaktsiyey O.N. Znamenskogo. Leningrad : Nauka : Leningradskoe otdelenie — edited by O.N. Znamenskiy. Leningrad : Science : Leningrad Branch, 1982. 271 s.

Уважаемые авторы!

Просим вас тщательно проверять перед отправлением в редакцию общую орфографию статей, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации. Обращаем ваше внимание на то, что автор несет личную ответственность за оригинальность текста, а также за достоверность приведенных данных и точность цитируемых текстов.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-12-15-20

Всенародное голосование по проекту Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года, как народный акцепт общественного договора: 25 лет спустя

*Тарабан Николай Александрович,
преподаватель Южного университета
(Институт управления, бизнеса и права)
nick-nt@mail.ru*

В статье осуществляется историко-правовой анализ Всенародного голосования по вопросу принятия Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года. Исследуя сущностный аспект Конституции Российской Федерации, автор выделяет в ней свойство Общественного договора государственной власти и гражданского обществом, в связи с чем рассматривает народный плебисцит в качестве акцепта гражданским обществом Общественного договора.

Ключевые слова: Конституция РФ, Всенародное голосование, теория народного суверенитета, теория общественного договора, акцепт, реформа государственно-политической системы.

The National Vote on the Draft of the Constitution of the Russian Federation on December 12, 1993 as Popular Acceptance of the Public Agreement: 25 Years Later

*Taraban Nikolay A.
Lecturer of the Southern University (IMBL)*

The article provides a historical and legal analysis of the nationwide vote on the adoption of the Constitution of the Russian Federation on December 12, 1993. Exploring the essential aspect of the Constitution of the Russian Federation, the author singles out in her the property of the Social Contract of state power and civil society, in this connection, she considers the people's plebiscite as an acceptance of the Social Contract by civil society.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, nationwide voting, theory of popular sovereignty, theory of social contract, acceptance, reform of the state-political system.

2018 год представляется особым для истории российского конституционализма, поскольку на него приходятся две юбилейные даты. Во-первых, это 100-летие принятия первой в отечественной истории писанной конституции — Конституции РСФСР от 10 июля 1918 года¹.

Во-вторых, на 2018 год приходится четверть века со дня принятия 12 декабря 1993 года Всенародным голосованием ныне действующей Конституции Российской Федерации², заложившей фундамент

современной национальной правовой системы.

Юбилейная дата представляется удачным поводом для переосмысления сущности российской Конституции, оценки достижений в области конституционного права, построения перспектив дальнейшей научной разработки проблем конституционализма.

Конституция РСФСР, принятая 100 лет назад, являлась первым писанным уставным документом, учреждающим государственную власть в России. Первая советская Конституция отражала интересы

¹ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 года // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

² Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря

1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

победившего в Октябрьской революции «трудящегося и эксплуатируемого народа». Однако, устанавливая классовые различия в правовом статусе личности, такая конституция не могла отражать консенсус интересов различных социальных групп.

На современном этапе конституционно-правовых исследований конституцию государства целесообразно рассматривать не только как фундаментальный правовой акт, закладывающий основы национальной правовой системы, но и как общественный договор в понимании, данном основоположниками теории народного суверенитета и общественного договора — Дж. Локком, Т. Гоббсом, Ж.Ж. Руссо³.

Для констатации в конституционном акте договорной природы необходимым представляется наличие следующих признаков:

— двусторонний (консенсуальный) характер принятия конституции, когда одной стороной выступает государственная власть, а другой — народ;

— наличие в конституции компромисса интересов личности, общества и государственной власти;

— решение в конституционном акте задачи, связанной с консолидацией различных социальных групп, призванной предотвратить возникновение «войны всех против всех», путем обеспечения баланса различных ценностных установок (например, идей либерализма и социализма, индивидуализма и солидарности).

Подлинное отражение в конституции идеи Общественного договора, является высшей стадией эволюции конституционализма.

В России идея Общественного договора впервые получила конституционализацию, то есть формальное закрепление в конституционном акте по результатам Всенародного голосования 12 декабря 1993 года, когда была принята ныне действующая Конституция Российской Федерации.

Соответственно, Конституцию Российской Федерации, принятую 12 декабря

³ Тарабан Н.А. Конституция Российской Федерации, как общественный договор: стабильность и динамизм // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 9. С. 12–15.

1993 года, можно рассматривать как первый общественный договор государственной власти и гражданского общества, заключенный 25 лет назад.

Данное событие пришлось на непростой период новейшей истории российской государственности, связанный с острым политическим кризисом, что представляет повод для критики ряда конституционных норм, как определенных победившей стороной — тогдашним Президентом РФ Б.Н. Ельциным.

С другой стороны, конституционные реформы всегда связаны с трансформаций государственно-политического устройства стран, и новые конституции отражают обновленные элементы конституционного строя. Разумеется, таким условиям характерно наличие определенного политического кризиса, связанного с произошедшей ротацией правящих элит.

Одной из первых предпосылок принятия новой Конституции в России послужил разгар перестройки 1985–1991 годов, когда произошло кардинальное переосмысление институциональных ценностей в обществе и государстве. Однако на этом этапе конституционные реформы реализовывались последовательным внесением в Конституцию РСФСР от 12 апреля 1978 года, позже переименованную в Конституцию (Основной Закон) Российской Федерации — России⁴. Так, за период с 1989 по 1992 год было принято 8 Законов РСФСР и 3 Закона Российской Федерации о конституционных поправках.

При этом вопрос полномасштабной конституционной реформы встал после принятия 12 июня 1990 года Съездом народных депутатов РСФСР Декларации о государственном суверенитете, пункт 15 которой устанавливал, что данная Декларация является основой для разработки новой Конституции и совершенствования республиканского законодательства⁵.

⁴ Конституция (Основной Закон) Российской Федерации — России : принята ВС РСФСР 12 апреля 1978 года // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

⁵ Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Принята в г. Москве

Следующей вехой послужил Указ Президента РФ «О поэтапной конституционной реформе» от 21 сентября 1993 года № 1400⁶, констатировавший острый конституционный кризис. В соответствии с данным Указом прервано осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов и Верховным Советом Российской Федерации до избрания нового национального двухпалатного парламента — Федерального Собрания Российской Федерации. Этим же Указом назначены выборы депутатов Государственной Думы первого созыва на 12 декабря 1993 года, утверждено положение о федеральных органах власти на переходный период. Необходимо отметить и то, что Заключением Конституционного Суда Российской Федерации от 21 сентября 1993 года № 3-2, названный Указ признан не соответствующим действовавшей Конституции РФ и служил основанием для применения к Президенту мер конституционно-правовой ответственности в соответствии со статьями 121.6 и 121.10 Конституции РФ⁷. Однако, несмотря на это, в сентябре-октябре 1993 года в г. Москве произошел силовой разгон Верховного Совета Российской Федерации.

Дальнейшая работа над проектом новой Конституции Российской Федерации продолжалась в условиях глубочайшего политического кризиса. Стоит отметить, что дата Всенародного голосования по проекту новой Конституции Российской Федерации была назначена Указом Президента Российской Федерации от

15 октября 1993 года № 1633 «О проведении Всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации»⁸ на 12 декабря 1993 года, в то время как окончательный текст Конституции Российской Федерации, предлагаемый к принятию Всенародным голосованием, был представлен в окончательной редакции Президентом Российской Федерации в Центризбирком лишь 9 ноября 1993 года⁹.

Необходимо отметить и то обстоятельство, что сама процедура народного плебисцита по одобрению конституционного акта не именовалась и не могла именоваться референдумом, поскольку Президент Российской Федерации, как фактический его инициатор, не мог в системе существовавшего правового регулирования выступать субъектом назначения референдума (статья 9 Закона РСФСР от 16 октября 1990 года № 241-1 «О референдуме РСФСР»¹⁰).

С другой стороны, в условиях конституционного кризиса, включая непризнание Президентом РФ власти Верховного Совета РСФСР, Указ Президента РФ «О поэтапной конституционной реформе» хотя и признанный Конституционным Судом РФ не соответствовавшим действовавшей Конституции, продолжал применяться.

Другими документами, лежавшими в основе проекта Конституции РФ, являлись Федеративные договоры о разграничении предметов ведения между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органа-

12 июня 1990 года // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.

⁶ Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 39. Ст. 3597.

⁷ Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 сентября 1993 года № 2-3 «О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, связанных с его Указом «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 года № 1400 и Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1994. № 6.

⁸ Указ Президента Российской Федерации «О проведении Всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации» от 15 октября 1993 года № 1633 // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации РФ. 1993. № 42. Ст. 3995.

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 6 ноября 1993 года № 1845 «О проекте Конституции Российской Федерации, представляемом на Всенародное голосование» // Собрание актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации. 1993. № 45. Ст. 4332.

¹⁰ Закон РСФСР от 16 октября 1990 года № 241-1 «О референдуме РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 21. Ст. 230.

ми власти субъектов Федерации, подписанные 31 марта 1992 года¹¹, положившие начало современному российскому федерализму.

Всенародное голосование по принятию Конституции РФ состоялось 12 декабря 1993 года. По данным официального сайта ЦИК России, в голосовании приняло участие 58 187 755, или 54,8%, граждан, обладающих активным избирательным правом, из их числа проект Конституции РФ поддержали 32 937 630, или 58,43%, избирателей, а высказались против 23 431 333, или 41,57%, избирателей. Недействительными были признаны 1 818 792 (или 3,13%) бюллетеней¹².

Тогдашний Президент РФ Б.Н. Ельцин назвал Конституцию России первой демократической конституцией во всей ее многовековой истории¹³.

По данным газеты «Известия», к 4 декабря 1993 года в Россию прибыло и прошло

аккредитацию в Центризбирком примерно 600 иностранных наблюдателей¹⁴. Подлинность голосования тогда находила подтверждение в отчетах наблюдателей Совета Европы, США, Европарламента¹⁵.

Относительно невысокий уровень электоральной активности при проведении столь важного в истории страны голосования можно объяснить отказом Чеченской Республики от проведения конституционного плебисцита на своей территории.

Официальные итоги Всенародного голосования по вопросу принятия Конституции определены Центральной избирательной комиссией 20 декабря 1993 года, признавшей прошедшее голосование состоявшимся, а Конституцию Российской Федерации принятой¹⁶.

Таким образом, вынесенный на Всенародное голосование Президентом Российской Федерации проект Основного Закона в целом получил одобрение гражданским обществом. Данное обстоятельство позволяет рассматривать Конституцию РФ в качестве общественного договора ввиду консенсуального механизма ее принятия, путем разработки и вынесения на Всенародное голосование главой государства, с одной стороны, и одобрения большинством проголосовавших граждан, с другой стороны.

По общему учению о договоре, последний признается заключенным в случае, если сторонами в требуемой форме достигнуто соглашение по всем его существенным условиям. Одной из форм заключения договора признается акцепт другой стороной предлагаемой оферты.

В сложившихся условиях Всенародное голосование по вопросу принятия Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года можно рассматривать как акцепт народом, являющимся единственным источником власти общественного

¹¹ Федеративный договор от 31 марта 1992 года «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации», Федеративный договор от 31 марта 1992 года «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации», Федеративный договор от 31 марта 1992 года «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации» // Федеративный договор: Документы. Комментарии. М., 1994.

¹² Итоги Всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года // Официальный сайт ЦИК России. URL: www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/referendum/1993_ref_itogi.html (дата обращения: 05.10.2018).

¹³ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 24 февраля 1994 года «Об укреплении Российского государства (Основные направления внутренней и внешней политики)» // Российская газета. 1994. 25 февраля.

¹⁴ Известия. 1993. 4 декабря.

¹⁵ Наблюдатели: нарушений не было // Российская газета. 1993. 14 декабря.

¹⁶ Постановление ЦИК России от 20 декабря 1993 года № 142 «О результатах Всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации» // Российская газета. 1993. 25 декабря.

договора, предложенного Президентом Российской Федерации, выступившим в качестве оферента в договорном отношении.

Необходимо отметить, что во Всенародном голосовании по проекту Конституции Российской Федерации российский народ, как действительный носитель национального суверенитета, помог преодолеть конституционно-политический кризис, длившийся более трех лет. Именно с принятием Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года уместно говорить о строительстве нового демократического правового государства (статья 1), в котором человек с его правами и свободами провозглашены высшей ценностью (статья 2), а на государство возложена обязанность по их защите.

Вспоминая о роли общественного договора, изложенной в учении Т. Гоббса, необходимо выделить, что основной задачей последнего являлось недопущение возникновения всеобщей анархии («*войны всех против всех*»), лежащей, по мнению мыслителя, в основе «естественного состояния людей» и проявляющегося в отсутствии общественного договора и эффективной власти¹⁷. Резюмируя изложенное, можно прийти к выводу, что многонациональный народ, проявив решимость, заключил Общественный договор.

Согласование баланса интересов власти и народа в Конституции РФ, как общественном договоре, осуществлено путем установления в числе основ конституционного строя демократического политического режима (часть 1 статьи 1), принципа приоритета прав и свобод человека (статья 2), провозглашения народного суверенитета, связанного с признанием многонационального народа единственным источником власти, осуществляющим таковую через референдум и свободные выборы (статья 3). Важной составляющей, направленной на поддержание стабильности государственного строя, является

провозглашение Российской Федерации социальным государством (статья 7). Основной комплекс прав и свобод человека и гражданина, составляющих основы правового статуса личности, закреплен в главе 2 Конституции РФ. При этом такие права могут быть классифицированы на естественные (принадлежащие человеку от рождения и возникающие независимо от наличия гражданства Российской Федерации), гражданско-политические (возникающие с приобретением гражданства и связанные с участием в управлении делами государства) и социально-экономические (направленные на реализацию политики Российской Федерации, как социального государства, связанные с обеспечением достойного существования личности).

Признает Конституция РФ и положения об ответственности государства перед личностью (статья 53 Конституции РФ), что присуще договорному началу регулирования отношений власти и гражданского общества.

С другой стороны, Конституция РФ, основываясь на компромиссе интересов личности и государства, предусматривает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (часть 3 статьи 55).

Другим компромиссом гражданского общества в пользу государства является установление конституционных обязанностей, таких как соблюдение Конституции РФ и законов (часть 2 статьи 15), охрана объектов культурного наследия (часть 3 статьи 44), уплата законно установленных налогов и сборов (статья 57), охрана природы и окружающей среды (статья 58), защита Отечества (статья 59).

Такой подход в полной мере корреспондирует с фундаментальной идеологемой теории общественного договора, связанной с частичным отказом человека от своих суверенных прав в пользу государства в обмен на последующее обеспечение своих интересов в области безопасности,

¹⁷ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs.Leviafan.pdf> (дата обращения: 05.10.2018).

охраны интересов, социальной защиты через посредство государственной власти.

За 25 лет своего существования Конституция РФ сумела вывести страну сквозь весьма тернистый путь перестройки на путь стабильного развития.

Ранее, накануне 10-летия Конституции РФ, экс-председатель Конституционного Суда РФ М.В. Баглай называл российскую Конституцию «рубашкой на вырост»¹⁸, констатируя неполную реализацию зало-

женного в ней потенциала. Пройдя четверть века, Россия с ее политико-правовой ментальностью успела «вырасти» для эффективной реализации заложенных в Основном Законе страны институтов¹⁹. Однако ориентация Конституции России «на будущее» требует от нас постоянно «смотреть вперед», осуществляя поиск новых планов модернизации российской государственности.

¹⁸ Баглай М.В. Конституция — рубашка на вырост // Российская газета. 2003. 3 октября.

¹⁹ Тарабан Н.А. Конституция РФ: 20 лет в российской истории // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 8. С. 8–12.

Литература

1. Баглай М.В. Конституция — рубашка на вырост / М.В. Баглай // Российская газета. 2003. 3 октября.
2. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс; предисловие и редакция А. Ческиса. Москва : Соцэкгиз, 1936. Переплет, 503 с.
3. Тарабан Н.А. Конституция Российской Федерации, как общественный договор: стабильность и динамизм / Н.А. Тарабан // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 9. С. 12–15.
4. Тарабан Н.А. Конституция РФ: 20 лет в российской истории / Н.А. Тарабан // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 8. С. 8–12.

References

1. Baglay M.V. Konstitutsiya — rubashka na vy`rost [Constitution — Future Proof] / M.V. Baglay // Rossiyskaya gazeta. 2003. 3 oktyabrya — Russian Newspaper. 2003. October 3.
2. Hobbes T. Leviathan, ili Materiya, forma i vlast gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common-Wealth Ecclesiasticall and Civil] / T. Hobbes; predislovie i redaktsiya A. Cheskisa. Moskva : Sotsekgiz, 1936. Pereplet — foreword and edited by A. Cheskis. Moscow : Publishing House of Socioeconomic Literature, 1936. Pereplet, 503 s.
3. Taraban N.A. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii, kak obschestvenny`y dogovor: stabilnost i dinamizm [The Constitution of the Russian Federation as a Public Agreement: Stability and Dynamics] / N.A. Taraban // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo — Constitutional and Municipal Law. 2018. № 9. S. 12–15.
4. Taraban N.A. Konstitutsiya RF: 20 let v rossiyskoy istorii [The Constitution of the Russian Federation: 20 Years in Russian History] / N.A. Taraban // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie — Government and Local Self-Government. 2014. № 8. S. 8–12.

Уважаемые авторы!

Обращаем ваше внимание на следующие пункты:

- Нельзя предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале.
- Соавторами статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.
- Если вы обнаружили существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, необходимо как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-12-21-26

Специфика электорального поведения крестьян в 1920-е годы (на материалах Брянской, Смоленской и Гомельской губерний)

*Кулачков Вадим Витальевич,
доцент кафедры философии, истории и социологии
Брянского государственного инженерно-технологического университета,
кандидат исторических наук,
бакалавр юриспруденции
vad2517@yandex.ru*

В данной статье предпринята попытка рассмотрения специфики электорального поведения крестьян в 1920-е годы на региональном материале. Общеизвестно, что в середине 1920-х годов была объявлена так называемая политика «оживления Советов», так как в сельской местности все более нарастали индифферентные настроения, вызванные absenteeизмом крестьян и невозможностью реализовать на практике стремление объединиться в «Крестьянский союз». К причинам absenteeизма можно отнести традиционализм крестьянского образа жизни и особенности социальной психологии жителей деревни. Проведение выборных кампаний в 1920-е годы сопровождалось соответствующей подготовкой, которая выражалась в устройстве различных конференций и собраний. Политика «лицом к деревне» была направлена на завоевание симпатий крестьянства, однако она во многом была декларативной и не подкреплённой реальными делами, что способствовало недовольству сельских жителей.

Ключевые слова: электоральное поведение, крестьянство, absenteeизм, традиционализм, Брянская губерния, Смоленская губерния, Гомельская губерния, новая экономическая политика.

Specifics of the Electoral Behavior of Peasants in the 1920s (Based on Files of Bryansk, Smolensk and Gomel Governorates)

*Kulachkov Vadim V.
Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Sociology
of the Bryansk State Technological University of Engineering
PhD (History), Bachelor of Laws*

This article attempts to review the specifics of the electoral behavior of the peasants in the 1920s, regional material. It is well known that in the mid-1920s the so-called policy of "revival of the Soviets" was announced, as in rural areas the indifferent moods caused by absenteeism of peasants and the inability to implement in practice the desire to unite in a "Peasant Union" grew more and more. The reasons for absenteeism include the traditionalism of the peasant way of life and especially the social psychology of the villagers. Election campaigns in the 1920s were accompanied by appropriate training, which was expressed in the organization of various conferences and meetings. The policy of "facing the village" was aimed at winning the sympathy of the peasantry, but it was largely declarative and not supported by real Affairs, which contributed to the discontent of rural residents.

Keywords: electoral behavior, peasantry, absenteeism, traditionalism, Bryansk province, Smolensk province, Gomel province, new economic policy.

Изучение электорального поведения актуально в силу ряда причин. Демократические традиции в истории нашей страны не имеют прочных основ, поэтому изучение отношения к выборам имеет важное значение в плане формирования гражданских ценностей в российском обществе. В изучаемый период Россия была кре-

стьянской страной, что предполагает наличие у ныне живущих россиян деревенских корней, что также актуализирует изучение данной темы. Целью данной статьи является рассмотрение электорального поведения российских крестьян в 1920-е годы на материалах Брянской, Смоленской и Гомельской губерний.

Следует сказать, что электоральное поведение в научной литературе не имеет однозначного понимания. В частности, электоральное поведение определяется электоральным менталитетом, который представляет собой коллективные представления людей одной культурной общности, их образ мышления и восприятие мира, ценности и установки, ориентации и нормы, определяющие поведение в сфере выборов¹.

В современной отечественной историографии рассмотрению особенностей электорального поведения крестьянства в 1920-е годы уделяется определенное внимание. В частности, по мнению исследователя А.П. Шекшеева, «...настроения енисейского крестьянства в 1920-е гг. существовали и развивались в русле внутриобщинных переживаний и под воздействием политики советской власти... Настроения крестьян могли быстро меняться. В их общественном сознании наблюдалось переплетение традиционных черт с новациями, вызванными политическими реалиями»². В свою очередь, Ю.А. Петрушин приходит к обоснованному выводу, что «крестьянские массы веками привыкли жить миром, сельским обществом, выбирать в руководящие органы уважаемых и авторитетных жителей. Партийные власти, по существу, пресекали этот естественный ход истории в самоуправлении, навязали классовый принцип организации власти на местах, заложив непримиримый конфликт между партийными и советскими органами власти, а в дальнейшем подменили власть Советов властью партийного аппарата»³.

¹ Линеищева К. С. Электоральное поведение как элемент электорально-правовой культуры // Молодой ученый. 2013. № 2. С. 248–250. URL: <https://moluch.ru/archive/49/6258/> (дата обращения: 01.08.2019).

² Шекшеев А.П. Общественно-политические настроения енисейского крестьянства (1920–1929 гг.) // Известия лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1 (30). С. 229.

³ Петрушин Ю.А. Сельские советы в системе командно-административного управления: взаимодействие и конфликт // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2-1. С. 171.

Исследователь М.С. Саламатова давно и плодотворно занимается изучением электорального процесса, что дает ей возможность сформировать свою точку зрения на особенности выборов в исторических реалиях нашей страны. Она считает, что «...причинами абсентеизма в первой половине 1920-х гг. являлись как технические проблемы организации выборов, укоренившаяся традиция участия в выборах в деревне только глав хозяйств, так и вполне осознанное проявление протеста против применения на выборах жесткого административного ресурса»⁴. В другой статье М.С. Саламатова отмечает, что «электоральное поведение крестьянства в 1920-е гг. было неоднородным, варьируясь от протеста до активной поддержки властей... Протестные настроения носили преимущественно пассивный характер, крестьяне редко шли на открытый конфликт с властью на избирательных собраниях»⁵. Автор данной статьи во многом с ней согласен и считает, что наблюдался абсентеизм значительной части крестьянства, который выражался в традиционном крестьянском недоверии органам власти⁶. Таким образом, краткий историографический обзор позволяет сказать, что тема электорального поведения крестьянства привлекает исследователей, однако существуют пробелы в изучении региональной специфики данной тематики.

Общеизвестно, что в середине 1920-х годов была объявлена так называемая политика «оживления Советов», так как в сельской местности все более нарастали индифферентные настроения, вызванные абсентеизмом крестьян и невозможностью реализовать на практике стремление

⁴ Саламатова М.С. Абсентеизм в контексте советских избирательных кампаний 1920-х гг. // Вестник НГУЭУ. 2013. № 2. С. 216.

⁵ Саламатова М.С. Электоральное поведение крестьянства в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 16.

⁶ Кулачков В.В. Абсентеизм в настроениях крестьянства Западного региона России 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1-2 (39). С. 107–109.

объединиться в «Крестьянский союз»⁷. Ярким свидетельством политической пассивности крестьянства могут служить письма в «Крестьянскую газету». В частности, крестьянин С. Горбатенков (Смоленская губерния, Ельнинский уезд, дер. Горбачевка) считал, что «при перевыборах Советов наблюдается навязчивость. Этим сеется среди крестьянства недовольство на коммунистов и советскую власть, создается пассив и глухая стена»⁸. В сводках ОГПУ по Смоленской губернии также сохранились свидетельства индифферентного отношения крестьянства к политической жизни деревни. В сводке № 2 материалов информационного отдела ОГПУ о ходе перевыборов советов на 18 декабря 1925 года указывалось, что «в некоторых деревнях население совершенно отказывается являться на собрания, приходится собирать насильно, заявляя: “Кого хотите, того и выбирайте”»⁹.

К причинам абсентеизма крестьянства можно отнести традиционализм крестьянского образа жизни и отсутствие подготовки к реальному участию в выборах. При этом активность крестьянства зависела от степени его благосостояния, возраста и социального положения. Так, в 1925 году проводились перевыборы сель-

советов по Клиновской волости Брянской губернии, и по их результатам органы власти констатировали, что наиболее активны были зажиточные крестьяне и середняки, бедняки, как и молодежь, себя не проявили. В свою очередь, женская часть деревенского населения была в первых рядах¹⁰. В сводках ОГПУ по Смоленской губернии также содержится информация о повышении женской активности: «по губернии в перевыборах принимают активное участие женщины. По некоторым сельсоветам из общего количества участвующих на перевыборах присутствует 30–40% женщин»¹¹.

Очевидно, что женская активность была результатом целенаправленной деятельности новой, советской власти. Изучение правового статуса женщин в указанный период позволило исследователю Т.Ф. Юдиной сделать вывод о том, что «социализация женщин в Советском государстве не заканчивается 20–30 годами прошлого века, но все-таки наиболее динамично этот процесс шел именно в этот период, когда в стране последовательно развивались три модели социально-экономических отношений: военный коммунизм, новая экономическая политика, индустриализация и коллективизация»¹².

Важно учитывать, что проведение выборных кампаний в 1920-е годы сопровождалось соответствующей подготовкой, которая выражалась в устройстве различных конференций и собраний. Так, в Гомельской губернии при подведении итогов предвыборной кампании отмечалось, что «обслуживание деревни, т.е. широких крестьянских масс, заключается в проведении в том или ином селе общего собрания граждан или двух порайонных собраний»¹³.

⁷ Кулачков В.В. Идея «Крестьянского союза» в повседневных настроениях сопротивления сталинизму (на материалах деревни Западного региона России 1920-х гг.) // Сталинизм и крестьянство : сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М. : Изд-во Ипполитова, 2014. С. 106–113; Кулачков В.В., Иванникова Е. Изучение материалов о «Крестьянском союзе» периода новой экономической политики в курсе истории в вузе // Современные проблемы высшего образования : материалы научно-методической конференции (г. Брянск, 15–18 октября 2018 г.). Брянск, 2018. С. 55–57.

⁸ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 601. Л. 29.

⁹ Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 2. 1923–1929 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 378, 382–383.

¹⁰ Кулачков В.В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. (социокультурные изменения). Брянск : БГИТА, 2014. С. 138–139.

¹¹ Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. С. 378.

¹² Юдина Т.Ф. Правовой статус женщин в советском государстве в 20–30 гг.: некоторые аспекты социализации // Эволюция и революция в праве : сборник научных статей. Самара, 2018. С. 119.

¹³ ГАООГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2433. Л. 128.

При этом сельские жители все же надеялись изменить свою жизнь в лучшую сторону при помощи выборов, и с этой целью формировались крестьянские наказаы. В них содержались просьбы по улучшению образовательного и медицинского обслуживания, усилению борьбы с коррупцией и бюрократизмом, сокращению государственного аппарата¹⁴. Видно, что в наказах высказывались наиболее волнующие крестьян. Иначе они проявляли равнодушие и мало интересовались масштабными государственными проблемами. Свою роль играло и то негативное обстоятельство, что громкие лозунги имели мало общего с реальной жизнью и часто не воплощались в действительности.

Выборные кампании рельефно обнажали противоречия и в среде самих коммунистов. В партии большевиков наблюдались те же социально-психологические процессы, что и в среде беспартийного крестьянства, выражающиеся в зависти, стремлении улучшить свое положение, занять более высокую и выгодную должность и т.д.¹⁵ В связи с этим исследователь М.С. Саламатова отмечает, что «власть достаточно чутко реагировала на требования общества, применяя различные методы взаимодействия с населением. Советские и партийные руководители вступали с на-

селением в диалог, старались убедить в своей правоте, но в случае возникновения угрозы удержания власти возвращались к использованию проверенного временем административного ресурса»¹⁶.

Таким образом, электоральное поведение крестьян в 1920-е годы имеет свою региональную специфику, которая содержит много общего с особенностями всей страны в период новой экономической политики. Общеизвестно, что в середине 1920-х годов была объявлена так называемая политика «оживления Советов», так как в сельской местности все более нарастали индифферентные настроения, вызванные абсентеизмом крестьян и невозможностью реализовать на практике стремление объединиться в «Крестьянский союз». К причинам абсентеизма крестьянства можно отнести традиционализм крестьянского образа жизни и отсутствие подготовки к реальному участию в выборах. Проведение выборных кампаний в 1920-е годы сопровождалось соответствующей подготовкой, которая выражалась в устройстве различных конференций и собраний. Политика «лицом к деревне» была направлена на завоевание симпатий крестьянства, однако она во многом была декларативной и не подкрепленной реальными делами, что способствовало недовольству сельских жителей.

¹⁴ Кулачков В.В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. (социокультурные изменения). С. 141.

¹⁵ Кулачков В.В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. С. 142.

¹⁶ Саламатова М.С. Абсентеизм в контексте советских избирательных кампаний 1920-х гг. // Вестник НГУЭУ. 2013. № 2. С. 221–222.

Литература

1. Кулачков В.В. Абсентеизм в настроениях крестьянства Западного региона России 1920-х гг. / В.В. Кулачков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1-2 (39). С. 107–109.
2. Кулачков В.В. Идея «Крестьянского союза» в повседневных настроениях сопротивления сталинизму (на материалах деревни Западного региона России 1920-х гг.) / В.В. Кулачков // Сталинизм и крестьянство : сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / под редакцией П.П. Марченко, С.Ю. Разина. Москва : Изд-во Ипполитова, 2014. С. 106–113.
3. Кулачков В.В. Изучение материалов о «Крестьянском союзе» периода новой экономической политики в курсе истории в вузе / В.В. Кулачков, Е. Иванникова // Современные проблемы высшего образования : материалы научно-методической конференции (г. Брянск, 15–18 октября 2018 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор С.А. Симонова, А.Н. Заикина. Брянск : БГИТУ, 2018. С. 55–57.
4. Кулачков В.В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. (социокультурные изменения) / В.В. Кулачков. Брянск : БГИТА, 2014. 330 с.
5. Линейцева К.С. Электоральное поведение как элемент электорально-правовой культуры / К.С. Линейцева // Молодой ученый. 2013. № 2. С. 248–250.

6. Петрушин Ю.А. Сельские советы в системе командно-административного управления: взаимодействие и конфликт / Ю.А. Петрушин // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2-1. С. 169–172.
7. Саламатова М.С. Абсентеизм в контексте советских избирательных кампаний 1920-х гг. / М.С. Саламатова // Вестник НГУЭУ. 2013. № 2. С. 215–224.
8. Саламатова М.С. Электоральное поведение крестьянства в 1920-е гг. / М.С. Саламатова // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 12–17.
9. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД, 1918–1939 : Документы и материалы. В 4 томах. Т. 2. Советская деревня глазами ОГПУ, 1923–1929 / под редакцией А. Береловича, В. Данилова. Москва : РОССПЭН, 2000. 1168 с.
10. Шекшеев А.П. Общественно-политические настроения енисейского крестьянства (1920–1929 гг.) / А.П. Шекшеев // Известия лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1 (30). С. 211–232.
11. Юдина Т.Ф. Правовой статус женщин в советском государстве в 20–30 гг.: некоторые аспекты социализации / Т.Ф. Юдина // Эволюция и революция в праве : сборник научных статей / ответственные редакторы И.В. Очкасова, Т.Ф. Юдина. Самара : Инсома-Пресс, 2018. С. 119–131.

References

1. Kulachkov V.V. Absenteizm v nastroyaniyakh krestyanstva Zapadnogo regiona Rossii 1920-kh gg. [Absenteeism in Sentiments of Peasantry of the Western Region of Russia in the 1920s] / V.V. Kulachkov // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy` teorii i praktiki — Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Studies of Art. Issues of Theory and Practice. 2014. № 1–2 (39). S. 107–109.
2. Kulachkov V.V. Ideya «Krestyanskogo soyuza» v povsednevny`kh nastroyaniyakh soprotivleniya stalinizmu (na materialakh derevni Zapadnogo regiona Rossii 1920-kh gg.) [The Idea of the “Peasant Union” in Every Day Sentiments of the Stalinism Opposition (Based on Files of the Countryside of the Western Region of Russia in the 1920s)] / V.V. Kulachkov // Stalinizm i krestyanstvo : sbornik nauchny`kh statey i materialov krugly`kh stolov i zasedaniy teoreticheskogo seminara «Krestyanskiy vopros v otechestvennoy i mirovoy istorii» / pod redaktsiyey P.P. Marchenya, S.Yu. Razina. Moskva : Izd-vo Ippolitova — Stalinism and Peasantry : collection of scientific articles and files of round tables and meetings of the theoretical seminar The Peasant Issue in National and World History / edited by P.P. Marchenya, S.Yu. Razin. Moscow : Ippolitov's publishing house, 2014. S. 106–113.
3. Kulachkov V.V. Izucheniye materialov o «Krestyanskom soyuze» perioda novoy ekonomicheskoy politiki v kurse istorii v vuze [Study of Files on the “Peasant Union” of the New Economic Policy Period in a Course of History in a Higher Educational Institution] / V.V. Kulachkov, E. Ivannikova // Sovremennyy`e problemy` vy`sshego obrazovaniya : materialy` nauchno-metodicheskoy konferentsii (g. Bryansk, 15–18 oktyabrya 2018 g.) : sbornik nauchny`kh statey / otvetstvenny`y redaktor S.A. Simonova, A.N. Zaikina. Bryansk : BGITU — Modern Issues of Higher Education : files of a scientific and methodological conference (Bryansk, October 15 to 18, 2018) : collection of scientific articles / publishing editors S.A. Simonova, A.N. Zaikina. Bryansk : Bryansk State Technological University of Engineering, 2018. S. 55–57.
4. Kulachkov V.V. Krestyanstvo Zapadnogo regiona Rossii v 1920-e gg. (sotsiokulturny`e izmeneniya) [Peasantry of the Western Region of Russia in the 1920s (Sociocultural Changes)] / V.V. Kulachkov. Bryansk : BGITA — Bryansk : Bryansk State Technological Academy of Engineering, 2014. 330 s.
5. Lineytseva K.S. Elektoralkoe povedenie kak element elektoralko-pravovoy kultury` [Electoral Behavior as an Element of the Electoral Legal Culture] / K.S. Lineytseva // Molodoy ucheny`y — Young Scientist. 2013. № 2. S. 248–250.
6. Petrushin Yu.A. Selskie sovety` v sisteme komandno-administrativnogo upravleniya: vzaimodeystvie i konflikt [Rural Councils in the System of Command and Administrative Management: Cooperation and Conflict] / Yu.A. Petrushin // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Istoriya — News of the Irkutsk State University. Series : History. 2012. № 2–1. S. 169–172.
7. Salamatova M.S. Absenteizm v kontekste sovetskikh izbiratelny`kh kampaniy 1920-kh gg. [Absenteeism within the Framework of Soviet Election Campaigns of the 1920s] / M.S. Salamatova // Vestnik NGUEU — Bulletin of the NSUEM. 2013. № 2. S. 215–224.
8. Salamatova M.S. Elektoralkoe povedenie krestyanstva v 1920-e gg. [Electoral Behavior of Peasantry in the 1920s] / M.S. Salamatova // Gumanitarny`e nauki v Sibiri — The Humanities in Siberia. 2013. № 4. S. 12–17.

9. Sovetskaya derevnya glazami VCHK — OGPU — NKVD. 1918–1939 : Dokumenty` i materialy`. V 4 tomakh. T. 2. Sovetskaya derevnya glazami OGPU, 1923–1929 [The Soviet Countryside as Viewed by the All-Russian Extraordinary Commission — the Unified State Political Department — the People's Commissariat for Internal Affairs. 1918–1939 : Documents and Files. In 4 volumes. Vol. 2. The Soviet Countryside as Viewed by the Unified State Political Department, 1923–1929] / pod redaktsiyey A. Berelovicha, V. Danilova. Moskva : ROSSPEN — edited by A. Berelovich, V. Danilov. Moscow : Political Encyclopedia publishing house, 2000. 1168 s.
10. Shekshhev A.P. Obschestvenno-politicheskie nastroyeniya eniseyskogo krestyanstva (1920–1929 gg.) [Social and Political Sentiments of the Yenisei Peasantry (1920–1929)] / A.P. Shekshhev // Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy. 2019. T. 15 — News of the Laboratory of Ancient Technologies. 2019. Vol. 15. № 1 (30). S. 211–232.
11. Yudina T.F. Pravovoy status zhenshin v sovetskom gosudarstve v 20–30 gg.: nekotorye aspekty` sotsializatsii [The Legal Status of Women in the Soviet State in the 1920s and 1930s: Some Socialization Aspects] / T.F. Yudina // Evolyutsiya i revolyutsiya v prave : sbornik nauchny`kh statey / otvetstvenny`e redaktory` I.V. Ochkasova, T.F. Yudina. Samara : Insoma-Press — Evolution and Revolution in Law : collection of scientific articles / publishing editors I.V. Ochkasova, T.F. Yudina. Samara : Insoma-Press, 2018. S. 119–131.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-12-26-30

О становлении украинского постсоветского государства

*Корженевская Вероника Александровна,
аспирант кафедры истории права и государства
Юридического института
Российского университета дружбы народов (РУДН)
nika16.01@yandex.ru*

В данной статье рассматриваются основные исторические документы, отражающие процессы становления независимой Украины. Начало конституционно-правовых процессов на территории современной Украины в юридической науке связывают с принятием Декларации о государственном суверенитете Украины, которая способствовала строительству государственности. Тем не менее на становление современного украинского государства повлияли не только юридические и политические факторы, но и в большей степени желание братского украинского народа выстроить самостоятельное независимое государство.

***Ключевые слова:** государство, Украина, государственная власть, законодательство, история государства и права.*

On the Establishment of the Ukrainian Post-Soviet State

*Korzhenevskaya Veronika A.
Postgraduate Student of the Department of History of Law and State of the Law Institute
of the Peoples' Friendship University of Russia (PFUR)*

This article discusses the main historical documents reflecting the processes of the formation of an independent Ukraine. The beginning of constitutional legal processes on the territory of modern Ukraine in legal science is associated with the adoption of the Declaration of State Sovereignty of Ukraine, which contributed to the construction of statehood. Nevertheless, the formation of the modern Ukrainian state was influenced not only by legal and political factors, but also to a greater degree by the desire of the fraternal Ukrainian people to build an independent state.

***Keywords:** state, Ukraine, state power, legislation, history of state and law.*

Становление нового государства — это трудный процесс, который нередко сопря-

жен с перестроением самого общества. В таком разрезе особый интерес представ-

ляет изучение становления современной государственности на Украине, поскольку Россию и Украину связывает общее прошлое, настоящее и будущее, однако с распадом СССР процессы становления новых государств происходили в разных направлениях.

Процесс становления нового независимого украинского государства начался до объявления о прекращении существования Союза ССР как субъекта международного права Республикой Беларусь, Российской Федерацией и Украиной.

Так, например, к концу 80-х годов XX века на территории Украинской ССР активно начали создаваться такие общественные организации, как «Товарищество поклонников украинского языка», «Зеленый мир», организации национальных меньшинств, а также различные оппозиционные организации, которые по своей сути являлись протопартийными объединениями.

Более того, их деятельность была узаконена в связи с принятием 24 октября 1990 года изменений в Конституцию Украинской ССР 1978 года, согласно которым впервые было закреплено участие в политической жизни государства политических партий, общественных организаций и движений, участвовавших в разработке и осуществлении политики республики, в управлении государственными и общественными делами на основе их программ и уставов¹.

Кроме того, постановлением Верховной Рады Украинской ССР 18 апреля 1988 года была образована Комиссия Верховной Рады Украинской ССР по вопросам патриотического и интернационального воспитания и межнациональных отношений².

¹ См.: абзац 6 пункту 1 Закону Української РСР від 24.10.1990 № 404-ХІІ «Про зміни і доповнення Конституції (Основного Закону) Української РСР» // Відомості Верховної Ради УРСР (ВВР). 1990. № 45. Ст. 606.

² См.: Постанова Верховної Ради Української РСР від 18.04.1988 № 5740-ХІ «Про утворення Комісії Верховної Ради Української РСР з питань патріотичного та інтернаціонального виховання і міжнаціональних відносин» // Відомості Верховної Ради (ВВР). 1988. № 18. Ст. 445.

Таким образом, были запущены идеи демократизации и либерализации общества.

При этом важно отметить, согласно позиции П.П. Толочко «идеи демократизации, гласности, законности быстро проникли в самые широкие массы, стали наполняться конкретикой местных проблем»³. Указанные процессы способствовали смене советских политических и идеологических ценностей на демократические, повлиявшие на создание самостоятельного украинского государства.

Важное значение в становлении независимого государства сыграла украинизация общества, начавшаяся с принятия 28 октября 1989 года Закона Украинской ССР «О языках в Украинской ССР». Так, согласно статье 2 данного Закона государственным языком признавался украинский язык, а «Украинская ССР обеспечивает всестороннее развитие и функционирование украинского языка во всех сферах общественной жизни»⁴. Вся деятельность государственных органов и общественных организаций переводилась на украинский язык, языком образования, науки, культуры стал украинский.

В западной литературе также отмечается, что с приходом к власти М.С. Горбачева последовали значительные изменения в советской политической и общественной жизни, спровоцировавшие «волну национализма, которая смела, казалось бы, могущественное советское государство»⁵. Реформирование М.С. Горбачевым политической системы привело к существенным изменениям в Украинской ССР, а в дальнейшем к созданию нового государства.

Одним из первых шагов к обретению Украинской ССР самостоятельности явля-

³ История Украины. VI–XXI вв. / П.П. Толочко, А.А. Олейников [и др.] ; под общ. ред. П.П. Толочко. 2 изд., испр. и доп. К. — М. : Киевская Русь ; Кучково поле, 2018. С. 408.

⁴ Абзац 2 статті 2 Закону від 28.10.1989 № 8312-ХІ «Про мови в Українській РСР» // Відомості Верховної Ради УРСР (ВВР). 1989. Додаток до № 45. Ст. 631.

⁵ Kubicek Paul. The history of Ukraine. Greenwood Press, 88 Post Road West, Westport, CT 06881. 2008. P. 119.

ется принятие 27 октября 1989 года Законом УССР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Украинской ССР», в соответствии с которым были расширены полномочия Председателя Верховной Рады Украинской ССР, наделившие его полномочиями по представлению Украинской ССР в международных отношениях.

Следующим этапом на пути становления независимого украинского государства стало принятие 16 июля 1990 года Верховной Радой Украинской ССР Декларации о государственном суверенитете Украины.

В преамбуле Декларации о государственном суверенитете Украины было закреплено стремление создать демократическое общество с целью утверждения суверенитета и самоуправления народа Украины, а также провозглашен государственный суверенитет Украины, выразившийся в верховенстве, самостоятельности, полноте и неделимости власти в пределах территории Украинской ССР, независимости и равноправии во внешних сношениях.

В разделе II «Народовластие» Декларации о государственном суверенитете Украины закреплялось, что единственным источником государственной власти в Украинской ССР является народ Украины.

Важнейшими закрепленными в Декларации о государственном суверенитете Украины положениями являлись:

— Украинская ССР была «самостоятельной в решении любых вопросов своей государственной жизни»⁶;

— разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную.

В.Н. Иванов отмечает, что именно «Декларация о государственном суверенитете Украины является фундаментальным документом, который имел статус важного предконституционного акта»⁷.

Таким образом, указанная Декларация заложила фундамент для становления со-

временной украинской государственности.

Следующим этапом стала отмена 24 октября 1990 года статьи 6 Конституции Украинской ССР 1978 года о руководящей роли Коммунистической партии.

В то же время коренные изменения в развитии государства и публичной власти Украинской ССР и переходе к новому государству начались в 1991 году.

17 марта 1991 года на основании решения Верховного Совета СССР был проведен референдум по вопросу: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной Федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?». Постановлением Верховной Рады Украинской ССР от 22 февраля 1991 года «О содержании бюллетеня, который выносится Верховной Радой Украинской ССР на референдум 17 марта 1991 года» бюллетень на территории Украинской ССР был дополнен следующим вопросом: «Согласны ли Вы с тем, что Украина должна быть в составе Союза Советских Суверенных Государств на началах Декларации о государственном суверенитете Украины».

Участие в данном референдуме приняли 83% избирателей, из них утвердительный ответ на 1-й вопрос дали 70%, а на второй — 80%. Таким образом, по мнению В.Н. Иванова, «подавляющее большинство населения поддержало Декларацию о государственном суверенитете Украины, одновременно высказавшись за возможность межгосударственного объединения равноправных суверенных республик»⁸.

24 августа 1991 года Верховная Рада Украинской ССР постановила провозгласить Украину независимым демократическим государством путем принятия постановления Верховной Рады Украинской ССР «О провозглашении независимости Украины» и Акта провозглашения независимости Украины.

Согласно постановлению Верховной Рады Украинской ССР 24 августа 1991 го-

⁶ Абзац 1 розділу III «Державна влада» Декларції про державний суверенітет України від 16.07.1990 № 55-XII // Відомості Верховної Ради УРСР (ВВР). 1990. № 31. Ст. 429.

⁷ Иванов В.М. Історія держави і права України : підручник. К. : КУП НАНУ, 2013. С. 774.

⁸ Иванов В.М. Історія держави і права України : підручник. К. : КУП НАНУ, 2013. С. 776.

да Украина была провозглашена как независимое демократическое государство, и с этого момента на территории Украины действовали исключительно Конституция Украины, законы, постановления Правительства и другие законодательные акты Украины.

Акт провозглашения независимости Украины был принят в связи со «смертельной опасностью, нависшей» над Украиной по причине государственного переворота в СССР 19 августа 1991 года. В указанном Акте были провозглашены независимость Украины, создание самостоятельного украинского государства, неделимость и неприкосновенность украинской территории, а юридическая сила имела исключительно у Конституции Украины и законов Украины.

Возвращаясь к событиям, которые способствовали принятию данных документов, необходимо отметить, что их принятию предшествовали события, развернувшиеся в Москве в августе 1991 года, известные как августовский путч, организованный Государственным комитетом по чрезвычайному положению в СССР.

В российской научной литературе отмечается, что создание 19 августа 1991 года ГКЧП имело своей целью предотвращение развала СССР⁹. В то же время в украинской научной литературе при даче оценки указанным событиям делают акцент не на том, что данная попытка государственного переворота была осуществлена с целью сохранения централизованного государства, а на том, что это была попытка не дать Советским Республикам «приобрести» независимость.

12 сентября 1991 года был принят Закон Украины «О правопреемстве Украины», согласно которому с момента провозглашения независимости Украины высшим органом государственной власти Украины становится Верховная Рада Украины в депутатском составе Верховной Рады Украинской ССР. Более того, указанный Закон Украины закрепил положение, согласно которому действовать с момента провозглашения независимости Украины могли исключительно Законы Украинской

ССР и другие принятые Верховной Радой Украинской ССР нормативные правовые акты, не противоречащие законам Украины, принятым после провозглашения независимости Украины.

17 сентября 1991 года Законом Украины «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Украинской ССР» в названии и тексте Конституции Украинской ССР 1978 года название государства было изменено на Украину.

24 сентября 1991 года постановлением Верховной Рады Украины «О военных формированиях на Украине» было установлено, что все военные формирования, дислоцированные на территории Украины, с момента провозглашения независимости Украины подчиняются Верховной Раде Украины, а Правительство Украины должно приступить к созданию Вооруженных Сил Украины.

Однако вплоть до принятия новой Конституции Украины существенных изменений в государственности Украины, а также в системе институтов публичной власти не было, поскольку принятием указанных нормативных правовых актов были легализованы и легитимизированы институты публичной власти, доставшиеся Украине «по наследству» от Украинской ССР.

Вместе с тем в этот период создавались новые органы власти и появлялись новые институты права. Так, например, постановлением Верховной Рады Украины 20 сентября 1991 года была учреждена Служба национальной безопасности Украины, а 10 октября 1991 года был принят Закон Украины «О гражданстве Украины».

1 декабря 1991 года был проведен Всеукраинский референдум, на котором избирался первый президент Украины и давался ответ на вопрос: «Подтверждаете ли Вы Акт провозглашения независимости Украины?».

По результатам указанного референдума Президентом Украины был избран Л.М. Кравчук, а на вопрос о подтверждении Акта провозглашения независимости Украины положительно ответили 90,3% из 84,2% граждан, принявших участие в референдуме¹⁰. Именно с этого момента в укра-

⁹ См.: Исаев И.А. История государства и права России: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С. 765.

¹⁰ См.: Иванов В.М. Історія держави і права України: підручник. К.: КУП НАНУ, 2013. С. 777; Распад СССР: Документы и факты

инской историографии начался новый период в становлении и развитии современного украинского государства.

Таким образом, можно наблюдать ситуацию, при которой Украина де-факто являлась независимым государством, а де-юре находилась в составе СССР, поскольку вплоть до распада СССР не был при-

(1986–1992 гг.). В 2 т. Т. II: Архивные документы и материалы / под общ. ред. С.М. Шахрая; сост. С.М. Попова, А.А. Яник. М. : Кучково поле, 2016 (серия «История современной России»). С. 632–633.

нят порядок выхода республик из СССР, притом что Конституцией СССР 1977 года было гарантировано право сецессии каждой республике. При этом оформление современной украинской государственности началось именно с распада СССР в конце декабря (26 декабря 1991 года).

В то же время необходимо отметить, что каждая постсоветская республика прошла тяжелый путь становления независимого государства, однако всех их связывает не только историческое прошлое, но и то, что все народы связаны братскими узами.

Литература

1. Kubicek P. The history of Ukraine (The Greenwood Histories of the Modern Nations) / P. Kubicek. Greenwood Press, 2008. 220 p.
2. Исаев И.А. История государства и права России : учебник / И.А. Исаев. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2009. 800 с.
3. История Украины. VI–XXI вв. / П.П. Толочко, А.А. Олейников [и др.] ; под общей редакцией П.П. Толочко. 2-е изд., испр. и доп. Киев : Киевская Русь — Москва : Кучково поле, 2018. 472 с.
4. Иванов В.М. Історія держави і права України: підручник / В.М. Иванов. Київ : КУП НАНУ, 2013. 892 с.
5. Распад СССР: Документы и факты (1986–1992 гг.). В 2 томах. Т. 2. Архивные документы и материалы / под общей редакцией С.М. Шахрая ; составитель С.М. Попова, А.А. Яник. Москва : Кучково поле, 2016. 824 с.
6. Сигалов К.Е. Генезис российской среды права / К.Е. Сигалов // История государства и права. 2008. № 12. С. 16–18.

References

1. Kubicek P. The History of Ukraine (the Greenwood Histories of the Modern Nations) / P. Kubicek. Greenwood Press, 2008. 220 s.
2. Isaev I.A. Istoriya gosudarstva i prava Rossii : uchebnik [History of Russian State and Law : textbook] / I.A. Isaev. 4-e izd., pererab. i dop. Moskva : Prospekt — 4th edition, revised and enlarged. Moscow : Prospect, 2009. 800 s.
3. Istoriya Ukrainy`. VI–XXI vv. [History of Ukraine. From the 6th to the 21st Century] / P.P. Tolochko, A.A. Oleynikov [i dr.] ; pod obshey redaktsiyei P.P. Tolochko. 2-e izd., ispr. i dop. Kiev : Kievskaya Rus — Moskva : Kuchkovo pole — P.P. Tolochko, A.A. Oleynikov [et al.] ; under the general editorship of P.P. Tolochko. 2nd edition, revised and enlarged. Kiev : Kievan Rus — Moscow : Kuchkov Field, 2018. 472 s.
4. Иванов В.М. Історія держави і права України: підручник / В.М. Иванов. Київ : КУП НАНУ, 2013. 892 с.
5. Raspad SSSR: Dokumenty` i fakty` (1986–1992 gg.). V 2 tomakh. T. 2. Arkhivny`e dokumenty` i materialy` [The Collapse of the USSR: Documents and Facts (1986–1992). In 2 volumes. Vol. 2. Archive Documents and Files] / pod obschey redaktsiyei S.M. Shakhrya ; sostavitel S.M. Popova, A.A. Yanik. Moskva : Kuchkovo pole — under the general editorship of S.M. Shakhrya ; compiled by S.M. Popov, A.A. Yanik. Moscow : Kuchkov Field, 2016. 824 s.
6. Sigalov K.E. Genezis rossiyskoy sredy` prava [Genesis of the Russian Legal Environment] / K.E. Sigalov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2008. № 12. S. 16–18.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-12-31-37

Особенности дифференциации уголовной ответственности с учетом статусно-ролевого положения субъекта преступления по законодательству Советской России

Караваяева Юлия Станиславовна,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ — Пермь),
кандидат юридических наук
chimtarga2016@mail.ru

Специфика исторической конъюнктуры так или иначе отражается на нормах закона, в том числе уголовного, в связи с чем ретроспективный криминологический анализ его положений позволяет полнее раскрыть природу отдельных институтов уголовного права, трансформирующихся под влиянием текущей ситуации. Отсюда особый интерес представляют институты специального субъекта преступления и дифференциации уголовной ответственности, имевшие место на каждом историческом этапе развития отечественного уголовного права. Дифференциация уголовной ответственности по законодательству советского периода предполагает учет статусно-ролевых характеристик субъекта преступления, выступающих его специальными признаками. Анализ положений уголовных законов Советской России позволяет заключить, что, как правило, перечень преступлений со специальным субъектом был представлен должностными (служебными), хозяйственными и воинскими преступлениями. Подход законодателя к определению мер ответственности за соответствующие деяния свидетельствует о признании им повышенной общественной опасности указанных деяний и их деятелей, поскольку в большинстве случаев санкции соответствующих статей предусматривают наказания, связанные с изоляцией от общества.

Ключевые слова: дифференциация уголовной ответственности, специальный субъект преступления, статусно-ролевые характеристики, советское уголовное законодательство.

Criminal Liability Differentiation Peculiarities Considering the Status and Role Position of a Crime Subject under the Laws of Soviet Russia

Karavaeva Yulia S.
Associate Professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law
of the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE — Perm)
PhD (Law)

The specificity of the historical conjuncture is reflected in one way or another on the norms of the law, including the criminal law, in connection with which the retrospective criminal legal analysis of its provisions allows to reveal more fully the nature of individual institutions of criminal law, transforming under the influence of the current situation. Hence, of particular interest are the institutions of a special subject of crime and differentiation of criminal responsibility, which took place at each historical stage of the development of domestic criminal law. Differentiation of criminal liability under the legislation of the Soviet period involves taking into account the status and role characteristics of the subject of the crime, acting as its special features. The analysis of provisions of criminal laws of the Soviet Russia allows to conclude that, as a rule, the list of crimes with the special subject was presented by official (office), economic and military crimes. The approach of the legislator to the definition of measures of responsibility for the relevant acts shows that he recognizes the increased public danger of these acts and their figures, since in most cases the sanctions of the relevant articles provide for penalties related to isolation from society.

Keywords: differentiation of criminal responsibility, special subject of crime, status-role characteristics, Soviet criminal legislation.

Неизменно высокий исследовательский интерес к институту дифферен-

циации уголовной ответственности сопряжен с непреходящими дискуссиями

относительно его природы. Анализ высказанных по этому поводу авторских позиций позволяет говорить о том, что исследователи единодушны, во-первых, признавая субъектом дифференциации законодателя, а во-вторых, связывая саму возможность определения различных мер уголовной ответственности с общественной опасностью преступного деяния и личности преступника, а также некоторых обстоятельств, сопутствующих его совершению¹.

На современном этапе одним из критериев дифференциации уголовной ответственности, исходя из Особенной части Уголовного кодекса РФ 1996 года, является наличие у субъекта преступления уголовно значимых специальных признаков, влияющих на степень общественной опасности деяния в целом. За исключением статьи 106, устанавливающей привилегированные меры ответственности за инфантицид, законодатель признает повышенную степень общественной опасности преступлений со специальным субъектом. Обращение к указанным признакам показывает, что в подавляющем большинстве случаев они представлены статусно-ролевыми характеристиками субъекта, которым придается уголовно-правовое значение.

Возможности дифференцированного подхода к установлению мер ответственности за преступления были известны отечественному законодателю уже начиная с периода Древней Руси². Отсутствие сформированного учения об уголовной ответственности и ее дифференциации не мешало нормативному воплощению идеи о наказании, соразмерном общественной опасности деяния и деятеля. Важно, что на оценку

степени общественной опасности существенным образом влияли особенности конъюнктуры. Специфика политической и социально-экономической ситуации так или иначе отражались на содержании ключевых уголовно-правовых категорий и норм, их закреплявших. В этой связи особый интерес представляет подход советского законодателя к дифференциации уголовной ответственности, поскольку именно в период Советской России подвергнутое сомнению наследие «прежней» России, включая его правовую часть, приобрело иной вид, основанный на социалистических воззрениях, амбициях и ожиданиях советского руководства.

Ни жесткость санкций за государственные преступления, ни необъятные возможности политического сыска объективно не были способны унять стихийное народное движение: с одной стороны, в силу кумулятивного характера противоречий государственный кризис был неизбежен и предсказуем; с другой — отсутствие вмешательства, катализировавшего наступление кризиса, отодвинуло бы его на какой-то период. Но именно последнему суждено было сыграть историческую роль детонатора и через революцию привести российскую государственность к новым форме и содержанию.

Что подданный, что товарищ мог быть управляем только с помощью принуждения. Отсюда началом законотворчества новой власти стало издание декретов, придававших государственному насилию легитимный характер. Так, Инструкцией Наркомюста РСФСР от 19 декабря 1917 года «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний», а также Декретом от 24 ноября 1917 года № 1 «О суде» учреждались революционные трибуналы, рассматривавшие дела о контрреволюционных преступлениях и правомочные приговаривать к расстрелу как высшей мере наказания. Иные деяния были подсудны общим судам.

Нормативное регулирование общественных отношений осуществлялось

¹ См., напр.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998. С. 52; Мельникова Ю.Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. Красноярск, 1989. С. 38.

² Караваева Ю.С. Статусно-ролевое положение преступника и потерпевшего как критерий дифференциации уголовной ответственности по законодательству Древней Руси // История государства и права. 2018. № 6. С. 48–53.

отдельными правовыми актами при от- казе от царского законодательства.

Кодификационная деятельность при- вела к появлению первого кодекса Со- ветского государства — УК РСФСР 1922 года. Перечень наказаний, содер- жащийся в этом законе, позволил иссле- дователям прийти к выводу о том, что ставка руководства страны сделана «не на устрашение, а на справедливость и гуманизм, веру в человека»³. При этом статья 8 объявляла целями наказаний частную и общую превенцию, приспособление нарушителя к условиям обще- жития путем исправительно-трудового воздействия.

Преступления со специальным субъек- том, по УК РСФСР 1922 года, были представлены в основном должностны- ми (служебными), хозяйственными и во- инскими преступлениями. В качестве наказаний предусматривались такие ви- ды, как смертная казнь, срочное лише- ние свободы, принудительные работы, увольнение от должности, конфискация имущества.

В 1926 году был принят новый УК РСФСР, вслед за ним — кодексы союз- ных республик. В указанном законе круг преступлений со специальным субъек- том расширился за счет группы деяний, связанных с нарушением правил, охра- няющих народное здоровье, обществен- ную безопасность и порядок. Не изме- нились цели наказания, тогда как сам термин «наказание» уступил место по- нятию «меры социальной защиты», что объясняется стремлением новой власти максимально отодвинуться от достиже- ний правовой мысли капиталистических государств⁴. На практике же, как отмеча- ет Т.В. Непомнящая, это «привело к гру-

бым нарушениям законности»⁵. Значи- тельно увеличилось количество санкций, предусматривавших в качестве мер со- циальной защиты штраф и принудитель- ные работы, тогда как количество санк- ций со смертной казнью сократилось. В целом ученые отмечают смягчение мер наказания и снижение санкций уголов- ного закона по сравнению с УК РСФСР 1922 года⁶.

Широкое использование судебной и внесудебной репрессии в 1930-е годы было вызвано политическими и социаль- но-экономическими задачами индустри- ализации, последующего укрепления основ власти, пресечения попыток внеш- него вмешательства в государственные дела и проведения единой государствен- ной политики на всей территории стра- ны. Дистанция между законом и соци- альной реальностью приняла вид утраты уголовным наказанием связи с «основ- ными ценностями, стоящими в центре общечеловеческой морали... государ- ство утратило ограничители в использо- вании уголовной репрессии, ибо все то хорошо, что обеспечивает достижение поставленной цели...»⁷.

В условиях военного времени потре- бовалось изменить все советское зако- нодательство в той его части, которая бы обеспечила бесперебойное функциони- рование основных социально-экономи- ческих институтов и решение первооче- редной задачи сохранения целостности и независимости государства. В частно- сти, специфика уголовно-правового ре- гулирования заключалась в кримина- лизации большого числа новых деяний, общественная опасность которых в ус- ловиях войны возросла, а также в уже- сточении мер уголовной ответствен- ности. Источники документального и биографического характера рассматри- ваемого периода содержат множество примеров деформации уголовно-пра- вовых принципов судопроизводства.

³ Маслов В.П., Чистяков Н.Ф. Деформация уголовной политики в истории Советско- го государства // Из истории Советско- го государства и права. М., 1989. С. 95–111.

⁴ Дуюнов В.К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной прак- тике. Курск, 2000. С. 12; Герцензон А.А. Пути развития Советской науки уголовного права за 30 лет // Советское государство и право. 1947. № 11. С. 73–81.

⁵ Непомнящая Т.В. Мера уголовного наказания. М., 2012. С. 14.

⁶ Дуюнов В.К. Указ. соч. С. 14.

⁷ Мицкевич А.Ф. Уголовное наказание: поня- тие, цели и механизмы действия. СПб., 2005. С. 18, 20.

И здесь следует согласиться с тем, что «...существенные отступления от социалистической законности... носили объективный характер, их нельзя ни в коей мере напрямую связывать с проявлениями сталинского террора»⁸.

Высшая мера наказания за общеуголовные и воинские преступления — расстрел — применялась «слишком часто... в тех случаях, когда это не вызывалось необходимостью»⁹.

Послевоенное время поставило задачу восстановления и дальнейшего развития страны, чему было призвано содействовать и законодательство, включая уголовное. Исследователи отмечают характерное для этого периода «...постепенное сужение сферы уголовной репрессии, дифференциацию уголовной ответственности в зависимости от опасности преступления и личности преступника, укрепление режима законности»¹⁰.

Причины кодификации уголовного закона в 1950-х годах и принятия Основ уголовного законодательства РСФСР и союзных республик 1958 года, а позднее и УК РСФСР 1960 года объясняются не столько безнадежно устаревшим характером действующего законодательства и существованием большого количества отдельных уголовно-правовых актов, сколько «желанием покончить с нарушениями социалистической законности, связанными с культом личности»¹¹.

В 1960 году был принят УК РСФСР, воплотивший надежды на «окончательное искоренение в Советском государстве преступлений...»¹². Отход от начал тоталитаризма и репрессивности в УК РСФСР 1960 года выразился в снижении максимального срока лишения свобо-

ды с 25 до 15 лет, делигитимизации института аналогии, «исключении около 50 составов преступлений, существенном снижении санкций»¹³. В то же время Кодекс характеризовался «излишней идеологизацией, конъюнктурностью, декларативностью многих положений»¹⁴.

В течение своего более чем 36-летнего периода действия Кодекс неустанно совершенствовался, и к моменту принятия нового уголовного закона количество внесенных изменений составило около 700¹⁵.

УК РСФСР закрепляет широкий круг преступлений со специальным субъектом, в основном связывая его признаки с должностными обязанностями и трудовыми функциями виновных. Общее количество норм, предусматривавших составы указанных преступлений (основных и квалифицированных), составило 181. Отметим, что выбор законодателя в пользу специализации уголовно-правовых положений привел к появлению 368 составов преступлений со специальным субъектом в действующем УК РФ (1996 г.).

В отличие от уголовно-правовых законов дореволюционной России, закрепление специальных признаков субъекта преступления в УК РСФСР 1960 года служит целям дифференциации ответственности. Причем, если, например, в нормах Артикула Воинского 1715 года и Уложения 1845 года эта же цель воплощалась в виде более суровой ответственности лиц, имевших низкие звание или чин, то для данного Кодекса такой подход оказался неприемлемым.

В отличие от первых кодексов Советской власти 1920-х годов, законодатель признал кару одной из целей наказания. Также к ним отнесены общая и частная превенция, исправление и пере-

⁸ Загорский Г., Рубан А. По законам военного времени // Советская юстиция. 1990. № 9. С. 19–21.

⁹ Там же. С. 19–21.

¹⁰ Дуюнов В.К. Указ. соч. С. 15.

¹¹ Черкасов Л. Обсуждаются реформы уголовного законодательства // Советское государство и право. 1987. № 8. С. 131–135.

¹² Герцензон А.А. Основные положения УК РСФСР 1960 года. М., 1961. С. 7.

¹³ Черкасов Л. Указ. соч. С. 131–135.

¹⁴ Дуюнов В.К. Указ. соч. С. 17.

¹⁵ См., напр.: Лунеев В.В. Проблемы уголовного права и других наук криминального цикла // Уголовное право: актуальные проблемы теории и практики : сб. очерков / под ред. В.В. Лунеева. М., 2010. С. 28; Дуюнов В.К. Указ. соч. С. 17.

воспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития (ст. 20 УК РСФСР 1960 г.).

«Лестница» наказаний включала в себя такие виды, как лишение свободы, ссылка, высылка, исправительные работы без лишения свободы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, штраф, увольнение от должности, возложение обязанности загладить причиненный вред, общественное порицание, конфискация имущества, лишение воинского или специального звания, направление в дисциплинарный батальон.

Подавляющее большинство уголовно-правовых санкций по УК РСФСР 1960 года относились к относительно-определенным, при этом предоставляли возможность выбора конкретной меры наказания из нескольких установленных, то есть являлись альтернативными.

Анализируя институт наказания по УК РСФСР 1960 года, Т.В. Непомнящая отмечает дальнейшую формализацию назначения наказания и «стремление законодателя к ограничению судебского усмотрения при определении меры уголовного наказания»¹⁶.

Относительно всех видов наказаний, закрепленных санкциями норм с составом деяний со специальным субъектом, следует отметить, что их процентное повидовое соотношение будет следующим¹⁷: наказания, связанные с изоляцией от общества, — 82%; исправительные работы — 29%; наказания имущественного характера — 20% (из них штраф — 11% и конфискация — 9%); особые (служебные) наказания — 14% (из них лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью — 7% и увольнение от должности —

7%); смертная казнь — 11%; воинские наказания — 7%; общественное порицание и меры общественного воздействия — 5%; ссылка и высылка — 3%.

Таким образом, на законодательном уровне наибольшее распространение получило лишение свободы как вид наказания, назначаемый за преступление со специальным субъектом. Это характерно для всей Особенной части УК РСФСР 1960 года и напрямую отразилось на судебной практике: доля лишения свободы от общего числа наказаний составляла 47,0%¹⁸, а в общей структуре назначаемых судами наказаний — от 53,0 до 66,5%¹⁹.

Несмотря на то что УК РСФСР 1960 года официально был отменен с введением в действие УК РФ в 1996 году, уже в середине 1980-х годов четко обозначилась необходимость кардинального обновления уголовного законодательства вплоть до принятия нового закона. Среди причин назывались и излишняя репрессивность действующего Кодекса, и его необъятный размер вследствие многочисленных поправок²⁰. Объективно же импульс к разработке нового закона содержали сами общественные отношения, все более подпадающие под влияние западно-демократических и либерально-гуманистических настроений. Обозначилось несоответствие между буквой и духом закона и практическими потребностями: общество нуждалось в регулировании, тогда как действующий нормативный механизм был бессилён в рамках изменившейся системы социальных ценностей.

Таким образом, преступления со специальным субъектом в рассматриваемый период представляли собой довольно обширный круг деяний, включая служебные, воинские и иные преступления, анализ наказаний за которые свидетельствует о признании на законодательном уровне их повышенной степени общественной опасности.

¹⁶ Непомнящая Т.В. Указ. соч. С. 153.

¹⁷ Примечание: поскольку среди уголовно-правовых санкций за указанные виды преступлений имеются альтернативные и кумулятивные, то сумма показателей не может быть равной 100%.

¹⁸ Черкасов А. Указ. соч. С. 131–135.

¹⁹ Непомнящая Т.В. Указ. соч. С. 154.

²⁰ Черкасов А. Указ. соч. С. 131–135.

Литература

1. Герцензон А.А. Основные положения Уголовного кодекса РСФСР 1960 года / А.А. Герцензон. Москва : Госюриздат, 1961. 60 с.
2. Герцензон А.А. Пути развития Советской науки уголовного права за 30 лет / А.А. Герцензон // Советское государство и право. 1947. № 11. С. 73–81.
3. Дуюнов В.К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике / В.К. Дуюнов. Курск : РОСИ, 2000. 504 с.
4. Загорский Г. По законам военного времени / Г. Загорский, А. Рубан // Советская юстиция. 1990. № 9. С. 19–21.
5. Караваева Ю.С. Статусно-ролевое положение преступника и потерпевшего как критерий дифференциации уголовной ответственности по законодательству Древней Руси / Ю.С. Караваева // История государства и права. 2018. № 6. С. 48–53.
6. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности : теория и законодательная практика / Т.А. Лесниевски-Костарева. Москва : Норма, 1998. 296 с.
7. Лунеев В.В. Проблемы уголовного права и других наук криминального цикла / В.В. Лунеев // Уголовное право: актуальные проблемы теории и практики : сборник очерков / под редакцией В.В. Лунеева. Москва : Юрайт, 2010. С. 15–52.
8. Маслов В.П. Деформация уголовной политики в истории Советского государства / В.П. Маслов, Н.Ф. Чистяков // Из истории Советского государства и права : сборник статей / ответственный редактор Е.А. Скрипилев. Москва : ИГПАН, 1989. С. 95–111.
9. Мельникова Ю.Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания / Ю.Б. Мельникова. Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1989. 120 с.
10. Мицкевич А.Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия / А.Ф. Мицкевич. Санкт-Петербург : Юридический Центр Пресс, 2005. 329 с.
11. Непомнящая Т.В. Мера уголовного наказания : проблемы теории и практики : монография / Т.В. Непомнящая. Москва : Юрлитинформ, 2012. 384 с.
12. Черкасов Л. Обсуждаются реформы уголовного законодательства / Л. Черкасов // Советское государство и право. 1987. № 8. С. 131–135.

References

1. Gertsenzon A.A. Osnovny`e polozheniya Ugolovnogo kodeksa RSFSR 1960 goda [Main Provisions of the Criminal Code of RSFSR of 1960] / A.A. Gertsenzon. Moskva : Gosyurizdat — Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1961. 60 s.
2. Gertsenzon A.A. Puti razvitiya Sovetskoy nauki ugolovnogo prava za 30 let [Ways of Development of the Soviet Criminal Law Science for 30 Years] / A.A. Gertsenzon // Sovetskoe gosudarstvo i pravo — Soviet State and Law. 1947. № 11. S. 73–81.
3. Duyunov V.K. Problemy` ugolovnogo nakazaniya v teorii, zakonodatelstve i sudebnoy praktike [Issues of Criminal Punishment in Theory, Legislation and Judicial Practice] / V.K. Duyunov. Kursk : ROSI — Kursk : ROSI, 2000. 504 s.
4. Zagorskiy G. Po zakonom voennogo vremeni [Following Laws of the Military Years] / G. Zagorskiy, A. Ruban // Sovetskaya yustitsiya — Soviet Justice. 1990. № 9. S. 19–21.
5. Karavaeva Yu.S. Statusno-rolevoe polozhenie prestupnika i poterpevshego kak kriteriy differentsiatsii ugolovnoy otvetstvennosti po zakonodatelstvu Drevney Rusi [Status and Role Position of a Criminal and an Aggrieved as a Criminal Liability Differentiation Criterion under the Laws of Ancient Rus] / Yu.S. Karavaeva // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2018. № 6. S. 48–53.
6. Lesnievski-Kostareva T.A. Differentsiatsiya ugolovnoy otvetstvennosti : teoriya i zakonodatelnaya praktika [Criminal Liability Differentiation : Theory and Legal Practice] / T.A. Lesnievski-Kostareva. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 1998. 296 s.
7. Luneev V.V. Problemy` ugolovnogo prava i drugikh nauk kriminalnogo tsikla [Issues of Criminal Law and Other Sciences of Criminal Cycle] / V.V. Luneev // Ugolovnoe pravo: aktualny`e problemy` teorii i praktiki : sbornik ocherkov / pod redaksiyey V.V. Luneeva. Moskva : Yurayt — Criminal Law: Relevant Issues of Theory and Practice : collection of outlines / edited by V.V. Luneev. Moscow : Urait, 2010. S. 15–52.
8. Maslov V.P. Deformatsiya ugolovnoy politiki v istorii Sovetskogo gosudarstva [Criminal Policy Deformation in History of the Soviet State] / V.P. Maslov, N.F. Chistyakov // Iz istorii Sovetskogo gosudarstva i prava : sbornik statey / otvetstvenny`y redaktor E.A. Skripilev. Moskva : IGPAN — From History of the Soviet State and Law : collection of articles / publishing editor E.A. Skripilev. Moscow : ISL RAS, 1989. S. 95–111.
9. Melnikova Yu.B. Differentsiatsiya otvetstvennosti i individualizatsiya nakazaniya [Liability Differentiation and Punishment Individualization] / Yu.B. Melnikova. Krasnoyarsk : Izd-vo Krasnoyarskogo un-ta — Krasnoyarsk : Publishing house of the Krasnoyarsk University, 1989. 120 s.

10. Mitskevich A.F. Ugolovnoe nakazanie: ponyatie, tseli i mekhanizmy` deystviya [Criminal Punishment: Concept, Aims and Action Mechanisms] / A.F. Mitskevich. Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy Tsentr Press — Saint Petersburg: Legal Center Press, 2005. 329 s.
11. Nepomnyashaya T.V. Mera ugolovnogo nakazaniya: problemy` teorii i praktiki: monografiya [Criminal Punishment Measure: Issues of Theory and Practice: monograph] / T.V. Nepomnyashaya. Moskva: Yurlitinform — Moscow: Yurlitinform, 2012. 384 s.
12. Cherkasov L. Obsuzhdayutsya reformy` ugolovnogo zakonodatelstva [Criminal Law Reforms Are Being Discussed] / L. Cherkasov // Sovetskoe gosudarstvo i pravo — Soviet State and Law. 1987. № 8. S. 131–135.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-12-37-42

Конфискация в системе наказаний за таможенные правонарушения: историко-правовой анализ

*Балковая Валентина Григорьевна,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Владивостокского филиала
Российской таможенной академии,
доктор юридических наук, доцент
valyabalk@yandex.ru*

Настоящая работа является попыткой комплексной реконструкции процесса становления конфискации в Российском государстве и особенностей ее применения при наказаниях за таможенные правонарушения. Хронологические рамки исследования — XVI–XVIII века. Источниковую базу исследования составили акты из коллекции Полного собрания законов Российской империи (Собрание Первое).

Ключевые слова: конфискация, таможенное дело, наказание за таможенные правонарушения, таможенная служба, Московское централизованное государство, Российская империя.

Confiscation in the System of Punishments for Customs Offenses: a Historical and Legal Analysis

*Balkovaya Valentina G.
Head of the Department of Theory and History of State and Law
of the Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy
LL.D., Associate Professor*

The present work is an attempt to make a comprehensive reconstruction of the formation of the confiscation system in the Russian state and to determine the specifics of its application as punishment for customs offenses. Chronological framework of the study covers XVI — XVIII centuries. Source database of the study includes legal acts from the Complete Collection of Laws of the Russian Empire (the First collection).

Keywords: confiscation, customs, penalty for customs offences, Customs service, Moscow Central state, the Russian Empire.

В современной системе административных наказаний за таможенные правонарушения конфискация занимает одно из ведущих мест, в частности, оно является важным средством противодействия незаконному перемещению товаров через таможенную границу Российской Федера-

ции. Настоящая публикация имела целью изучить историю становления и практику применения конфискации в таможенном деле России в XVI–XVIII веках.

Конфискация относится к числу экономических наказаний, выражается в лишении собственника конкретных вещей —

объектов материального мира¹. В таком значении конфискация появилась еще во времена Киевской Руси. Так, наиболее суровым наказанием, предусмотренным Русской Правдой, являлся «поток и разграбление». По мнению большинства исследователей², это было двойное наказание, выражавшееся в лишении личных и имущественных прав — оно предполагало выдачу виновного и членов его семьи в холопство, при этом все имущество семьи передавалось князю. Из этого видно, что уже в Киевской Руси существовало наказание, в значительной мере напоминавшее современную конфискацию, однако ее применение практиковалось достаточно редко и только за наиболее серьезные преступления.

Уже в то время началось становление таможенного дела, первоначально как формы организации косвенного налогообложения, оно реализовывалось через обложение сделок внутренней купли-продажи. Из письменных документов можно узнать о том, что неуплата таможенных сборов наказывалась уплатой денежных штрафов. Постепенно сложилась целая система штрафных пошлин, в определенной мере «отзеркаливавшая» существовавшую систему позитивных пошлин: так, за неуплату мыта взыскивали промыто, за неуплату тамги — протаможье, за неуплату пятна коневого — пропятенье³. Вместе с тем в период Киевской Руси и удельных княжеств в таможенном деле конфискация не практиковалась.

Ситуация изменилась в Московском централизованном государстве, где конфискация превратилась в ведущую меру наказания за целый ряд нарушений процедур таможенного оформления.

Наиболее ранние упоминания о конфискации относятся ко времени правления царя Ивана Васильевича Грозного. В част-

ности, в Таможенной Новгородской грамоте 1571 года содержится предписание приезжим торговым людям с товаром являться к таможенникам на гостиный двор, не спуская товара с возов до оформления. Если же приезжие купцы в обход этой нормы ставились на подворья к частным лицам, предписывалось и привезенные товары, и двор конфисковывать — «имати на Великого государя по тому же, как и на Москве»⁴.

Необходимо отметить, что до 1653 года, то есть до начала таможенной реформы царя Алексея Михайловича, в пределах Московского централизованного государства не было единого подхода к таможенному регулированию. Для каждой местности выдавалась своя особая таможенная грамота, содержание которых значительно различалось.

Общероссийский характер норма о конфискации приобрела в ходе таможенной реформы и нашла свое юридическое закрепление в Новоторговом уставе 1667 года⁵. В этом нормативном акте значительно расширен круг правонарушений, наказывавшихся конфискацией всего или части товара. Наряду с несоблюдением правил о гостином дворе и спуске товаров, теперь конфискацией наказывались следующие деяния: недостоверное декларирование (занижение количества товаров, подлежащих обложению; конфисковывался излишек, ст. 36); торговля иноземцев между собой российскими товарами без уплаты пошлин (конфисковывался весь товар, ст. 41); торговля иностранцами иноземными товарами в розницу (конфисковывался товар, выставленный на продажу, ст. 42); несанкционированный спуск товаров с корабля (конфисковывался весь товар, ст. 46); торговля иностранцев иноземными товарами между собой (конфисковывался весь товар, находящийся в обороте, ст. 63); недостоверное декларирование закупленных для вывоза российских товаров (конфисковывался излишек,

¹ Голованова Н.А. Конфискация как реакция на корыстное преступление // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 80.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. С. 328–329.

³ Осокин Е.Г. Внутренние таможенные пошлины в России. Казань : Казанская губернская типография, 1850. С. 120–127.

⁴ О сборе пошлин на Торговой стороне в Государевой опричнине : Таможенная Новгородская грамота от 17 марта 1571 г. // ААЭ. Т. 1. С. 328.

⁵ Новоторговый устав, принят 22 апреля 1667 г. // ПСЗ. Собр. 1. Т. I. № 408. С. 677–691.

ст. 66); несанкционированная погрузка товаров на корабль (конфисковывался весь товар, ст. 70); тайный ввоз в страну валюты — золотых и серебряных денег других государств (конфисковывались все незадекларированные средства, ст. 74); торговля иностранцев за пределами Архангельска внутри страны (конфисковывался весь товар, ввезенный для розничной торговли, ст. 84). Из этого перечня видно, что в пореформенный период конфискация превращается в ведущую форму наказания за нарушения в таможенной сфере. При формулировании норм в то время применялась традиционная словесная формула «имать на Великого государя».

Конфискация в большинстве случаев выступала как основное наказание, но в отдельные исторические периоды оно могло становиться дополнительным. В связи с тем, что в 1670–1681 годах возросло количество случаев тайного привоза в Москву товаров в объезд гостиного двора по согласованию с собственниками частных подворий, была ужесточена норма о гостинном дворе. В Наказе Большой Московской таможне 1681 года предписывалось к виновным применять не только конфискацию товара и подворья со всем имуществом, но и смертную казнь к купцу и собственнику двора: «И того человека двор его, и животы, и того торгового человека товар взяти на Великого государя бесповоротно, да им же за то быть в смертной казни»⁶. На практике смертная казнь заменялась торговой, то есть битьем кнутом на площади, но и такое наказание было несоизмеримо с общественной опасностью деяния.

Другим основанием для превращения конфискации в дополнительное наказание являлся рецидив. Так, в статье 6 цитируемого указа дублируется норма Новоторгового устава о конфискации «утаенных» от обложения или имеющих заниженную таможенную стоимость товаров. Однако в статье 8 она существенно дополняется квалифицированным составом: «А которые люди объявятся с утаенными товарами и с убавочною ценою в другой раз или тре-

тий, и тем людям сверх взятых товаров чинить наказанье, бить кнутом нещадно»⁷.

Новым составом таможенных правонарушений, введенным в 1699 году, явилась торговля в неустановленных местах, «на пустых берегах» вблизи Архангельска. За совершение данного деяния статья 25 Наказа предписывала «товары те имать в казну Великого государя бесповоротно»⁸.

Таким образом, в Московском централизованном государстве по мере регламентации процесса торговли и таможенного оформления товаров постепенно сформировался достаточно широкий перечень деяний, связанных с нарушением установленных процедур. Для наказания за их совершение государство ввело новую меру наказания — конфискацию. В XVIII веке в Российской империи эта практика получила дальнейшее развитие.

После завоевания Россией выходов в Балтийское море началось активное развитие морской внешней торговли. Это потребовало разработки процедур морского таможенного оформления, что выразилось в принятии в 1724 году Морского торгового регламента и устава⁹. Его нормы в качестве санкций во многих случаях предполагали конфискацию. Примечательно, что в новом нормативном акте законодатель отходит от словесной формулы «имать на Великого государя» и впервые заменяет ее привычным нам термином «конфискация».

Морской регламент 1724 года достаточно жестко подходил к обеспечению процедур морского таможенного оформления — три его статьи предполагали конфискацию не только товаров, но и судна. Это допускалось при нарушении норм, закреплявших процедуры прибытия корабля в гавань (ст. 2 и 8), а также в случае отплытия загруженного корабля «без пашпорта таможенного» (ст. 14). Так как виновным в этом деянии мог быть толь-

⁷ Там же. С. 322.

⁸ О сборе таможенных пошлин в городе Архангельске: Наказ таможенным головам от мая 1699 г. [6/А] // ПСЗ. Собр. 1. Т. III. №. 1687. С. 620.

⁹ Морской торговый регламент и устав, принят 31 января 1724 г. // ПСЗ. Собр. 1. Т. VII. № 4451. С. 233–241.

⁶ О сборе таможенных пошлин: Наказ Московской Большой таможне: июнь, 1681 г. // ПСЗ. Собр. 1. Т. II. № 873. С. 325.

ко капитан, то и санкция была адресована ему (конфискация судна). Помимо упомянутых трех статей, предполагавших дополнительно конфискацию товаров, товары изымались еще в четырех случаях: при недостоверном декларировании (конфисковывался излишек, ст. 3), при подделке указанных в документах мер веса и объема с целью уменьшения размера пошлин (конфисковывались все товары, ст. 16); при контрабандном ввозе товаров (конфисковывались все не явленные для досмотра товары, ст. 24); при перегрузке товаров с корабля на корабль, не явив его в таможене (ст. 28). Таким образом, из сорока одной статьи, составляющих объем Регламента, в семи случаях обеспечительной мерой являлась конфискация.

В 1731 году был принят новый Морской пошлинный регламент или устав¹⁰, более детально урегулировавший процедурные вопросы оформления и значительно смягчивший санкции. В частности, возможность конфискации судна теперь допускалась только в одном случае — выход корабля в море «без таможенного пашпорта» (ст. 14). В остальных случаях с капитана взыскивались денежные штрафы. Правда, статьи 95 и 96 допускали конфискацию судна в том случае, если денежных средств капитана не хватало на уплату штрафа. Случаи конфискации товаров были традиционными: несанкционированная погрузка (разгрузка) (ст. 9), «утаенные товары» (ст. 12), погрузка дополнительных товаров после получения «таможенного пашпорта» (ст. 22). Новыми составами, наказывавшимися конфискацией, были: неявка капитаном собственных товаров (ст. 34), обнаружение бесхозных необъявленных товаров (ст. 35), сокрытие ценного товара в менее ценном (ст. 37).

Статья 85 содержала норму, призванную усилить заинтересованность таможенных служащих в обнаружении неявленных и утаенных товаров, что обеспечивалось через закрепление механизма распределения конфискованных ценностей. Предписывалось «из всех конфискаций неявленных товаров, которые будут

¹⁰ Морской пошлинный регламент или устав, 31 марта 1731 г. // ПСЗ. Собр. 1. Т. VIII. № 5733. С. 409–446.

сысканы таможенными служащими, как в кораблях, так и в пакгаузах при досмотрах, давать тому, кто усмотрит, четвертую долю, а другую четвертую долю на разделение прочим таможенным служащим по пропорции, а прочие две четверти или половину в госпиталь, вычитая из всего пошлину в сумму таможенную с товаров, с которых пошлинного взятка не было»¹¹.

В 1729 году в Российской империи была учрежден новый государственный орган — Канцелярия конфискации, которая ведала имуществами, поступающими в казну в особом режиме. К такому имуществу относились выморочные имения, вещи, конфискованные в счет недоимок, конфискованное имущество политических преступников, штрафы. На все таможи, включая Сибирские, также была возложена обязанность сдавать в этот центральный орган конфискованные товары.

Первоначально лишь Канцелярия конфискации была правомочна проводить аукционы, если изъятое в пользу государства имущество требовалось реализовать. Это привело к значительным трудностям в применении в таможенном деле наказаний, связанных с конфискацией, ведь нередко изымались товары, неудобные для транспортировки (например, скот, партии соли, скоропортящаяся продукция). Поэтому оправданным было принятие в 1737 году нормативного правового акта, по которому право производить торги в отдаленных местностях было возложено на таможи. С этого момента они представляли в канцелярию конфискации в натуре лишь дорогостоящие товары (в частности, предметы роскоши), а об остальном товаре, реализованном с торгов, таможи подавали отчеты и сдавали вырученные денежные суммы¹².

¹¹ Там же. С. 240.

¹² О продаже впредь конфискованных в пограничных и портовых таможах товаров, кроме Санкт-Петербургского и Кронштадтского портов, в самих таможах : указ Правительствующего Сената от 1 июля 1757 г. // ПСЗ. Собр. 1. Т. XIV. № 10 745. С. 779–780 ; О продаже конфискованных при таможах товаров не в канцелярии конфискации, а в самих таможах при члене оной канцелярии : резолюция Кабинет-министров на доклад

В первой половине XVIII века морская внешняя торговля имела объемы, значительно превышавшие оборот от сухопутной пограничной, поэтому и внимание законодателя в первую очередь было направлено на организацию таможенного обложения в портах. Актов, сопоставимых по объемам и значимости с Морскими регламентами, в сфере организации пограничной сухопутной торговли не принималось.

В 1753–1757 годах в правление императрицы Елизаветы Петровны проходила таможенная реформа, в ходе которой произошло окончательное разграничение таможенной и налоговой систем Российской империи. В ходе нее были ликвидированы внутренние таможи и произошла окончательная переориентация таможенного дела на регулирование внешней торговли. Это привело к разработке и принятию в 1755 году первого кодифицированного отраслевого акта в сфере таможенного дела — Таможенного устава, действовавшего до 1819 года¹³.

В этом нормативном акте в системе наказаний за таможенные правонарушения конфискация традиционно заняла одно из ведущих мест. По-прежнему конфискацией наказывались неявка товаров, тайный провоз, подмена и другие подобные деяния. Дополнительно появился ряд новых нарушений, наказывавшихся конфискацией, к таким, в частности, стало относиться превышение стоимости и объемов вещей, вывозимых (ввозимых) для личного потребления. Выявленные в процессе досмотра излишки подлежали конфискации. Другим новым составом, введенным Таможенным уставом, явилась торговля чужим товаром под своим именем. Так как русские купцы и иностранные купцы, записавшиеся в русское купечество, пользовались преференциями при торговле заграничными товара-

ми на внутреннем рынке, сформировалась противоправная практика торговли чужим товаром под своим именем. Данное деяние наказывалось чрезвычайно сурово, конфискация при этом выступала только как одна из составляющих кумулятивной санкции. Дополнительно с виновного купца взыскивался денежный штраф в пределах стоимости конфискованного товара, и его наказывали кнутом за подлог документов¹⁴.

С целью повысить раскрываемость таможенных правонарушений в Таможенном уставе была разработана система материального стимулирования доносителей, которым теперь причиталась половина конфискованного товара (из этой доли уплачивались и все таможенные сборы), а другая половина поступала в казну (ст. 1 главы 4).

Контроль всех дел о конфискациях осуществляла Коммерц-коллегия: «О всех конфискованных товарах, где оные конфискованы будут, и о производстве о тех товарах дел, и об учинении экзекуции писать для известия в Коммерц-коллегию»¹⁵. В Коммерц-коллегию также надлежало обращаться купцам с апелляционными жалобами.

Таким образом, применение конфискации в России имеет длительную историческую традицию, уже в середине XVI века она превращается в одно из ведущих наказаний за совершение таможенных правонарушений. Конфискацией традиционно наказывалось грубое нарушение оформительских процедур, недостоверное декларирование, сокрытие товара и контрабанда. В зависимости от степени вины могли применяться: конфискация части товара, конфискация всего товара как основное наказание, конфискация как одно из наказаний при кумулятивных санкциях. Введение конфискации в систему наказаний за таможенные правонарушения способствовало значительному пополнению казны, а также вело к возрастанию у участников внешней торговли уважения к таможенным процедурам.

Коммерц-коллегии от 8 марта 1738 г. // ПСЗ. Собр. 1. Т. X. № 7530. С. 437–438.

¹³ Таможенный устав, 1 декабря 1755 г. // ПСЗ. Собр. 1. Т. XIV. № 10 486. С. 462–484.

¹⁴ Там же. С. 472.

¹⁵ Там же. С. 471.

Литература

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. 640 с.

2. Голованова Н.А. Конфискация как реакция на корыстное преступление / Н.А. Голованова // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 78–86.
3. Иванова О.В. Юридическая ответственность в эпоху правления императрицы Екатерины II / О.В. Иванова // История государства и права. 2008. № 2. С. 22–23.
4. Логинова А.С. Борьба с контрабандой в дореволюционной России: причины, ход, результаты / А.С. Логинова // История государства и права. 2014. № 16. С. 43–48.
5. Осокин Е.Г. Внутренние таможенные пошлины в России / Е.Г. Осокин. Казань : Казанская губернская типография, 1850. 178 с.

References

1. Vladimirovskiy-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava [Review of Russian Law History] / M.F. Vladimirovskiy-Budanov. Rostov-na-Donu : Feniks — Rostov-on-Don : Phoenix, 1995. 640 s.
2. Golovanova N.A. Konfiskatsiya kak reaktsiya na kory`stnoe prestuplenie [Confiscation as a Reaction to a Mercenary Crime] / N.A. Golovanova // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2015. № 7. S. 78–86.
3. Ivanova O.V. Yuridicheskaya otvetstvennost v epokhu pravleniya imperatritsy` Ekateriny` II [Legal Liability in the Period of the Rule of Empress Catherine II] / O.V. Ivanova // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2008. № 2. S. 22–23.
4. Loginova A.S. Borba s kontrabandoy v dorevoljucionnoy Rossii: prichiny`, khod, rezultaty` [Combating Smuggling in Pre-Revolutionary Russia: Reasons, Course, Results] / A.S. Loginova // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2014. № 16. S. 43–48.
5. Osokin E.G. Vnutrennie tamozhenny`e poshliny` v Rossii [Internal Customs Duties in Russia] / E.G. Osokin. Kazan : Kazanskaya gubernskaya tipografiya — Kazan : Printing office of Kazan Governorate, 1850. 178 s.

Издательская группа «Юрист» продолжает подписку на комплект «Библиотека юридического вуза» на первое полугодие 2020 года

Уважаемые читатели!

Предлагаем вам оформить подписку на комплект «Библиотека юридического вуза». В комплект входят следующие издания:

- Арбитражный и гражданский процесс
- Гражданское право
- Информационное право
- История государства и права
- Конституционное и муниципальное право
- Международное публичное и частное право
- Семейное и жилищное право
- Трудовое право в России и за рубежом
- Финансовое право
- Юридическое образование и наука
- Юрист

С условиями подписки рекомендуем ознакомиться на сайте ИГ «Юрист»: www.lawinfo.ru в разделе «Подписка».

Наш адрес:

115035, г. Москва, Космодамианская набережная, д. 26/55, стр. 7.

Телефон: 8(495) 617-18-88.

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-12-43-48

Влияние юридической научной мысли на развитие института государственных преступлений в середине XX века

Воробьев Алексей Сергеевич,
преподаватель кафедры истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
vorobalex1991@yandex.ru

Научная мысль, подход ученого сообщества к институту государственных преступлений не только отражали сложившиеся на тот момент реалии правового регулирования, не только фиксировали «статическую» правовых норм, но и предлагали пути оптимизации законодательных текстов и тем самым играли роль самостоятельного фактора, влияющего на эволюцию, «динамику» правового института, нередко предвосхищая многие изменения, которые будут произведены законодателем впоследствии. Законодатель ориентировался на достижения и рекомендации научного сообщества, и государство само было заинтересовано в научных изысканиях в данной сфере, о чем свидетельствует тот факт, что первым юридическим журналом стал выпускаемый с 1859 года под эгидой государства «Журнал Министерства юстиции».

Рассмотрены основные вехи, события и достижения в развитии научного дискурса в данной сфере, обозначены и оценены наиболее значимые работы ученых, внесших обширный вклад в развитие рассматриваемого правового института, а также обозначены основные изменения, произошедшие с его правовым регулированием при принятии редакции 1866 года Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года — в период всплеска активности научного сообщества и отражавшие эволюцию научных подходов.

Ключевые слова: история, право, уголовное право, государственные преступления, институт, развитие, историография, научный подход, классификация.

The Influence of the Legal Scientific Thought on the Development of the State Crime Institution in the Middle of the 20th Century

Vorobyev Aleksey S.
Lecturer of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The scientific thought, the approach of the scientific community towards the state crime institution not only reflected the legal regulation realia relevant at that period of time, not only fixed the “statics” of legal provisions, but also proposed ways of optimization of legal texts, and thus played the role of an independent factor affecting the evolution, “dynamics” of the legal institution, often anticipating many changes that will later be introduced by the legislator. The legislator was guided by achievements and recommendations of the scientific community, and the state was interested itself in scientific research in this sphere, which is proven by the fact that the first law journal was the Journal of the Ministry of Justice published from 1859 under the aegis of the state.

The authors review the key milestones, events and achievements in the development of the scientific discourse in this sphere, identify and evaluate the most significant works of scientists having largely contributed to the development of the studied legal institution, single out main changes to its legal regulation introduced by the adoption of the 1866 edition of the Code of Criminal and Corrective Penalties of 1845, in the period of a burst of activities of the scientific community and having reflected the evolution of scientific approaches.

Keywords: history, law, criminal law, state crimes, institution, development, historiography, scientific approach, classification.

Развитие юридической жизни России значительно ускорилося при императоре Александре II. В 1859 году начал выходить «Журнал Министерства юсти-

ции», который стал практически первым российским юридическим журналом и выходил до революции с небольшими перерывами. В нем публиковались офи-

циальные сообщения, принятые указы и постановления, материалы судебной практики. В неофициальной части данного журнала размещались научные статьи, критика и библиография. Дискуссии и рассуждения, которые велись на страницах данного журнала, касались в том числе и государственных преступлений, тема которых оставалась весьма актуальной, особенно в свете наметившихся при Александре II изменений в законодательстве.

В 60-е годы XIX века и последующие десятилетия выходили серьезные работы по уголовно-правовой тематике. В пример можно привести «Учебник уголовного права» 1863 года В.Д. Спасовича; «Уголовно-статистические этюды. Этюд первый. Статистический опыт исследования физиологического значения возрастов человеческого организма по отношению к преступлению» 1865 года Н.А. Неклюдова; «Исследование о смертной казни» 1867 года А.Ф. Кистяковского. Внимания заслуживают и работы Н.С. Таганцева.

В 60-е годы прослеживается тенденция расширения подхода научного сообщества к государственным преступлениям и сближения их понятия с понятием преступлений против порядка управления, что отражалось в некоторых научных работах. Так, В.Д. Спасович выделял категорию преступлений против государства, к которым относил две категории — «общие или политические» и «преступления против отдельных отраслей государственного управления»¹. Таким образом, хотя законодатель четко обозначил свою позицию в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (далее — Уложение 1845 года), озаглавив раздел III как «О преступлениях государственных» и поместив преступления против порядка управления в отдельный раздел, в то же время некоторые представители научного сообщества придерживались более широкого подхода. В определенной степени это, разумеется, влияло на законодателя, и,

¹ См.: Спасович В.Д. Учебник уголовного права. Том 1. Выпуск первый. СПб. : Тип. Иосафата Оризко, 1863. С. 87.

как будет рассмотрено далее, в разделе «О преступлениях государственных» Уложения 1845 года число составов постепенно увеличивалось с принятием новых редакций законодательного акта.

Позже Уголовное уложение 1903 года значительно расширило институт государственных преступлений именно за счет включения в него некоторых составов, ранее относившихся к категории преступлений против порядка управления, что подчеркивает значительность влияния научной мысли на законодателя и его подход к институту государственных преступлений.

Однако в юридическом сообществе периода действия Уложения 1845 года такой расширительный подход к институту государственных преступлений отнюдь не был единым или общепризнанным. Так, В.В. Есипов разделял позицию законодателя, относя в своей классификации к государственным преступлениям только те, которые изложены в разделе III Уложения 1845 года «О преступлениях государственных»², и сходной позиции придерживался также А.В. Лохвицкий³.

Реформы Александра II в определенной степени оживили дискуссии среди юристов, что привело к мощному скачку в становлении юридических сообществ. В 60-х годах XIX века начали выходить «Судебный вестник» и «Юридический вестник». В 1871 году под эгидой Санкт-Петербургского юридического общества начал выходить «Журнал гражданского и уголовного права». В отличие от упомянутого выше «Журнала Министерства юстиции» это издание было в большей степени ориентировано на публикацию научных статей, и в нем публиковали свои работы многие видные ученые-криминалисты. 1875 год ознаменовался первым съездом русских юристов. В Съезде приняли участие теоретики и практики отечественного права — более двухсот

² См.: Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. Часть общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Варшава : Тип. Варшавского учебного округа, 1894. С. 286.

³ См.: Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1867. С. 323–324.

человек. По отделению уголовного права и тюремного дела было подготовлено девять докладов, в разработке которых приняли участие в числе прочих ученых И.Я. Фойницкий, Н.С. Таганцев, Н.А. Неклюдов, А.В. Лохвицкий⁴.

Научное сообщество консолидировало и систематизировало информацию о результатах существовавшего правового регулирования, в том числе противодействия государственным преступлениям, предлагало более прогрессивные решения законодателю. Уже в те годы научное сообщество сигнализировало о постепенном устаревании положений, регулирующих различные правовые отношения. Речь велась и об устаревании Уложения 1845 года. Представители научного сообщества входили в комиссии по разработке новых нормативных актов, причем по мере развития юридической науки в России, ее институционализации участие ученых в работе проектных комиссий становилось все более распространенным.

Идеи о проблемах Уложения 1845 года и о необходимости переработки правового регулирования в уголовной сфере, высказанные в эти годы, стали предтечей осознания необходимости не только локального изменения (принятия новых редакций в 1866 и в 1885 годах), но и кардинального обновления уголовно-правового регулирования, результатом чего позже станет издание Уголовного уложения 1903 года. Данные процессы оказывали значительное влияние и в институте государственных преступлений.

Таким образом, можно выделить важную черту, характеризующую изменения правового регулирования и развитие института государственных преступлений. Рассмотренные общественные и научные процессы в качестве внешних факторов оказывали значительное влияние на развитие института государственных преступлений посредством как формирования новых условий жизни общества

⁴ См.: Первый съезд русских юристов в Москве в 1875 г. / под ред. С.И. Баршева, Н.В. Калачева, С.А. Муромцева, А.М. Фальковского. М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1882. С. 4–7.

и функционирования государства (реформы Александра II), так и постановки вопросов к правовому регулированию с точки зрения методологии и изменения теоретических подходов (развитие научной мысли, деятельность юридической прессы).

Особой величиной в российской науке уголовного права, несомненно, является Н.С. Таганцев. Под его редакцией выходили комментарии к разным редакциям Уложения 1845 года⁵, им подробно исследовались нормы данного законодательного акта (в том числе и нормы института государственных преступлений). Им же написаны и несколько важных трудов⁶ по уголовному праву, в том числе учебники и курсы лекций⁷.

Важны и фундаментальные исследования А.Ф. Бернера, включающие подробную проработку уголовного права, его глубинных основ, в том числе исторических и философских, и действовавшего законодательства⁸.

Большое значение имеют труды А.В. Лохвицкого, работавшего над обобщением научных и законодательных наработок уголовного права и подробно рассматривавшего нормы Уложения 1845 года, включая составы государственных преступлений, а также рассуждавшего об их сущности и истории возникновения⁹.

⁵ См.: Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. с дополнениями по 1-е января 1876 г. Издание второе, переработанное и дополненное. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1876.

⁶ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. I. Тула: Автограф, 2001.

⁷ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1994.

⁸ См.: Бернер А.Ф. Учебник уголовного права: Части общая и особенная: с примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному. Часть общая. Т. 1 / А.Ф. Бернер; прим., пер. и изд.: Н. Неклюдов, магистр уголов. права. СПб.: Типогр. Н. Тиблена и Комп., 1865.

⁹ См.: Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1867.

Разумеется, стоит отметить и огромный вклад В.Д. Спасовича в исследование уголовного права. Внимания заслуживает подготовленный им «Учебник уголовного права», вышедший в свет в 1863 году¹⁰. В нем отражались общие проблемы уголовного права и проводился анализ зарубежной практики. Стоит отметить также работу В.И. Сергеевича «История русского права», в которой отражались многие важные тенденции развития права¹¹.

Наиболее значительные изменения произошли в третьей по счету редакции 1866 года Уложения 1845 года. Принятие новой редакции Уложения 1845 года в 1866 году было обусловлено тем, что в период правления императора Александра II (1855–1881 гг.) в России произошли преобразования практически во всех сферах жизни. В 1865 году была совершена попытка сочетать Уложение 1845 года с Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, который стал дополняющим Уложение 1845 года сборником действующих общих уголовных законов. Проект был высочайше утвержден 20 ноября 1864 года и обнародован вместе с судебными уставами как особая их часть, в 1883 году устав вышел вторым изданием, а затем в 1885 году — третьим изданием и помещен вместе с уложением как особая часть тома XV¹². Реализовывалась и идея ликвидации сословного деления, которая связывалась с идеей политического уравнивания подданных¹³. Судебная реформа затронула самые разные сферы и повлияла на облик государства и права в целом.

Так, Н.Д. Сергеевский отмечает постепенное сокращение и исчезновение практики применения телесных наказа-

ний со второй половины XVIII века, что началось с привилегированных сословий, а затем коснулось и всего населения¹⁴. Н.С. Таганцев пишет, что реформы и изменения, происходившие в стране, требовали обновления правового регулирования в уголовной сфере. На основании этого в 1866 году и состоялось по Высочайшему повелению третье издание Уложения 1845 года. В него были включены все постановления по 1 марта 1866 года; число статей значительно сократилось — с 2304 до 1711¹⁵, что отражает реализацию отстаиваемой научным сообществом оптимизации массива статей.

В данной редакции из общего перечня наказаний за государственные преступления исключались телесные наказания¹⁶, хотя статья 78 устанавливала, что в случае невозможности подвергнуть виновных заключению к лицам, не изъятым по закону от телесных наказаний, могли быть применены розги.

Как и в предыдущих редакциях (первое издание Уложения 1845 года и второе издание 1857 года Уложения 1845 года), в редакции 1866 года Уложения 1845 года государственные преступления были предусмотрены разделом III «О преступлениях государственных». Данный раздел включал двадцать одну статью (ст. 241–261) — на одну статью больше, чем содержали соответствующие разделы предыдущих редакций Уложения 1845 года.

Развитие юридической техники влияло на преобразование института и было обусловлено развитием юридической науки, которая институционализировалась в 60–70-е годы XIX века, что форсировало совершенствование и преобразование института. Упомянутое выше расшире-

¹⁰ См.: Спасович В.Д. Учебник уголовного права. Том 1. Выпуск первый. СПб. : Тип. Иосафата Огризко, 1863.

¹¹ См.: Сергеевич В.И. История русского права. СПб., 1888.

¹² См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1994. С. 104.

¹³ См.: Исаев И.А. Судебная реформа 1864 г.: цели и противоречия // История государства и права. 2014. № 23. С. 3–5.

¹⁴ См.: Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право : пособие к лекциям. Часть общая. 4 изд. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. С. 127.

¹⁵ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право : лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1994. С. 104.

¹⁶ См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / ред. Р.Р. Галиакбаров. Краснодар : КГАУ, 2000. С. 43–44.

ние законодательного подхода к содержанию института было также обусловлено изменениями в подходе научного сообщества к государственным преступлениям. Имело место стремление законодателя к унификации формулировок правовых норм, широкое применение отсылочных механизмов, специфических форм изложения статей. Проявление законодателем в Уложении 1845 года гибкости, рационального, пропорционального причиняемому преступлением вреду подхода влекло увеличение числа преступных составов, степени их проработанности посредством дробления преступных составов, выделения новых привилегированных составов, что стало одним из факторов расширения института. Законодателем широко используются отсылочные нормы и формальные составы преступлений. Применен ряд особых способов преобразования правового регулирования и выстраива-

ния правовых механизмов. В частности, в редакциях Уложения 1845 года отмечено применение механизмов косвенной защиты императора и его семьи через установление особых наказаний за покушение на лиц, охраняющих их.

Таким образом, в период институционализации юридической науки в России ее влияние на правовое регулирование института государственных преступлений значительно возросло, а также стало дополнительным форсирующим фактором развития системы правовых норм, что выражалось во многих нововведениях, принимаемых законодателем впоследствии. Хотя главным фактором происходящих изменений была политическая воля руководства страны на проведение реформ, форму этим реформам и, соответственно, изменениям в праве в значительной степени придавала научная мысль.

Литература

1. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права: Части общая и особенная : с примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному. Тома 1–2. Т. 1. Часть общая / А.Ф. Бернер ; примечание, перевод и изд.: Н. Неклюдов. Санкт-Петербург : Тип. Н. Тиблена и Комп., 1865. 941 с.
2. Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. Часть общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые / В.В. Есипов. Варшава : тип. Варшавского учебного округа, 1894. 419 с.
3. Исаев И.А. Судебная реформа 1864 г.: цели и противоречия / И.А. Исаев // История государства и права. 2014. № 23. С. 3–5.
4. Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права / А.В. Лохвицкий. Санкт-Петербург : тип. Правительствующего Сената, 1867. 653 с.
5. Первый съезд русских юристов в Москве в 1875 г. / под редакцией С.И. Баршева, Н.В. Калачева, С.А. Муромцева, А.М. Фальковского. Москва : тип. А.И. Мамонтова и К°, 1882. 310 с.
6. Сергеевич В.И. История русского права / В.И. Сергеевич. Санкт-Петербург : тип. Д. Жиневскаго, 1888. 893 с.
7. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая : пособие к лекциям / Н.Д. Сергеевский. 4-е изд. Санкт-Петербург : тип. М.М. Стасюлевича, 1900. 364 с.
8. Спасович В.Д. Учебник уголовного права. Т. 1. Вып. 1. Общая часть уголовного права материального / В.Д. Спасович. Санкт-Петербург : тип. Иосафата Огризко, 1863. 430 с.
9. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 томах. Т. 1 / Н.С. Таганцев. Москва : Наука, 1994. 380 с.
10. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1 / Н.С. Таганцев. Тула : Автограф, 2001. 800 с.
11. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. с дополнениями по 1-е января 1876 г. / Н.С. Таганцев. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург : тип. М. Стасюлевича. 1876. 736 с.
12. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / редактор Р.Р. Галиакбаров. Краснодар : КГАУ, 2000. 432 с.

References

1. Berner A.F. Uchebnik ugolovnogo prava: Chasti obschaya i osobennaya : s primechaniyami, prilozheniyami i dopolnениyami po istorii russkogo prava i zakonodatelstvu polozhitelnomu. Toma

- 1–2. Т. 1. Chast obschaya [Textbook of Criminal Law: General and Special Parts : with commentaries, annexes and supplements on Russian law history and positive law. Volumes from 1 to 2. Vol. 1. The General Part] / A.F. Berner ; primechanie, perevod i izd. : N. Neklyudov. Sankt-Peterburg : Tip. N. Tiblena i Komp. — commentary, translation and edition : N. Neklyudov. Saint Petersburg : Printing office of N. Tiblen and Co., 1865. 941 s.
2. Esipov V.V. Ocherk russkogo ugolovnogogo prava. Chast obschaya. Prestuplenie i prestupniki. Nakazanie i nakazuemy`e [An Outline of Russian Criminal Law. The General Part. Crime and Criminals. Punishment and Punished] / V.V. Esipov. Varshava : tip. Varshavskogo uchebnogo okruga — Warsaw : Printing office of the Warsaw Educational District, 1894. 419 s.
3. Isaev I.A. Sudebnaya reforma 1864 g.: tseli i protivorechiya [The Judicial Reform of 1864: Aims and Discrepancies] / I.A. Isaev // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2014. № 23. S. 3–5.
4. Lokhvitskiy A.V. Kurs russkogo ugolovnogogo prava [Course of Russian Criminal Law] / A.V. Lokhvitskiy. Sankt-Peterburg : tip. Pravitelstvuyushego Senata — Saint Petersburg : Printing office of the Governing Senate, 1867. 653 s.
5. Pervy`y syezd russkikh yuristov v Moskve v 1875 g. [The First Convention of Russian Lawyers in Moscow in 1875] / pod redaktsiyey S.I. Barsheva, N.V. Kalacheva, S.A. Muromtseva, A.M. Falkovskogo. Moskva : tip. A.I. Mamontova i K° — edited by S.I. Barshev, N.V. Kalachev, S.A. Muromtsev, A.M. Falkovskiy. Moscow : Printing office of A.I. Mamontov and Co., 1882. 310 s.
6. Sergeevich V.I. Istoriya russkogo prava [Russian Law History] / V.I. Sergeevich. Sankt-Peterburg : tip. D. Zhinevskago — Saint Petersburg : D. Zhinevskiy's printing office, 1888. 893 s.
7. Sergeevskiy N.D. Russkoe ugolovnoe pravo. Chast obschaya : posobie k lektsiyam [Russian Criminal Law. The General Part : guide to lectures] / N.D. Sergeevskiy. 4-e izd. Sankt-Peterburg : tip. M.M. Stasyulevicha — 4th edition. Saint Petersburg : M.M. Stasyulevich's printing office, 1900. 364 s.
8. Spasovich V.D. Uchebnik ugolovnogogo prava. T. 1. Vy`p. 1. Obschaya chast ugolovnogogo prava materialnogo [Textbook of Criminal Law. Vol. 1. Issue 1. The General Part of Substantive Criminal Law] / V.D. Spasovich. Sankt-Peterburg : tip. Iosafata Ogrizko — Saint Petersburg : Iosafat Ogrizko's printing office, 1863. 430 s.
9. Tagantsev N.S. Russkoe ugolovnoe pravo. Lektsii. Chast obschaya. V 2 tomakh. T. 1 [Russian Criminal Law. Lectures. The General Part. In 2 volumes. Vol. 1] / N.S. Tagantsev. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1994. 380 s.
10. Tagantsev N.S. Russkoe ugolovnoe pravo. Chast obschaya. T. 1 [Russian Criminal Law. The General Part. Vol. 1] / N.S. Tagantsev. Tula : Avtograf — Tula : Autograph, 2001. 800 s.
11. Tagantsev N.S. Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolny`kh i ispravitelny`kh 1866 g. s dopolneniyami po 1-e yanvarya 1876 g. [The Code of Criminal and Penal Punishments of 1866 with Supplements till January 1, 1876] / N.S. Tagantsev. 2-e izd., pererab. i dop. Sankt-Peterburg : tip. M. Stasyulevicha — 2nd edition, revised and enlarged. Saint Petersburg : M.M. Stasyulevich's printing office. 1876. 736 s.
12. Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Obschaya chast [Criminal Law of the Russian Federation. The General Part] / redaktor R.R. Galiakbarov. Krasnodar : KGAU — editor R.R. Galiakbarov. Krasnodar : Kuban SAU, 2000. 432 s.

Уважаемые авторы!

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-12-49-58

Эволюция уголовной политики в императорской России

*Акимова Наталья Викторовна,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент
a.n.w@mail.ru*

Статья посвящена анализу уголовной политики в императорской России. По мнению автора, уголовная политика Российской империи в целом характеризовалась попытками адаптации европейских уголовно-правовых идей к условиям России. Отмечается, что такая политика, не будучи увязанной с духовно-нравственной жизнью общества, существенно сужала социальную базу борьбы с преступностью и, осуществляемая при полном игнорировании особенностей российского правосознания, влекла отчуждение большинства населения страны от власти и рост правового нигилизма, ставшего частью российской ментальности.

Ключевые слова: государственная политика, уголовная политика, политика противодействия преступности, уголовное право, преступность, либеральные идеи, разрыв между властью и народом, криминализация общества.

Evolution of the Criminal Policy in Imperial Russia

*Akimova Natalia V.
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)
PhD (Law), Associate Professor*

An article is devoted to the analysis of the criminal policy in the imperial Russia. According to the author, the criminal policy of the Russian Empire, in general, characterized by the attempts of adaptation of the European criminal and legal ideas to Russian conditions. It is noted that this policy, without being coordinated to spiritual and moral life of society, significantly narrowed a social base of fight against the crime and, carried out at full ignoring of features of the Russian sense of justice, attracted estrangement of most of the population of the country from the power and growth of the legal nihilism which became the part of the Russian mentality.

Keywords: state policy, criminal policy, policy of counteraction of crime, criminality, crime, liberal ideas, gap between the power and the people, criminalization of society.

Во второй половине XVII века Россия вступает в пору формирования буржуазных отношений. Отмечается рост мануфактур, интенсивное развитие торговли, промышленности, товарно-денежных отношений. Разрастается государственный бюрократический аппарат, создается многочисленная армия.

Эти процессы происходят на фоне активной борьбы внутри феодального общества: между набирающей силу буржуазией и отживающим свой век феодальным классом; между феодалами и нещадно эксплуатируемыми ими крестьянами; наконец, внутри самого класса феодалов обострились противоречия между «духовными» и светскими, боярами и дворянами. В этих условиях необ-

ходимо было полностью сконцентрировать власть в одних руках и подчинить ей все российское общество — Московский царь становится стержневой персоной в государстве. Внешние факторы, такие как борьба за политическую и экономическую независимость, за выход к морю, также обусловили необходимость установления абсолютизма и трансформацию всей государственно-правовой системы страны. Коренные преобразования, пик которых пришелся на Петровскую эпоху, не могли не отразиться на уголовной политике государства.

Петр I понимал, что в новых исторических условиях необходима серьезная модернизация основ всей государственной политики, поэтому традицион-

ная религиозно-карательная доктрина московского периода, уступает место спонтанным реформаторским нововведениям, основанным на европейских политических и правовых идеях, принудительно насаждаемых императором и весьма неоднозначно воспринимаемых обществом.

Петр I выдвигает концепцию так называемого регулярного государства, в соответствии с которой монархическая власть ничем не ограничивается, а «всеобщее благо» позиционируется как неукоснительное соблюдение интересов государства путем безоговорочного повиновения царской воле и установления жесткой дисциплины.

Прямым следствием построения государственной политики в соответствии с популярными в то время на Западе идеями «общего блага» и «полицейского государства» стало значительное усиление регулирующей роли государственной власти в жизни общества. Петр I провозглашает закон единственным источником права и объявляет исключительно своей прерогативой право криминализации того или иного деяния посредством издания соответствующего закона. Любое деяние, каким-либо образом нарушавшее установленный порядок, представляющее угрозу власти, а следовательно, и государству, признается преступлением, вследствие чего круг уголовно наказуемых деяний становится значительно шире.

Отменяя уголовно-правовой обычай и вводя вместо него новое правило поведения, законодатель рассчитывает, что новая норма войдет в привычку, станет частью общественной практики или, проще говоря, перерастет в обычай, который будет соблюдаться не только и не столько из-за внешнего принуждения, сколько в силу внутреннего убеждения. Но, как показывает исторический опыт, очевидный для европейца постулат о необходимости соблюдения любых законов абсолютно неприемлем для менталитета русского человека, который веками жил не по закону, а «по совести», когда любые сомнения по поводу соответствия закона представлениям о нравственности и справедливости

являются достаточным основанием для его неисполнения. Следует также учесть, что в силу специфики исторического развития государственности в России, в отличие от Европы, не сложилось ни корпорации профессиональных юристов, ни традиции юридического образования, ни тем более корпорации привилегированных и независимых судей. Преобразовательная деятельность осуществлялась в условиях поголовной неграмотности населения, полного отсутствия профессиональных юристов и хорошо организованной системы правосудия. В таких условиях активная законотворческая деятельность царя, основанная на абсолютно чуждых российскому менталитету западных стандартах, не могла дать положительных результатов.

Этими обстоятельствами и был обусловлен выбор жесткой уголовной репрессии не только в качестве способа борьбы с преступностью, но и как средства реализации политических решений. Только «жесточь» могла, по мысли законодателя, эффективно защитить создаваемый царем реформатором новый непонятный государственный порядок. Решая задачу строительства и упрочения «регулярного государства», Петр I практически игнорировал интересы общества, а тем более отдельной личности. Система взаимоотношений власти, церкви, общества строилась не на основе сотрудничества и диалога, как в предыдущий исторический период, а на утрате и насилии, дополнявшихся к тому же еще и взаимным недоверием. Вполне возможно, что истоки традиционного российского правового нигилизма, ставшего частью российской ментальности, кроются именно здесь.

В свое время А.С. Пушкин заметил, что указы Петра I были «...нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом»¹. И действительно, уголовное законодательство этого периода было одним из самых жестоких за всю историю страны, свидетельством чему мо-

¹ Цит. по: Жильцов С.В. Политические аспекты наказания в уголовной политике Петра I // Правоведение. 2002. № 1 (240). С. 207.

жет служить, например, Воинский устав 1716 года, предусматривавший смертную казнь в 122 случаях, то есть вдвое чаще, чем, скажем, в Уложении 1649 года, назначающем его приблизительно в 60 случаях².

Следует отметить, что в начале XVIII века преступление окончательно приобретает форму деяния, нарушающего волю государя, воплощенную в законе. Преступник теперь гораздо чаще именуется не «вор», а «нарушитель прав государственных», «преступник», «преступник указу», «презиратель указов», «преслушник указов»³. Самоубийство, в прежние времена рассматривавшееся как страшный грех против Бога, предстает теперь перед нами в качестве дерзкого неповиновения государевой воле. Относительно этой категории преступников главным источником законодательства того времени являлся Воинский Артикул, который предусматривал не только жестокое, но и позорящее наказание: палач должен был «труп в бесчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам или обозу»⁴. Если военный служащий был пойман при попытке совершения самоубийства, то его предписывалось сначала вылечить, а затем повесить⁵.

Таким образом, преступление стало трактоваться не просто как формальное нарушение закона, а как причинение вреда государственным интересам, в служении которым состоит главная обязанность всех подданных. Об этом прямо говорится в Указе Петра I от 24 декабря 1714 года: «Все то, что вред и убыток государству приключити может, суть преступления»⁶.

Во главу угла при оценке преступного деяния было положено не что иное, как государственное благо, интересы ох-

раны которого позволяли считать преступными даже те действия, которые до их совершения не признавались законодательством таковыми, и карать их в соответствии с количеством причиненного «вреда и убытку государству»⁷. Иными словами, любое с современной точки зрения невинное действие могло стать тяжким преступлением, каравшимся смертной казнью, если, по мнению государя, оно наносило вред государству. То есть одинаково тяжким преступлениям, могло стать как лжесвидетельство или нарушение законов о рубке леса, так и казнокрадство или сон в карауле. Таким образом, основанием криминализации деяния выступал, с одной стороны, сам факт нарушения государева указа, «ослушание» ему, а с другой стороны, размер причиненного деянием вреда, определяемый исключительно по усмотрению государя. Значительным новшеством стала криминализация слова, поскольку предпологалось, что и в этом случае имеет место посягательство на государственную власть. Как отмечает Е.В. Анисимов, «...право петровской эпохи считает преступлением все слова подданных, которыми они ставят под сомнение любые намерения и действия верховной власти, что возможно только в условиях безграничного самовластия, ... достигнутого при Петре I пика своего могущества и суровым законом утверждавшего свою непогрешимость и неподсудность всему земному»⁸. Главным результатом такого подхода явилось, с одной стороны, расширение объема преступных деяний, с другой — соответственно, количественный рост преступников.

Указ от 25 августа 1713 года, касавшийся сбора податей и пресечения злоупотреблений при его проведении, провозглашая принцип «незнание закона не освобождает от ответственности» — «...дабы впредь неведением никто не отговаривался», объявляет искоренение «...всех преступников и повредителей

² Загоскин Н.П. Очерк истории смертной казни в России // Известия и ученые записки Казанского университета. 1892. № 1.

³ ПСЗ. Т. V. № 3149. 3057.

⁴ Артикул воинский (Гл. 19. Артикул 164) // Законодательство Петра I. С. 783.

⁵ Там же. С. 784.

⁶ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1915. С. 361.

⁷ ПСЗ. Т. VI. № 3234.

⁸ Цит. по: Бабкова Г.А. Политика Екатерины II в области уголовного права : дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 49.

интересов Государственных» одной из основных целей государственной политики⁹. Следствием этого явилось господство смертной казни, как наказания, с данных позиций наиболее эффективно — дешевого, быстрого, легкого в исполнении и максимально соответствующего цели устрашения, подтверждением чему служит указ от 12 ноября 1711 года, предписывающий преступников «вешать в тех же местах, где будут пойманы и воровали и станы держали»¹⁰.

Но масштабы преступности были так велики, что даже в петровских указах признавалось бессилие властей. Так, в 1711 году в Тверском уезде был приостановлен сбор налогов и рекрутский набор в связи с тем, что там «...ходят воры и разбойники великим собранием»¹¹. Такое положение вещей заставило государство задуматься над необходимостью создания специального органа для борьбы с преступностью, которым и стала полиция, основной задачей которой стало выявление и задержание преступников «...для прекращения насилия, грабежа, воровства и разбоев»¹². В дальнейшем борьба с преступностью принимала все более беспощадный и жестокий характер. Публичные казни стали обычным явлением, однако общество было до такой степени деморализовано, что вся мощь устрашительной системы уголовных наказаний уже не могла кардинально повлиять на существующий уровень преступности.

Идеологической базой дальнейших преобразований в сфере уголовной политики становятся идеи западноевропейского Просвещения, посредством которых в модель уголовной политики вводятся новые начала: рациональность, экономичность, секулярность, безличность, формальное равенство. С этого момента она базируется уже не на канонических постулатах о добре и зле, а на идеологических ценностях победившей буржуазии. Как нам представляется, та-

кие внешне привлекательные принципы новой политики, как «либерализация» и «гуманизация» уголовного закона и, соответственно, наказания, являлись ее не главными, а, скорее, побочными продуктами.

Проникновение в Россию этих буржуазных идей, положенных в основу континентально-правовой системы, складывавшейся в тот период в Европе, стало возможным с воцарением Екатерины II, сторонницы идеи «просвещенного абсолютизма».

В основу ключевых положений преобразования уголовно-правовой системы закладываются либеральные идеи западноевропейской философии, представленные, в частности, в произведениях Ш. Монтескье «О духе законов» и Ч. Беккариа «О разуме», «О человеке», при этом императрица не разделяла мнения о «...механическом перенесении на русскую почву теорий и идей западного происхождения»¹³.

Основные положения новой политики в сфере борьбы с преступностью были предложены в «Наказе Комиссии о сочинении проекта нового Уложения», а впоследствии раскрыты в проектах таких законов, как «Об оскорблении величества», «Порядке исследования и суда уголовного дела», «Уголовное уложение», закона «О тюрьмах», а также «Учреждения для управления губерний», «Указ о трех родах воровства», «Устав благочиния».

На основе этих документов можно констатировать, что в них находит отражение мысль законодателя о недопущении наказаний, жестокость которых превышает меру не только причиненного вреда, но и цели — не кары, как таковой (допускаемой лишь при совершении особенно тяжких преступлений), и не устрашения, а предупреждения совершения преступлений и исправления преступника, поскольку именно такой подход способен обеспечить стабильный, нерушимый порядок, гарантируемый законом.

⁹ ПСЗ. Т. V. № 2707.

¹⁰ ПСЗ. Т. IV. № 2315.

¹¹ ПСЗ. Т. III. № 2390.

¹² ПСЗ. Т. V. № 3294.

¹³ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. С. 335, 336, 340.

Принципиально новым стал подход к содержанию понятия преступления, которое теперь предполагает реально наступивший вред и виновность преступника. Уже Наказ Уложенной комиссии определяет преступление в качестве деяния, причиняющего вред не только отдельным лицам, но и обществу в целом и именно поэтому запрещенное законом. Вследствие таких изменений происходит декриминализация слова, голого умысла и дифференциация санкций в зависимости от реализации последнего, что, в свою очередь, значительно сужало круг уголовно наказуемых деяний.

Следующей вехой на пути реформирования уголовной политики становится провозглашение принципа презумпции невиновности, ограничивается сфера применения пыток, более гуманным становится отношение к несовершеннолетним преступникам.

В противодействии общеуголовной преступности обозначился рациональный подход, в соответствии с которым основное внимание карательной политики государства направлялось не столько на самих преступников, сколько на устранение условий преступной деятельности. Так, например, в Указе императрицы «злодеями... вреднее самих злейших разбойников» назывались «становщики и пристанодержатели», которые давали разбойникам «прибежище», препятствуя их искоренению. В силу этого власть считала борьбу с ними своей первостепенной задачей. Поэтому, во-первых, за донос на становщика или пристанодержателя устанавливалась награда в размере 50 рублей в отличие от «разбойничьих атаманов» и просто «разбойников», за которых полагалось 30 и 10 рублей соответственно. Во-вторых, освобождались от наказания разбойники и воры, если они не совершали убийств и поджогов. А в-третьих, для не виновных в вышеназванных преступлениях хранителей и скупщиков краденого указ объявлял прощение «во всех учиненных ими до публикации сего указа злодействах»¹⁴.

¹⁴ ПСЗ. Т. XVI. № 11750.

Как отмечает Т.Ю. Амплеева¹⁵, система наказаний, сформулированная Петром I, в эпоху Екатерины II изменилась незначительно, однако подход к наказаниям поменялся практически полностью, о чем можно судить по обозначенным в Наказе целям наказания, таким как «охранение общества от преступлений» (ст. 144–147), перевоспитание правонарушителей (ст. 93), «возвращение заблудших умов на путь правый» и т.д. Исходя из этого, основными средствами на пути противостояния преступности предполагались не карательные, а предупредительные меры. Обосновывалась необходимость обеспечения неотвратимости наказания в противовес усилению его репрессивности, поскольку, как показал недавний опыт, даже смертная казнь в конечном итоге получила характер заурядной, никого не устрашающей кары: «Самое надежное обуздание от преступлений есть не строгость наказаний, но, когда люди подлинно знают, что преступающий законы непременно будет наказан»¹⁶.

Следствием таких убеждений стало ограничение применения смертной казни посредством замены ее каторжными работами и вечным поселением в Сибирь. Екатерина считала, что «...смерть злодея слабее может воздержат беззакония, нежели долговременный и непрерывно пребывающий пример человека, лишенного своей свободы для того, чтобы наградить работою своею, чрезо всю его жизнь продолжающуюся, вред, им сделанный обществу». «При спокойном царствовании законов... в том не может быть никакой нужды, чтобы отнимать жизнь у граждан»¹⁷. Предполагалось, что смертная казнь допустима лишь «во время безначалия», в качестве самозащиты государства и в качестве исключения за отдельные общеуголовные преступления, в связи с чем она была заменена тюрьмой и ссылкой.

¹⁵ Амплеева Т.Ю. История уголовного судопроизводства России (IX–XIX вв) : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009. С. 315.

¹⁶ Наказ. Ст. 222. С. 78.

¹⁷ Там же. С. 73, 74.

Не приветствовались и иные физические наказания: «Все наказания, которыми тело человеческое уродовать можно, должно отменить». Конечно, полностью отказаться от этого вида наказания так и не удалось, однако применение его было сведено до минимума¹⁸.

Примечательно, что Екатерина II впервые в Российской истории применила комплексный подход в борьбе с преступностью. Так, в противодействии коррупции она не ограничивалась лишь уголовными репрессиями (взяточникам грозила смертная казнь), предлагая «...наполнить судебные места достойными в знании и честными людьми» и назначить им «...к безбедному пропитанию по мере каждого довольнаго жалованья»¹⁹. На практике угрозы суровой расправой в большинстве случаев угрозой и оставались, смертных приговоров взяточникам не выносилось по причине существенного смягчения карательной политики.

В целом Екатерининская эпоха в истории России стала поворотным камнем на пути формирования уголовной политики российского государства: от устрашения к исправлению.

Рассматривая Россию первой половины XIX века, мы находим состояние ее общеуголовной преступности вполне благополучным, о чем свидетельствуют статистические данные, первый опыт составления которых совпадает с началом царствования Александра I. Как отмечает А.В. Наумов, «история не донесла до нас и особенно ярких уголовных дел о коррупции высших должностных лиц государства. Разумеется, что взяточничество и мздоимство при Александре никуда не делись, однако масштабы его уже были не те, что, например, при Петре I и Екатерине II»²⁰. Все это свидетельствовало о прочности правопорядка и силе власти, способной его поддерживать. Однако О. Горегляд все же указывал на ряд существенных недостатков в

уголовной политике этого периода. Как следует из его сочинений, это в первую очередь бессистемность уголовного законодательства (отсутствие строгой его организации и согласованности), которая приводит, с одной стороны, к излишней пенализации и необоснованной криминализации, а с другой — к судебному произволу и правовому нигилизму²¹. Действительно, общая кодификация не проводилась в государстве со времени издания Соборного уложения 1649 года²², которое оставалось основным действующим источником права на протяжении практически 150 лет. Как отмечает первый исследователь этого документа В. Строев, «...все отечественное законодательство с 1649 по 1833 год есть не что иное, как распространение и дополнение Уложения сообразное с требованиями века»²³. Что же касается уголовного права, то определенные черты преемственности можно проследить вплоть до Уголовного уложения 1845 года. Такое положение вещей свидетельствует об отсутствии у законодателя нужды в модернизации. На первом месте стоит стремление укрепить уже шатавшиеся основания феодально-крепостнического строя, отдельными попытками сглаживая проявления начинающегося кризиса.

В начале XIX века основную внутреннюю угрозу государственным интересам представляла не уголовная преступность, устойчиво самодержавия шатались под воздействием либерально-буржуазных идей, получивших распространение в обществе. Восстание декабристов разрушило иллюзию власти о единстве и монолитности дворянского сословия, считавшегося главной опорой российского абсолютизма.

Соответственно, весь государственный репрессивный аппарат был нацелен в гораздо меньшей степени на борьбу с

¹⁸ Применялось лишь вырывание ноздрей при ссылке и каторге.

¹⁹ ПСЗ. Т. XVI. № 11988.

²⁰ Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 112.

²¹ Горегляд О. Опыт начертания Российского уголовного права. СПб., 1815. С. 168.

²² Соборное уложение // Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. М., 1985. В дальнейшем указание дается только на номер главы или статьи Соборного уложения.

²³ Строев В. Указ. соч. С. 106.

уже сложившимся преступным миром, нежели на устранение политических противников существующего строя. Анализ законодательства и практики его применения позволяет сделать вывод о том, что, делая акцент на проблемах противодействия политической преступности, власть фактически отказалась от назревшей потребности модернизации уголовной политики в соответствии с изменившимися условиями.

Кардинальные реформы второй половины XIX века, существенно изменившие социальную и экономическую структуры государства и общества, помимо социально-экономического подъема, спровоцировали распад традиционных общественных отношений и повлекли за собой количественный и качественный рост общеуголовной преступности.

Во времена крепостного права относительно низкая мобильность населения вкупе со строгим контролем общины за поведением своих членов объективно препятствовали распространению преступного образа жизни. Рост городов, разрушение многовекового уклада общинных отношений, развернувшаяся индустриализация привела к появлению новых маргинальных социальных слоев общества, что способствовало повышенной криминализации социума в целом. Б.Н. Миронов отмечает, что рабочие, большинство из которых являлись выходцами из крестьянской среды, были в 19 раз более криминогенными, чем крестьяне-земледельцы, проживавшие в общине²⁴. Нельзя сказать, что в собственно крестьянской среде преступность не росла вовсе, однако традиции патриархальной культуры все же являлись серьезным сдерживающим фактором на пути этого процесса.

М.Н. Гернет отмечал, что число краж и грабежей обгоняло темпы прироста населения в два раза²⁵. С.Я. Лебедев по этому поводу писал: «...предшествующие

периоды развития преступности, систематическое совершение преступлений ее представителями способствовали росту их квалификации. С ростом преступной квалификации появилась преступная специализация, а с ними возникло и новое качество преступности — криминальный профессионализм. В XIX столетие преступный мир вступил окрепшим, сплоченным, монолитным, имеющим силы и возможности противопоставить себя общественному порядку и закону. XIX век можно с уверенностью назвать эпохой расцвета преступного мира²⁶.

Поступательная криминализация российского общества характеризовалась не только повышением уровня преступности, но и, что являлось гораздо более опасным с криминологических позиций, закреплением устойчивой деформации массового общественного сознания. Катализатором этой тенденции выступали идеи либерализма, завладевшие умами российской интеллигенции. В контексте проводимых либеральных реформ той эпохи противоречия общественного сознания проявились еще более контрастно. В общественном сознании возникает, а со временем и утверждается наивно-романтическое восприятие преступности (особенно политической). Особенно заметно его влияние отразилось на деятельности судов присяжных, систематически выносивших оправдательные приговоры даже при абсолютной доказанности вины и ее признании подсудимыми. В судебных приговорах поражает удивительная «податливость» присяжных на доводы защиты, указывавшей «на виновность всего общества»²⁷.

Существенный рост общеуголовной преступности не получил вовремя должной оценки властей, следствием чего предпринятые меры противодействия оказались мало того непоследовательными, но и уже недостаточными и запоздалыми.

²⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2 т. СПб., 2001. Т. 2. С. 95.

²⁵ Гернет М.Н. Избранные сочинения. М., 1974. С. 43.

²⁶ Лебедев С.Я. Традиции, обычаи и преступность. М., 1995. С. 96.

²⁷ Голдинов В.Ю. Борьба с преступностью и обеспечение общественного порядка в Российской империи (1901–1904 гг.): дис. ... дис. канд. ист. наук. М., 2012. С. 153.

В конце XIX века, в период царствования «самого русского» царя Александра III, власть предпринимает попытку обратиться к традиционным ценностям. В соответствии с этим курсом во внутригосударственной политике получили распространение идеи, основанные на обновленной трактовке триады — православие, самодержавие, народность. Предпринимаются попытки преодолеть разрыв между властью и народом, сложившийся на протяжении веков, используя в качестве скреп элементы патриархальности. Но, к сожалению, данная мера запоздала.

Представляется, что в целом для данного периода характерно сочетание либеральных и репрессивных установок в довольно непоследовательной и противоречивой уголовной политике, к тому же серьезно отстающей от быстро изменяющихся обстоятельств. Такая ситуация на фоне борьбы с революционным движением, требующим все большего внимания со стороны власти, привела к ослаблению интенсивности и масштабности преобразований, осуществлявшихся в сфере борьбы с преступностью, которая тем временем претерпела серьезные изменения в своей структуре, стала более профессиональной и хорошо организованной. При этом несовершенный и «близорукий» уголовный закон не мог стать серьезным подспорьем в противодействии криминалу. Как отмечает Д.С. Рыжов, «...устаревшее законодательство зачастую содержало весьма архаичные нормы о преследовании шаек разбойников и грабителей с использованием по преимуществу метода облавы с привлечением местных жителей или войск, что было пригодно только в условиях сельской местности, но профессиональная преступность процветала прежде всего в городах»²⁸.

Следует отметить, что росту преступности и увеличению степени ее общественной опасности способствова-

ло также отсутствие должного силового сдерживания. В сложившейся ситуации требовались профессиональные органы, специализирующиеся на борьбе в большинстве своем с уже профессиональной преступностью. Полиция, созданная еще при Петре I, была малопригодна для этой цели. Помимо того, что она являлась универсальным органом, на который возлагались разнообразные, порой не свойственные ей функции (в силу чего она была перегружена), кадровый состав также оставлял желать лучшего. Полицейский аппарат формировался из армейских офицеров, унтер-офицеров, низших военных чинов, не годных к военной службе и не имеющих соответствующей профессиональной подготовки. Зачастую к службе по охране общественного порядка в качестве повинности привлекалось также местное население. При таком раскладе неудивительно, что деятельность этого правоохранительного органа была напряженной, но малоэффективной.

Российская полиция начала XX века объективно отражала состояние самого российского общества. Общая его деградация проявлялась в том числе и в деморализации основной опоры государства — чиновничества, армии, полиции, не способных выполнять свои функции.

Как следствие, 1917 год завершил историю российского самодержавия, не устоявшего под воздействием в первую очередь внутренних угроз, далеко не последнее место среди которых принадлежит криминализации общества.

Представляется, что в целом уголовная политика Российской империи характеризовалась попытками адаптации европейских уголовно-правовых идей к условиям России. Такая политика, не будучи увязанной с духовно-нравственной жизнью общества, существенно сужала социальную базу борьбы с преступностью и, осуществляемая при полном игнорировании особенностей российского правосознания, влекла отчуждение большинства населения страны от власти и рост правового нигилизма, ставшего частью российской ментальности.

²⁸ Рыжов Д.С. Борьба полиции России с профессиональной преступностью 1866–1917 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 184.

Литература

1. Амплеева Т.Ю. История уголовного судопроизводства России (IX–XIX вв.) : диссертация доктора юридических наук / Т.Ю. Амплеева. Москва, 2009. 457 с.
2. Артикул воинский. 26 апреля 1715 г. // Законодательство Петра I / ответственные редакторы А.А. Преображенский, Т.Е. Новицкая. Москва : Юридическая литература, 1997. 878 с.
3. Бабкова Г.А. Политика Екатерины II в области уголовного права : диссертация кандидата исторических наук / Г.А. Бабкова. Москва, 2006. 414 с.
4. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. 7-е изд. Петроград ; Киев : Н.Я. Оглоблин, 1915. 699 с.
5. Гернет М.Н. Избранные сочинения / М.Н. Гернет. Москва : Юридическая литература, 1974. 640 с.
6. Голдинов В.Ю. Борьба с преступностью и обеспечение общественного порядка в Российской империи (1901–1904 гг.) : диссертация кандидата исторических наук / В.Ю. Голдинов. Москва, 2012. 204 с.
7. Горегляд О. Опыт начертания Российского уголовного права / О. Горегляд. Санкт-Петербург : в тип. Иос. Иоаннесова, 1815. 167 с.
8. Жильцов С.В. Политические аспекты наказания в уголовной политике Петра I / С.В. Жильцов // Правоведение. 2002. № 1 (240). С. 206–240.
9. Загоскин Н.П. Очерк истории смертной казни в России / Н.П. Загоскин // Известия и ученые записки Казанского Университета. 1892. № 1. С. 1–102.
10. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. : опыт целостного анализа / А.Б. Каменский. Москва : РГГУ, 1999. 575 с.
11. Лебедев С.Я. Традиции, обычаи и преступность : теория, методология, опыт криминологического анализа / С.Я. Лебедев. Москва : Межрегиональный центр коммерческой безопасности, 1995. 165 с.
12. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) : генезис личности, демократии семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 томах. Т. 1 / Б.Н. Миронов. 2 изд., испр. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2000. 547 с.
13. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) : генезис личности, демократии семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 томах. Т. 2 / Б.Н. Миронов. 2 изд., испр. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2000. 565 с.
14. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / под редакцией [и с предисловием] Н.Д. Чечулина. Санкт-Петербург : Тип-я Императорской Академии Наук, 1907. 175 с.
15. Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России. В 2 частях. Ч. 1 / А.В. Наумов. Москва : Юрлитинформ, 2014. 750 с.
16. Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России. В 2 частях. Ч. 2 / А.В. Наумов. Москва : Юрлитинформ, 2014. 652 с.
17. Рыжов Д.С. Борьба полиции России с профессиональной преступностью 1866–1917 гг. : диссертация кандидата юридических наук / Д.С. Рыжов. Москва, 2000. 212 с.
18. Строев В. Историко-юридическое исследование уложения, изданного царем Алексеем Михайловичем в 1649 году / В. Строев. Санкт-Петербург : при Академии наук, 1833. 158 с.

References

1. Ampleeva T.Yu. Istoriya ugovnogo sudoproizvodstva Rossii (IX–XIX vv.) : dissertatsiya doktora yuridicheskikh nauk [History of Russian Criminal Proceedings (from the 9th to the 19th Century) : thesis of LL.D.] / T.Yu. Ampleeva. Moskva — Moscow, 2009. 457 s.
2. Artikel voinskiy. 26 aprelya 1715 g. // Zakonodatelstvo Petra I [The Military Code. April 26, 1715 // Laws of Peter I] / otvetstvenny`e redaktory` A.A. Preobrazhenskiy, T.E. Novitskaya. Moskva : Yuridicheskaya literatura — publishing editors A.A. Preobrazhenskiy, T.E. Novitskaya. Moscow : Legal Literature, 1997. 878 s.
3. Babkova G.A. Politika Ekateriny` II v oblasti ugovnogo prava : dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk [Criminal Law Policy of Catherine the Great : thesis of PhD in History] / G.A. Babkova. Moskva — Moscow, 2006. 414 s.
4. Vladimirskiy-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava [Review of Russian Law History] / M.F. Vladimirskiy-Budanov. 7-e izd. Petrograd ; Kiev : N.Ya. Ogloblin — 7th edition. Petrograd ; Kiev : N.Ya. Ogloblin, 1915. 699 s.

5. Gernet M.N. Izbranny`e sochineniya [Selected Works] / M.N. Gernet. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1974. 640 s.
6. Goldinov V.Yu. Borba s prestupnostyu i obespechenie obschestvennogo poryadka v Rossiyskoy imperii (1901–1904 gg.) : dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk [Crime Combating and Public Order Maintenance in the Russian Empire (1901–1904) : thesis of PhD in History] / V.Yu. Goldinov. Moskva — Moscow, 2012. 204 s.
7. Goreglyad O. Opy`t nachertaniya Rossiyskogo ugolovnogo prava [Experience of Drafting of Russian Criminal Law] / O. Goreglyad. Sankt-Peterburg : v tip. Ios. Ioannesova — Saint Petersburg : Ios. Ioannesov's printing office, 1815. 167 s.
8. Zhiltsov S.V. Politicheskie aspekty` nakazaniya v ugolovnoy politike Petra I [Political Aspects of Punishment in Criminal Policy of Peter I] / S.V. Zhiltsov // Pravovedenie — Legal Studies. 2002. № 1 (240). S. 206–240.
9. Zagoskin N.P. Ocherk istorii smertnoy kazni v Rossii [An Outline of History of Death Penalty in Russia] / N.P. Zagoskin // Izvestiya i ucheny`e zapiski Kazanskogo Universiteta — News and Scholarly Notes of the Kazan University. 1892. № 1. S. 1–102.
10. Kamenskiy A.B. Ot Petra I do Pavla I: reformy` v Rossii XVIII v. : opy`t tselostnogo analiza [From Peter I to Paul I: Reforms in Russia in the 18th Century : Holistic Analysis Experience] / A.B. Kamenskiy. Moskva : RGGU — Moscow : Russian State University for the Humanities, 1999. 575 s.
11. Lebedev S.Ya. Traditsii, oby`chai i prestupnost : teoriya, metodologiya, opy`t kriminologicheskogo analiza [Traditions, Customs and Crime : Theory, Methodology, Experience of Criminological Analysis] / S.Ya. Lebedev. Moskva : Mezhhregionalny`y tsentr kommercheskoy bezopasnosti — Moscow : Interregional Center for Commercial Security, 1995. 165 s.
12. Mironov B.N. Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.) : genezis lichnosti, demokratii semi, grazhdanskogo obschestva i pravovogo gosudarstva. V 2 tomakh. T. 1 [Social History of Russia of the Imperial Period (from the 18th to the Early 20th Century) : Genesis of an Individual, Family Democracy, Civil Society and Law-Governed State. In 2 volumes. Vol. 1] / B.N. Mironov. 2 izd., ispr. Sankt-Peterburg : Dmitriy Bulanin — 2nd edition, revised. Saint Petersburg : Dmitriy Bulanin, 2000. 547 s.
13. Mironov B.N. Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.) : genezis lichnosti, demokratii semi, grazhdanskogo obschestva i pravovogo gosudarstva. V 2 tomakh. T. 2 [Social History of Russia of the Imperial Period (from the 18th to the Early 20th Century) : Genesis of an Individual, Family Democracy, Civil Society and Law-Governed State. In 2 volumes. Vol. 2] / B.N. Mironov. 2 izd., ispr. Sankt-Peterburg : Dmitriy Bulanin — 2nd edition, revised. Saint Petersburg : Dmitriy Bulanin, 2000. 565 s.
14. Nakaz imperatritsy` Ekateriny` II, danny`y Komissii o sochinenii proekta novogo Ulozheniya [The Order on Making of a New Draft of the Code of Laws Given by Empress Catherine II to the Commission] / pod redaktsiyey [i s predisloviem] N.D. Chechulina. Sankt-Peterburg : Tip-ya Imperatorskoy Akademii Nauk — edited [and foreword] by N.D. Chechulin. Saint Petersburg : Printing office of the Imperial Academy of Sciences. 1907. 175 s.
15. Naumov A.V. Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii. V 2 chastyakh. Ch. 1 [Crime and Punishment in Russian History. In 2 parts. Part 1] / A.V. Naumov. Moskva : Yurlitinform — Moscow : Yurlitinform, 2014. 750 s.
16. Naumov A.V. Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii. V 2 chastyakh. Ch. 2 [Crime and Punishment in Russian History. In 2 parts. Part 2] / A.V. Naumov. Moskva : Yurlitinform — Moscow : Yurlitinform, 2014. 652 s.
17. Ryzhov D.S. Borba politzii Rossii s professionalnoy prestupnostyu 1866–1917 gg. : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Combating Professional Crime by Russian Police from 1866 to 1917 : thesis of PhD (Law)] / D.S. Ryzhov. Moskva — Moscow, 2000. 212 s.
18. Stroev V. Istoriko-yuridicheskoe issledovanie ulozheniya, izdannogo tsarem Alekseem Mikhaylovichem v 1649 godu [Historical and Legal Research of the Code Issued by Tsar Aleksey Mikhailovich in 1649] / V. Stroev. Sankt-Peterburg : pri Akademii nauk — Saint Petersburg : Printing office under the Academy of Sciences, 1833. 158 s.

Уважаемые авторы!

При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов, можно обращаться в редакцию по телефону: (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-12-59-69

Некоторые аспекты ресоциализации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, и условно-досрочного освобождения в дореволюционной России (на примере Забайкальской области)

*Малыгина Ольга Анатольевна,
старший научный сотрудник Института Внутренней Азии
Бурятского государственного университета,
кандидат исторических наук
titurov@inbox.ru*

*Мяханова Александра Николаевна,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Бурятского государственного университета, судья в отставке
alex27-m@mail.ru*

*Скиба Андрей Петрович,
начальник кафедры уголовно-исполнительного права
Академии ФСИН России,
доктор юридических наук, доцент
academy@apu.fsin.su*

В статье актуализируется проблема ресоциализации и предупреждения рецидивной преступности лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, в том числе ранее условно-досрочно освободившихся. Выявляется проблема отсутствия четких критериев применения условно-досрочного освобождения и его привязки к достижению целей уголовно-исполнительного законодательства. Раскрывается исторический опыт исполнения ряда наказаний, регулирования и применения условно-досрочного освобождения на примере Забайкальской области в конце XIX — начале XX века. Делается вывод, что исторический опыт применения условно-досрочного освобождения свидетельствует о том, что само по себе освобождение лица не гарантирует ни исправления осужденного, ни предупреждения совершения новых преступлений, ввиду чего очевидна необходимость не только четкого определения критериев досрочного освобождения осужденных, но и постепенитенциарного контроля за их поведением.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, предупреждение преступлений, ресоциализация лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы.

Some Aspects of Resocialization of Persons Having Served a Sentence in the Form of Imprisonment and Parole in Pre-Revolutionary Russia (on the Example of the Transbaikal Territory)

*Malygina Olga A.
Senior Research Scientist of the Institute of Innermost Asia of the Buryat State University
PhD (History)*

*Myakhanova Aleksandra N.
Assistant Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Buryat State University
Judge Emeritus*

*Skiba Andrey P.
Head of the Department of Criminal and Penal Law of the Academy of the FPS of Russia
LL.D., Associate Professor*

The article actualizes the problem of re-socialization and prevention of recidivism of persons who have served a sentence of imprisonment, including previously paroled. The problem of lack of clear criteria of ap-

plication of conditional early release and its binding to achievement of the purposes of the criminal Executive legislation is revealed. The author reveals the historical experience of execution of a number of punishments, regulation and application of parole on the example of the TRANS-Baikal region in the late XIX — early XX century. It is concluded that the historical experience of the use of parole suggests that the release of a person does not guarantee any correction of the convicted person, nor the prevention of new crimes, which is why there is an obvious need not only to clearly define the criteria for early release of convicts, but also post-penitentiary control over their behavior.

Keywords: parole, crime prevention, re-socialization of persons who have served a sentence of imprisonment.

Одной из задач российского уголовного и целей уголовно-исполнительного законодательства является предупреждение преступлений (ч. 1 ст. 2 УК РФ, ч. 1 ст. 1 УИК РФ). В связи с этим вызывает несомненный интерес факт высокого уровня рецидивной преступности в России.

В последнее время в целом увеличивалось число лиц, совершивших преступления повторно. Согласно данным Главного информационно-аналитического центра МВД РФ и Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной Прокуратуры РФ, их доля в общем числе совершивших преступления несколько снизилась в первой половине 1990-х годов (с 29% в 1990 году до 24% в 1994 году), но затем возросла до 41% в 1997–1998 годах. После небольшого снижения в 2003–2004 годах (до 33–34%) она вновь начала быстро расти, увеличившись до 68% в 2018 году. Фактически каждое второе расследованное преступление (58% в 2017–2018 годах) совершено лицами, ранее совершавшими преступления.

Более того, за январь-август 2019 года таких лиц уже 56,5%¹.

В Республике Бурятия в 2015 году, согласно Комплексному анализу оперативной обстановки на территории Бурятии за 2015 год, удельный вес рецидивной преступности составил 25,1% (2014 г. — 26,1%). За первое полугодие 2019 года удельный вес рецидивной преступности — 66,7%².

Поэтому одним из важных направлений уголовной политики является уменьшение уровня рецидива преступлений (в данном случае имеется в виду криминологический рецидив. — О.М., А.М., А.С.). Представляется, что для этого необходимо дальнейшее совершенствование уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, а также развитие системы помощи лицам, ранее отбывавшим наказание в виде лишения свободы.

Отечественное законодательство ориентировано на достижение цели исправления осужденных, закрепленной в ст. 9 УИК РФ. Вместе с тем некоторые исследователи склоняются к тому, что смысл изоляции осужденного в местах лишения свободы состоит не столько в каре, как в восстановлении социальных связей и мотивации к законопослушному поведению после освобождения. К примеру, Г.И. Шнайдер утверждает, что «в самом общем значении воспитательное (некарательное) воздействие служит возвращению правонарушителя в общество»³.

В то же время в настоящее время осужденные к лишению свободы обычно утрачивают навыки и стимулы к законопослушному поведению, становятся социально аморфными, у них вырабатывается потребительское отношение к жизни. Поэтому в процессе исправления необходимо добиваться повышения ценности и института условно-досрочного освобождения⁴.

³ Шнайдер Г.И. Криминология / пер. с нем. М., 1994. С. 408.

⁴ Антонян Е.А. Предупреждение рецидивной преступности при исполнении наказаний // Материалы международной научно-практической межведомственной конференции «Уголовно-исполнительная система на со-

¹ URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (официальный сайт Портала Правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ).

² URL: <https://03.мвд.рф> (официальный сайт МВД по Республике Бурятия).

В целях эффективной ресоциализации и возвращения к законопослушному образу жизни необходима разработка целевых программ ресоциализации бывших осужденных.

По мнению Ю.В. Хармаева, нельзя откладывать в долгосрочную перспективу вопрос с ресоциализацией лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Рецидив, в том числе возникающий по вине общества, не готового принять освобожденных лиц и дать возможность реализовать себя на свободе, будет сводить на нет усилия государства. В этом случае давно назрел вопрос о создании структуры, способной помочь бывшим осужденным вернуться к нормальной жизни⁵.

Высокий уровень рецидива — главная проблема и среди условно-досрочно освобожденных. Анализ статистических материалов показывает, что лица, судимые два и более раз, составляют более половины осужденных (2002 г. — 51%, 2012 г. — 55%, 2015 г. — 40,9%, 2016 г. — 53,7%, 2017 г. — 53,4%, 2018 г. — 54%)⁶.

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания является одним из наиболее применяемых видов освобождения от наказания. Между тем количество отбывающих наказание в местах лишения свободы сократилось примерно вдвое — с 1092 тыс. человек в 2000 году до 575 тыс. человек к 1 октября 2018 года,⁷ а за десятилетний период с

2007 по 2016 год было условно-досрочно освобождено 860 тыс. лиц⁸. При этом до 2009 года применение условно-досрочного освобождения было массовым, количество удовлетворяемых ходатайств об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в некоторых регионах достигало 90%⁹, и фактически отказы в таком освобождении нередко осуществлялись только при наличии у лица непогашенного или неснятого взыскания.

В то же время уровень криминологического рецидива (около 35%) среди условно-досрочно освобожденных практически сопоставим с теми, кто освобождается по отбытии срока наказания, согласно Постановлению Совета Федерации Федерального Собрания РФ № 33-СФ от 17 февраля 2010 года, ввиду чего сложно говорить о том, что достигаются цели исправления осужденных и предупреждения совершения ими новых преступлений. В этом случае наличие такого вида досрочного освобождения от наказания, как условно-досрочное освобождение, при отсутствии четких критериев применения и привязки к достижению целей уголовно-исполнительного законодательства (ст. 1 УИК РФ) вряд ли можно считать обоснованным.

Несмотря на объективные трудности прогнозирования преступного поведения, в криминологии и юридической психологии накоплен определенный опыт решения данной проблемы.

Теоретические подходы к прогнозированию рецидивизма и его профилактике стали активно разрабатываться в 70-е годы прошлого века. В методике прогнозирования преимущественно включались социально-демографические и криминологические данные о личности преступника. С конца 90-х годов начала формироваться пенитенциарная криминология, а в ее рамках — система оценки факторов риска рециди-

временном этапе: взаимодействие науки и практики» / под общ. ред. А.А. Вотинова. Самара : Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2016. С. 26–30.

⁵ Хармаев Ю.В. Региональные вопросы ресоциализации осужденных в современный период // Материалы международной научно-практической межведомственной конференции «Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики» / под общ. ред. А.А. Вотинова. Самара : Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2016. С. 675.

⁶ URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/>

⁷ Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний России. URL: fsin.su

⁸ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru>

⁹ Официальный сайт Управления Судебного департамента в Республике Бурятия. URL: <http://usd.bur.sudrf.ru>

визма при освобождении осужденных условно-досрочно¹⁰. Специалистами также отмечается необходимость учитывать психологические и педагогические факторы риска повторных преступлений и иных правонарушений.

По мере развития психологической службы ФСИН России от руководства исправительных учреждений и прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях стали поступать заявки на проведение психодиагностического обследования осужденных, обратившихся с ходатайством об условно-досрочном освобождении. Так, в 2004 году психологами обследованы около 50 тыс. осужденных с целью вынесения заключения о степени их исправления, в 2007 году — 116 тыс., в 2008 году — 106 тыс.¹¹

Высокий уровень рецидивной преступности послужил толчком к принятию Федерального закона от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Тем самым был восстановлен условный аналог института, существовавшего как в советский период, так и в царской России. Эффективность административного надзора апробирована исторически. В России до 1990-х годов существовала система предупреждения совершения преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Данная система включала и меры по ресоциализации ранее судимых лиц¹².

В предупреждении постпенитенциарных преступлений участвовали различные государственные органы, общественные организации, помогавшие решать освобождаемым лицам вопросы их бытового и трудового устройства. Большую роль в этой работе осуществляли трудовые коллективы и общественные формирования. Рост рецидивной преступности в обществе был достаточно сдерживаемым, и его уровень среди лиц, состоящих под административным надзором, колебался в пределах 10%¹³.

Результаты анализа судебной практики свидетельствуют, что 91,2% осужденных совершили повторное преступление в течение трех лет после освобождения от отбывания наказания, в том числе условно-досрочно освобожденные (27,2%). В связи с этим, наряду с вопросами законодательного регулирования и рационального применения условно-досрочного освобождения, возникает проблема социальной адаптации лиц, освобожденных от отбывания наказания¹⁴.

Вместе с тем с целью предупреждения правонарушений первостепенное внимание по-прежнему в некоторых регионах продолжает уделяться профилактической работе с лицами, стоящими на различных видах контроля.

К примеру, согласно отчету МВД по Республике Бурятия на 1 января 2016 года на учете по Бурятии состояло 5161 человек, в том числе 1099 алкоголиков, 434 наркомана и 936 «семейных дебоширов», 4611 лиц, осужденных к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, под надзором состояло 1392 лица, в том числе 83 лица, ранее судимых за преступления, посягающие на половую неприкосновенность несовершеннолетних. Под действие административно-

¹⁰ Пенитенциарная криминология : учебник / под ред. Ю.М. Антоняна, А.Я. Гришко. Рязань, Академия ФСИН России, 2009. 567 с.

¹¹ Методические рекомендации по проведению психодиагностического обследования осужденных (находящихся в карантине исправительного учреждения, представляемых к переводу в колонию-поселение, обратившихся в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении) / руководитель авторского коллектива М.Г. Дебольский. М. : ФСИН России, 2008. 93 с.

¹² Перец В.И. Правовые и организационные проблемы осуществления милицией гласного административного надзора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. С. 5.

¹³ Векленко В.В., Бекетов О.И. Административный надзор милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: аргументы в пользу восстановления // Полицейское право. 2006. № 1. С. 40.

¹⁴ Возжанникова И.Г. Рецидив преступлений в уголовном праве России: понятие, виды, значение : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 182.

го надзора подпадало 768 ранее судимых лиц.

За уклонение от административно-го надзора к уголовной ответственности по ст. 314.1 УК РФ «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений» было привлечено 123 поднадзорных.

За нарушения ограничений, установленных судами, по ст. 19.24 КоАП РФ «Несоблюдение административных ограничений и невыполнение обязанностей, устанавливаемых при административном надзоре» составлено 4278 протоколов, что на 99,2% больше, чем в 2014 году.

Для профилактики правонарушающего поведения и ориентации на законопослушный образ жизни участковыми уполномоченными полиции осуществляются проверки вышеуказанных лиц, в том числе и в ночное время, проводятся профилактические беседы. Кроме того, в отношении вышеуказанных лиц организовано проведение оперативно-профилактических мероприятий и операций, направленных на улучшение состояния правопорядка, борьбу с преступностью, усиление общественной безопасности.

Помимо прочего, МВД России по Республике Бурятия совместно с УФСИН России по Республике Бурятия проводятся оперативно-профилактические мероприятия «Надзор» и «День профилактики». Так, за 2015 год при их проведении собрано и направлено в районные суды 53 заявления об установлении административного надзора, задокументировано 456 административных правонарушений, предусмотренных ст. 19.24 КоАП РФ, а по факту уклонения от административного надзора возбуждено 10 уголовных дел, предусмотренных ст. 314.1 УК РФ.

Ежеквартально также на территории республики проводится мероприятие «День поднадзорного». В день проведения этого мероприятия осуществляется сбор поднадзорных и ранее судимых лиц, с которыми представители религи-

озных конфессий, сотрудники центров занятости и социальной защиты населения, здравоохранения, органов местного самоуправления, прокуратуры и миграционных органов проводят профилактические беседы, им разъясняются обязанности и ответственность за их несоблюдение, оказывают помощь в трудоустройстве, в восстановлении документов и т.п.

Для повышения эффективности профилактики постпенитенциарной преступности особую значимость приобретает исторический опыт регулирования и применения условно-досрочного освобождения от наказания.

Теоретически институт условно-досрочного освобождения в России, по всей видимости, берет свое начало где-то с XIX века, в период обсуждения развития прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний, попыток классификации правонарушителей и т.п.

Однако уже во второй половине XIX века остро встал вопрос о необходимости реформирования системы исполнения наказаний и самих пенитенциарных учреждений¹⁵. В результате в 1909 году был принят Закон об условно-досрочном освобождении¹⁶. В ст. 15, 20 этого Закона говорится о возможности постпенитенциарного контроля за поведением освобожденного. Таким образом, законодатель уже тогда стремился к тому, чтобы ориентироваться на исправление осужденных и предупреждение совершения ими повторных преступлений.

Рассмотрим ряд вышеобозначенных вопросов на примере Забайкальской области.

Началу процесса административных преобразований, которым система исполнения наказания в Забайкалье подверглась в середине XIX в., послужи-

¹⁵ Кальмина Л.В., Малыгина О.А. «Блюститель неприкосновенности»: институт военного губернатора Забайкальской области / науч. ред. К. Б.-М. Митупов. Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2016.

¹⁶ Александровский Ю.В. Закон об условном досрочном освобождении. СПб. : издание библиотеки «Новое законодательство», 1910. С. 30.

ло образование в 1851 году областного управления и появление новой административной и военной должности — военного губернатора, в руках которого сосредоточилась вся управленческая власть. Это потребовало включения надзора за каторжниками в обязанности военного губернатора и, следовательно, законодательного пересмотра всей организации исполнения наказаний в регионе.

Должность военного губернатора Забайкальской области просуществовала с 1851 до апреля 1917 год. На протяжении всего этого периода предметом постоянного внимания забайкальской администрации была участь осужденных и их семей. Так, будучи первым лицом в области, военный губернатор являлся вице-председателем Забайкальского областного попечительного о тюрьмах комитета, а жены губернаторов традиционно возглавляли дамские попечительные о тюрьмах отделения¹⁷.

Такая деятельность забайкальской администрации была не случайна, они прекрасно осознавали участь семей, следовавших за заключенным в Забайкалье. Чиновник по особым поручениям при Приамурском генерал-губернаторе А.П. Корфе А. Кейзерлинг в своих воспоминаниях писал: «Самое тягостное впечатление произвели на меня <...> безвинные женщины и дети. Государство, конечно, разрешало им следовать за мужьями и обеспечивало в пути, но, добравшись до места назначения, они тотчас лишались всякой опеки. Арестант попадал в тюрьму, <...> семья же его была брошена на произвол голода и порока»¹⁸.

Его впечатления совпадали с мнением губернаторов относительно судеб семей ссыльных. В отчете за 1890 год военный губернатор Е.О. Мациевский писал: «Положение таких семейств было крайне печально; нередко единственный работник сидит в тюрьме, а жена и дети без куска хлеба и без всякой возможности что-либо заработать»¹⁹.

В отчетах практически всех военных губернаторов содержатся просьбы об открытии приютов для детей ссыльнокаторжных, больниц и богаделен для больных и дряхлых ссыльных. В 1873 году Н.П. Дитмару удается «для призрения, воспитания и обучения детей ссыльнокаторжных устроить в Каре на Нижнем промысле приют, состоящий в ведении управления нерчинскими ссыльнокаторжными. Учреждение это основано частным образом, с целью дать приют преимущественно сиротам и полусиротам родителей каторжного разряда... Платы за помещение и обучения в приюте никакой не взимается и все живущие в нем дети состоят на полном иждивении приюта; приходящих нет. Дети (мальчики и девочки) обучаются в приюте грамоте в объеме курса начальных народных училищ. Летом посильно занимаются огородничеством. Детей в приюте призревается от 25 до 50. Содержания каждого, включая администрацию, обходится около 100 рублей»²⁰.

Согласно «Временным правилам об устройстве тюремной части в ведомстве Министерства юстиции» от 26 декабря 1897 года № 42 Забайкальская область относилась к «местностям с упрощенным тюремным управлением». В 1911 году в ней была создана тюремная инспекция. В отличие от Иркутской губернии, где тюремный инспектор находился в прямом подчинении начальника Главного тюремного управления, в Забайкалье должность тюремного инспектора учреждалась при военном губернаторе За-

¹⁷ Памятная книжка Забайкальской области на 1871 г. Иркутск, 1871. С. 13; Памятная книжка Забайкальской области на 1891 г. Чита, 1891. С. 19–21; Памятная книжка Забайкальской области на 1892 г. Нерчинск, 1892. С. 23–25; Памятная книжка Забайкальской области на 1900 г. Чита, 1900. Ч. 1. С. 21–24; Памятная книжка Забайкальской области на 1898 г. Чита, 1898. Ч. 1. С. 21–24.

¹⁸ Кейзерлинг А. Воспоминание о русской службе. М., 2001. С. 30.

¹⁹ ГАЗК. Ф. 1 (о). Оп. 1. Д. 2942. Л. 18.

²⁰ Хорошкин М.П. Забайкалье. Краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области. Иркутск, 1891. С. 115.

байкальской области²¹. Должность была временной и учреждалась только на время постройки Амурской железной дороги, при строительстве которой впервые встречается упоминание о примерах досрочного освобождения осужденных с учетом прилежной работы. Так, военный губернатор Забайкальской области В.И. Косов пишет: «Спешность постройки побудила привлечь на это дело рабочую силу в лице арестантов, в особенности каторжных, которые по роду наказания обречены на тяжкий труд; ввиду же особо тяжелых условий работ для каторжных были представлены не только возможность заработать деньги, но и льготы в срок отбывания наказания»²². Эта практика будет использоваться на протяжении всего периода постройки.

Законодательное введение института условно-досрочного освобождения позволяло разгружать пенитенциарные учреждения. Так, в 1910 году условно-досрочно были освобождены 12353 осужденных, в 1911 году — 14040, 1912 году — 11544 осужденных²³.

Дальнейшее развитие института условно-досрочного освобождения связано с принятием в 1915 году Общей тюремной инструкции, где, в частности, указывалось, что «лишение свободы, препятствуя продолжению их преступной деятельности, преследует цель не только наказания, но и исправления, искоренения дурных наклонностей и привычек, а также подготовки к честной трудовой жизни на свободе». В этом акте определялись и задачи тюремного персонала, раскрывалось содержание работы по нравственному исправлению заключенных.

Но в крайней степени положение в Забайкалье обостряли вышедшие из тюрьмы ссыльнокаторжные, остававшиеся в области на правах ссыльнопоселенца, что не могло не вызвать недовольство местного населения, страдавшего от «наводнения» Сибири криминальным элементом.

По мнению Н.М. Ядринцева, сибирский край выполнял тюремную повинность по содержанию преступников за целое государство. Кроме постоянной угрозы рецидива преступности и распространения на сибирские села нравов уголовной среды, местное население страдало и материально: на него ложилась вся повинность за ссыльных²⁴.

В 1889 году военный губернатор М.П. Хорошкин в своем отчете писал: «Оторванный от прежней обстановки, достаточно испортившийся и нравственно и физически, во время продолжительного пребывания на этапах, в пути и в тюрьмах, почти с одними голыми руками является поселенец в место, назначенного ему для пребывания и оседлости. Здесь он должен своими трудами завести все домоводство до последней доски, от общества должен получить землю в надел и вести трудовую жизнь. Большинство предпочитают идти на заработок, да и общество охотно его увольняет. Постепенно накопилось в области ссыльнопоселенческое население, выросло в десятки тысяч и стало в большинстве язвою, разъедающей край, неизлечимую болезнью, истощающей население, которому в конце концов приходится кормить всех тех, кто или не хочет сам работать, или не может по болезни или дряхлости»²⁵.

Военный губернатор В.И. Косов в отчете за 1910 год поддержал своего предшественника: «Вопрос о положении ссыльнопоселенцев в Забайкалье обостряется с каждым годом, так как в настоящее время для водворения их осталось только три волости, остальные

²¹ История пенитенциарной системы в Бурятии (XVIII — начало XXI вв.) / под общ. ред. С.П. Суша. Улан-Удэ, 2006. С. 65.

²² Всеподданнейший отчет о состоянии Забайкальской области за 1910 г. // НСБ РГИА КПЗ. № 21. С. 7-8.

²³ Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. : историко-правовой анализ тенденций развития. СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. С. 288.

²⁴ Ядринцев Н.М. Сибирь, как колония: К юбилею трехсотлетия: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882. Т. XII. С. 215–216.

²⁵ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1(о). Д. 2811. Л. 46–46 об.

освобождены от водворения, согласно закона о землеустройстве, поселенцев же прибывает с каторги ежегодно от 600 до 700 чел. Большая часть из этого числа, не будучи совершенно пригодна к сельскохозяйственному труду и не находя на местах водворения заработков, естественно стремится уйти оттуда <...> население само радо избавиться от этого элемента и не препятствует уходу поселенцев. Результат этого — постоянное пополнение кадров преступников в городах и больших селениях и не прекращающееся увеличение числа преступлений»²⁶.

По мнению военного губернатора В.И. Макова, каторга в Забайкальской области нужна была в то время, когда область имела столь редкое население, что для разработки горных богатств нельзя было найти вольных рабочих на месте, а доставка их из внутренней России, за отсутствием удобных путей сообщения, была слишком затруднительна и дорога. Однако к началу XX века, подчеркивает военный губернатор, условия эти изменились, и каторга стала опасной для региона. Существование ее в Забайкальской области, в приграничном с Китаем Нерчинско-Заводском районе, «представляется опасным анахронизмом», доказывает В.И. Марков, потому что «наш восточный сосед уже не тот, каким он был сравнительно недавно». Наличие каторжной колонии рядом с китайскими владениями, считал губернатор, неудобное уже в мирное время, создаст в случае военных осложнений весьма серьезную опасность, ведь в тылу и на флангах российской армии окажется до 3,5 тыс. преступников, которых при обстоятельствах военного времени невозможно будет эвакуировать и которым при этом нетрудно будет вырваться на свободу. И если во внутренних губерниях, по мнению военного губернатора, время для ожидания законодательного решения вопросов каторги и ссылки еще есть, то того же нельзя сказать в «отношении пограничной области, какой является Забайкальская. Никому не

²⁶ Всеподданнейший отчет военного губернатора Забайкальской области за 1910 г. // НСБ РГИА КПЗ. № 21. С. 2.

известно, когда прочность нашего положения в этой области может подвергнуться тяжкому испытанию»²⁷.

На практике условно-досрочное освобождение могло быть представлено заключенным в том случае, если их положительное поведение во время заключения дает достаточные основания полагать, что по освобождении из заключения они будут вести добропорядочный образ жизни. Досрочно освобожденный передавался на весь оставшийся неотбытым срок лишения свободы под наблюдение и на попечение местного общества патроната или местного Комитета или Отделения Общества Попечительного о Тюрьмах.

Условность досрочного освобождения заключалась в возможности его отмены, «если досрочно освобожденный в течение срока условного освобождения совершит какое-либо преступное деяние, за которое будет осужден приговором суда, или будет установлено его порочное поведение, могущее угрожать личной или общественной безопасности или порядку (как-то: пьянство, распутство, туеядство, праздношатание, общение с порочными людьми и т.п.)». При возвращении досрочно освобожденного в место заключения, время, проведенное им на свободе, в срок наказания не засчитывалось²⁸.

Таким образом, суровые условия в местах отбывания наказания, их переполненность, отсутствие разделения и классификации преступников и т.п. отчасти и привели к введению в России института условно-досрочного освобождения. Его применение на практике способствовало решению вопроса об экономии государственных средств на содержание мест лишения свободы, позволяло разгрузить пенитенциарные учреждения, которые превращались в места распространения традиций криминальной субкультуры и способство-

²⁷ Всеподданнейший отчет Военного губернатора Забайкальской области за 1908 г. // НСБ РГИА. КПЗ. № 34. С. 11.

²⁸ Всеподданнейший отчет о состоянии Забайкальской области за 1910 г. // НСБ РГИА КПЗ. № 21. С. 2.

вали росту рецидивной преступности. Кроме того, при обсуждении возможной реанимации ссылки как вида уголовного наказания²⁹ следует учитывать недостатки ее применения в дореволюционный период: отсутствие работы у таких осужденных, возложение на население обязанности по их содержанию и т.д.

В итоге исторический опыт применения условно-досрочного освобождения свидетельствует о том, что само по себе освобождение лица не гарантирует ни исправления осужденного, ни предупреждения совершения новых преступ-

лений. Ввиду этого очевидна необходимость не только четкого определения критериев досрочного освобождения осужденных, но и постпенитенциарного контроля за их поведением.

В связи с изложенным представляется, что ресоциализация осужденных — одна из важнейших проблем уголовной и уголовно-исполнительной политики России на современном этапе. Условно-досрочное освобождение может выступать важной предпосылкой успешной ресоциализации лиц, освобожденных от отбывания лишения свободы, а меры контроля за их поведением призваны способствовать предупреждению совершения ими новых преступлений. В этом случае грамотное применение института условно-досрочного освобождения осужденных с целью их эффективной ресоциализации будет способствовать снижению уровня постпенитенциарной преступности в нашей стране.

²⁹ Aleksandr A. Krymov, Alexey V. Rodionov, Andrey P. Skiba. Exile on penal servitude in the Russian Empire in the XIX century: some aspects of applying // *Codrul Cosminului*. 2017. No 1. P. 151–164; Скиба А.П., Родионов А.В. О реанимации ссылки как уголовного наказания: правовые и экономические аспекты // *Уголовно-исполнительное право*. 2016. № 4. С. 17–21.

Литература

1. Александровский Ю.В. Закон об условном досрочном освобождении, высочайше утвержденный 22 июня 1909 г., одобренный Государственным советом и Государственной думой: Законодательные мотивы и постатейные объяснения / Ю.В. Александровский. Санкт-Петербург: Новое законодательство, 1909. 208 с.
2. Антонян Е.А. Предупреждение рецидивной преступности при исполнении наказаний // *Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: материалы Международной научно-практической межведомственной конференции (г. Самара, 16–17 июня 2016 г.)*: сборник научных статей / под общей редакцией А.А. Вотинова. Самара: Самарский юридический ин-т ФСИИ, 2016. С. 26.
3. Векленко В.В. Административный надзор милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: аргументы в пользу восстановления / В.В. Векленко, О.И. Бекетов // *Полицейское право*. 2006. № 1 (5). С. 38–42.
4. Возжанникова И.Г. Рецидив преступлений в уголовном праве России: понятие, виды, значение: диссертация кандидата юридических наук / И.Г. Возжанникова. Москва, 2017. 198 с.
5. История пенитенциарной системы в Бурятии (XVIII — начало XXI вв.) / под общей редакцией С.П. Суша; составитель Л.В. Курас [и др.]. Улан-Удэ: Нова Принт, 2006. 160 с.
6. Кальмина Л.В. «Благодетель неприкосновенности»: институт военного губернатора Забайкальской области / Л.В. Кальмина, О.А. Малыгина; научная редакция К. Б.-М. Митупов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2016. 183 с.
7. Кейзерлинг А. Воспоминание о русской службе / А. Кейзерлинг; перевод с немецкого Н. Федоровой. Москва: Академкнига, 2001. 446 с.
8. Методические рекомендации по проведению психодиагностического обследования осужденных (находящихся в карантине исправительного учреждения, представляемых к переводу в колонию-поселение, обратившихся в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении) / руководитель авторского коллектива М.Г. Дебольский. Москва: ФСИН России, 2008. 93 с.
9. Пенитенциарная криминология: учебник / под редакцией Ю.М. Антоняна, А.Я. Гришко. Рязань: Академия ФСИН России, 2009. 567 с.
10. Перец В.И. Правовые и организационные проблемы осуществления милицией гласного административного надзора: автореферат диссертации кандидата юридических наук / В.И. Перец. Москва, 1980. 25 с.

11. Скиба А.П. О реанимации ссылки как уголовного наказания: правовые и экономические аспекты / А.П. Скиба, А.В. Родионов // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 4. С. 17–21.
12. Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. : историко-правовой анализ тенденций развития / И.В. Упоров. Санкт-Петербург : Юридический Центр Пресс, 2004. 608 с.
13. Хармаев Ю.В. Региональные вопросы ресоциализации осужденных в современный период / Ю.В. Хармаев // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики : материалы Международной научно-практической межведомственной конференции (г. Самара, 16–17 июня 2016 г.) : сборник научных статей / под общей редакцией А.А. Вотинова. Самара : Самарский юридический ин-т ФСИН, 2016. С. 675.
14. Хорошхин М.П. Забайкалье : краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области / М.П. Хорошхин. Иркутск : Забайкальский обл. стат. ком., 1891. 155 с.
15. Шнайдер Г.И. Криминология / Г.И. Шнайдер ; перевод с немецкого Ю.А. Неподаева ; под редакцией и с предисловием Л.О. Иванова. Москва : Прогресс : Универс, 1994. 501 с.
16. Ядринцев Н.М. Сибирь, как колония: К юбилею трехсотлетия: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее / Н.М. Ядринцев. Санкт-Петербург : тип. М.М. Стасюлевича, 1882. 471 с.
17. Krymov A.A. Exile on penal servitude in the Russian Empire in the XIX century: some aspects of applying / A.A. Krymov, A.V. Rodionov, A.P. Skiba // Codrul Cosminului. 2017. Vol. 1. P. 151–164.

References

1. Aleksandrovskiy Yu.V. Zakon ob uslovnom dosrochnom osvoboazhdenii, vy`sochayshe utverzhdenny`y 22 iyunya 1909 g., odobrenny`y Gosudarstvenny`m sovetom i Gosudarstvennom dumoy: Zakonodatelny`e motivy` i postateyny`e obyasneniya [The Law on Parole Passed on June 22, 1909, Approved by the State Council and the State Duma : Legislative Motives and Article-by-Article Explanations] / Yu.V. Aleksandrovskiy. Sankt-Peterburg : Novoe zakonodatelstvo — Saint Petersburg : New Legislation, 1909. 208 s.
2. Antonyan E.A. Preduprezhdenie retsidivnoy prestupnosti pri ispolnenii nakazaniy [Prevention of Recidivism in Fulfillment of Punishments] // Ugolovno-ispolnitelnaya sistema na sovremennom etape: vzaimodeystvie nauki i praktiki : materialy` Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy mezhvedomstvennoy konferentsii (g. Samara, 16–17 iyunya 2016 g.) : sbornik nauchny`kh statey / pod obschey redaktsiyey A.A. Votinova. Samara : Samarskiy yuridicheskiy in-t FSIN — Penal System on the Modern Stage: Cooperation between Science and Practice : proceedings of an international scientific and practical inter-departmental conference (Samara, June 16 to 17, 2016) : collection of scientific articles / under the general editorship of A.A. Votinov. Samara : SLI of the FPS of Russia, 2016. S. 26.
3. Veklenko V.V. Administrativny`y nadzor militsii za litsami, osvoboazhdenny`mi iz mest lisheniya svobody` : argumenty` v polzu vosstanovleniya [Administrative Supervision of Police over Persons Released from Detention Facilities: Arguments in Favor of Recovery] / V.V. Veklenko, O.I. Beketov // Politseyskoe pravo — Police Law. 2006. № 1 (5). S. 38–42.
4. Vozzhannikova I.G. Retshiv prestupleniy v ugolovnom prave Rossii: ponyatie, vidy`, znachenie : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Recidivism in Russian Criminal Law: Concept, Types, Meaning : thesis of PhD (Law)] / I.G. Vozzhannikova. Moskva — Moscow, 2017. 198 s.
5. Istoriya penitentsiarnoy sistemy` v Buryatii (XVIII — nachalo XXI vv.) [History of the Penitentiary System in Buryatia (from the 18th to the Early 21st Century)] / pod obschey redaktsiyey S.P. Susha ; sostavitel L.V. Kuras [i dr.]. Ulan-Ude : Nova Print — under the general editorship of S.P. Sush ; compiled by L.V. Kuras [et al.]. Ulan-Ude : Nova Print, 2006. 160 s.
6. Kalmina L.V. «Blyustitel neprikosnovennosti»: institut voennogo gubernatora Zabaykalskoy oblasti [The “Guardian of Immunity”: the Institute of the Military Governor of the Transbaikal Territory] / L.V. Kalmina, O.A. Malygina ; nauchnaya redaktsiya K.B.-M. Mitupov. Ulan-Ude : Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta — scientific editor K.B.-M. Mitupov. Ulan-Ude : Publishing house of the Buryat State University, 2016. 183 s.
7. Keyserling A. Vospominanie o russkoy sluzhbe [Recollection about the Service in Russia] / A. Keyserling ; perevod s nemetskogo N. Fedorovoy. Moskva : Akademkniga — translated from German by N. Fedorova. Moscow : Academic Book, 2001. 446 s.

8. Metodicheskie rekomendatsii po provedeniyu psikhodiagnosticheskogo obsledovaniya osuzhdennykh (nakhodyaschikhsya v karantine ispravitel'nogo uchrezhdeniya, predstavlyayemykh k perevodu v koloniyu-poselenie, obrativshikhsya v sud s khodataystvom ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii) [Methodological Recommendations for Carrying out a Psychodiagnostic Examination of Convicts (Placed in Quarantine of a Penitentiary Institution, Suggested for Transfer to a Penal Colony Settlement, Having Filed a Parole Application to Court)] / rukovoditel avtorskogo kollektiva M.G. Debolskiy. Moskva : FSIN Rossii — head of the group of authors M.G. Debolskiy. Moscow : FPS of Russia, 2008. 93 s.
9. Penitentsiarnaya kriminologiya : uchebnik [Penitentiary Criminology : textbook] / pod redaktsiei Yu.M. Antonyana, A.Ya. Grishko. Ryazan : Akademiya FSIN Rossii — edited by Yu.M. Antonyan, A.Ya. Grishko. Ryazan : Academy of the FPS of Russia, 2009. 567 s.
10. Perets V.I. Pravovy'e i organizatsionny'e problemy osuschestvleniya militsyeglasnogo administrativnogo nadzora : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [Legal and Organizational Issues of Carrying out Open Administrative Supervision by Police : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / V.I. Perets. Moskva — Moscow, 1980. 25 s.
11. Skiba A.P. O reanimatsii syy'li kak ugolovnogo nakazaniya: pravovy'e i ekonomicheskie aspekty [On Restoration of Exile as a Criminal Punishment: Legal and Economic Aspects] / A.P. Skiba, A.V. Rodionov // Ugolovno-ispolnitelnoe pravo — Penal Law. 2016. № 4. S. 17–21.
12. Uporov I.V. Penitentsiarnaya politika Rossii v XVIII–XX vv. : istoriko-pravovoy analiz tendentsiy razvitiya [Russian Penitentiary Policy from the 18th to the 20th Century: a Historical and Legal Analysis of Development Tendencies] / I.V. Uporov. Sankt-Peterburg : Yuridicheskii Tsentr Press — Saint Petersburg : Legal Center Press, 2004. 608 s.
13. Kharmaev Yu.V. Regionalny'e voprosy resotsializatsii osuzhdennykh v sovremenny'y period [Regional Issues of Resocialization of Convicts in the Modern Period] / Yu.V. Kharmaev // Ugolovno-ispolnitelnaya sistema na sovremennom etape: vzaimodeystvie nauki i praktiki : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy mezhdedomstvennoy konferentsii (g. Samara, 16–17 iyunya 2016 g.) : sbornik nauchnykh statey / pod obschey redaktsiei A.A. Votinova. Samara : Samarskiy yuridicheskii in-t FSIN — Penal System on the Modern Stage: Cooperation between Science and Practice : proceedings of an international scientific and practical inter-departmental conference (Samara, June 16 to 17, 2016) : collection of scientific articles / under the general editorship of A.A. Votinov. Samara : SLI of the FPS of Russia, 2016. S. 675.
14. Khoroshkhin M.P. Zabaykale : kratkiy istoricheskiy, geograficheskiy i statisticheskiy ocherk Zabaykalskoy oblasti [Transbaikalia : a Brief Historical, Geographic and Statistic Outline of the Transbaikalian Territory] / M.P. Khoroshkhin. Irkutsk : Zabaykalskiy obl. stat. kom. — Irkutsk : Transbaikalian Regional Statistic Committee, 1891. 155 s.
15. Schneider H.J. Kriminologiya [Criminology] / H.J. Schneider ; perevod s nemetskogo Yu.A. Nepodaeva ; pod redaktsiei i s predisloviem L.O. Ivanova. Moskva : Progress : Univers — translated from German by Yu.A. Nepodaev ; edited and foreword by L.O. Ivanov. Moscow : Progress : Universe, 1994. 501 s.
16. Yadrintsev N.M. Sibir, kak koloniya: K yubileyu trekhstoletiya: Sovremennoe polozhenie Sibiri. Ee nuzhdy i potrebnosti. Ee proshloe i budushee [Siberia as a Colony: On the Three Hundredth Anniversary: The Modern Position of Siberia. Its Needs and Demands. Its Past and Future] / N.M. Yadrintsev. Sankt-Peterburg : tip. M.M. Stasyulevicha — Saint Petersburg : M.M. Stasyulevich's printing office, 1882. 471 s.
17. Krymov A.A. Exile on Penal Servitude in the Russian Empire in the XIX Century: Some Aspects of Applying / A.A. Krymov, A.V. Rodionov, A.P. Skiba // Codrul Cosminului. 2017. Vol. 1. S. 151–164.

Уважаемые авторы!

Сообщаем о возможности присвоения DOI ранее опубликованным или планируемым к публикации статьям в наших журналах!

По всем вопросам, связанным с присвоением DOI вашим статьям, просим обращаться по адресу электронной почты: ig@lawinfo.ru, с пометкой «DOI для статьи».

Правовое регулирование применения оружия сотрудниками органов правопорядка в первой четверти XX века

*Токарева Светлана Николаевна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Курского государственного университета,
кандидат исторических наук, доцент
tokareva_sn@mail.ru*

Традиционно историки права обращают внимание на материально-техническое оснащение отечественной полиции и милиции в прошлом. Описываются виды оружия, полнота комплектации, источники пополнения и перевооружение. В данной статье раскрываются правовые основания владения и использования оружия сотрудниками органов правопорядка в первой четверти XX столетия. Автором сравниваются нормативные правовые акты, регламентировавшие порядок применения огнестрельного оружия дореволюционными полицейскими, милиционерами Временного правительства и советскими милиционерами («О правилах употребления полицейскими и жандармскими чинами в дело оружия» 1879 года, Инструкция об употреблении оружия полицейскими и жандармскими командами 1908 года, Инструкция об употреблении оружия служащими в милиции при исполнении служебных обязанностей 1917 года, Инструкция волостному милиционеру 1923 года). В этот небольшой по хронологии период при смене формы государственного устройства власти осознавали необходимость модернизации вооружения в полиции/милиции. Становление профессионального обучения и образования учитывало введение курсов по ознакомлению с теоретическими сведениями об устройстве оружия и практическими навыками его использования различными способами. Однако автором делается вывод, что в этих трех эпохах прослеживается схожее правовое регулирование и практически идентичный текст норм права по основаниям применения в первую очередь огнестрельного оружия.

***Ключевые слова:** полиция Российской империи, народная (гражданская) милиция Временного правительства, советская рабоче-крестьянская милиция.*

Legal Regulation of Weapon Application by Employees of Law Enforcement Authorities in the First Quarter of the 20th Century

*Tokareva Svetlana N.
Associate Professor of the Department of Theory and History
of State and Law of the Kursk State University
PhD (History), Associate Professor*

Traditionally, law historians pay attention to the material and technical equipment of the national police and police in the past. The types of weapons, completeness, sources of replenishment and re-equipment are described. This article reveals the legal basis for the possession and use of weapons by law enforcement officers in the first quarter of the twentieth century. The author compares the normative legal acts regulating the order of use of firearms by pre-revolutionary police officers, policemen of the Provisional government and Soviet police officers ("On the rules of use by police and gendarmerie officials in the case of weapons", 1879, Instruction on the use of weapons by police and gendarmerie teams of 1908, Instruction on the use of weapons by police officers in the performance of official duties of 1917, Instruction to the volost policeman of 1923). In this small chronological period, when the form of government changed, the authorities realized the need to upgrade weapons in the police/militia. The development of professional training and education accounted for the introduction of courses for familiarization with the theoretical information about the structure of the weapons and skills of its use in a variety of ways. However, the author concludes that in these three epochs there is a similar legal regulation and almost identical text of the law on the grounds of the use of firearms in the first place.

***Keywords:** police of the Russian Empire, people's (civil) militia of the Provisional government, Soviet workers 'and peasants' militia.*

Исследователи, занимающиеся вопросами функционирования полиции и милиции, традиционно обращают внимание и на их материально-техническое оснащение. Относительно вооружения описываются виды оружия, полнота комплектации, источники пополнения и перевооружение. Вопрос правового применения оружия полицейскими Российской империи рассматривался нами в диссертационной работе¹. Сравнение правовых оснований применения оружия дореволюционными полицейскими и военными с советскими милиционерами проводится в статье белорусских исследователей Д.Н. Понуждаева и О.Ч. Яковицкого². В работе В.Г. Тищенко хорошо описываются технические характеристики моделей огнестрельного оружия и их применение в армии, жандармерии, полиции и гражданскими лицами³. Меньше внимания уделяется правовым аспектам. А в статье В.М. Антропова указаны юридические основания применения оружия полицией и жандармерией в основном во второй половине XIX века⁴. Поэтому более детально обратимся к нормативному регулированию владения и применения оружия сотрудниками органов правопорядка в первой четверти XX столетия.

В начале XX века обмундирование и вооружение чинов полицейских управлений и уездной полицейской стражи осуществлялось на средства государ-

ственной казны, а полицейской команды — за счет городов, так как согласно высочайше утвержденному 14 апреля 1887 года мнению Государственного совета относительно содержания полицейских команд приобретение оружия для городских относилось на городские средства. Для этого, согласно постановлению думы, управой по соглашению с уездным исправником составлялось специальное расписание в соответствии с утвержденным штатом полицейских, которое направлялось для рассмотрения, согласования и утверждения губернатору⁵. Но муниципальные власти не спешили выделять деньги на эту статью расходов, и зачастую для улучшения внешнего вида полицейских требовалось вмешательство начальника губернии.

В соответствии с законом на средства казны урядники вооружались шашками и револьверами, а стражники только шашками, но с правом иметь собственные револьверы⁶. На вооружении городских полицейских команд также находилось холодное и огнестрельное оружие. К 1909 году законодательством было установлено, что за государственные средства стражники также снабжаются огнестрельным оружием в виде винтовок⁷, на каждую из которых отпускалось по 100 патронов. Причем Министерство внутренних дел определило порядок хранения боевых патронов: под личную ответственность на руках у стражника находилось шесть штук для четырехлинейных и одна пачка (5 шт.) для трехлинейных винтовок, у начальников отряда — под замком до 30 патронов на каждого, а остальные — у уездного исправника⁸.

Правовая регламентация применения оружия была заложена еще актом «О правилах употребления полицейскими и жандармскими чинами в дело ору-

¹ Главинская С.Н. Организация и деятельность полиции Черноземного центра России в 1901–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006. 297 с.

² Понуждаев Д.Н., Яковицкий О.Ч. Сравнительный анализ применения оружия царской полицией, армией Российской империи и советской рабоче-крестьянской милицией (1880–1930 гг.) // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 4. С. 107–109.

³ Тищенко В.Г. Полицейское оружие России конца XIX — начала XX веков // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 3 (6). С. 93–97.

⁴ Антропов В.М. Правовое регулирование применения оружия полицией и жандармерией Российской империи в конце XIX — начале XX вв. // Алтайский юридический вестник. 2016. № 13. С. 7–11.

⁵ Государственный архив Курской области (далее — ГАКО). Ф. 33. Оп. 2. Д. 12321. Л. 3–3 об., 9.

⁶ ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. XXIII. 1903. Отд. I. СПб., 1905. № 22906.

⁷ Свод законов об обязанностях полиции. СПб., 1909. Прилож. к ст. 634.

⁸ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 431. Л. 80–80 об.

жия» от 10 октября 1879 года. Тем не менее министром внутренних дел 23 апреля 1908 года была утверждена Инструкция об употреблении оружия полицейскими и жандармскими командами⁹. В случае восстановления порядка они могли применять револьверы и винтовки в соответствии с установленными правилами. Момент введения огнестрельного оружия в действие определялся присутствовавшим начальством, приказ об этом должен был отдаваться после использования всех средств усмирения неповиновавшихся. После трехкратного громкого предупреждения (сигнала на трубе или барабане) начиналось применение оружия для рассеяния толпы и при препятствовании продвижению команды. Несмотря на то что к этому прибегали в случае «неизбежной необходимости», в Инструкции отмечалось, что для предупреждения неповиновущейся толпы ни стрельба вверх, ни стрельба холостыми патронами не должны были допускаться. Прибегать к действию оружием без предупреждения дозволялось во время народных беспорядков или волнений в крайней необходимости, а именно: против толпы или арестантов, нападавших на команду или предпринимавших против нее враждебные действия; против производящихся в их присутствии насилий над личностью и имуществом; против лиц, оказывающих сопротивление аресту. Также предписывалось предпринимать меры к тому, чтобы не пострадали непричастные лица, а попечение о раненых возлагалось на полицию. О каждом подобном случае полицейские составляли протокол и представляли его губернатору или градоначальнику.

С конца XIX века полицейские и жандармские чины, действующие в составе команд, при исполнении своих служебных обязанностей могли применять оружие в следующих случаях:

1) для отражения вооруженного на них нападения;

2) для отражения нападения нескольких даже невооруженных лиц или одного лица, если не было другого средства защиты;

3) для обороны других людей при нападении, которое угрожало их жизни, здоровью или неприкосновенности;

4) при задержании преступника, оказывавшего сопротивление насильственными действиями, если невозможно преследовать или догнать убегающего;

5) при преследовании сбежавшего из тюрьмы или из-под стражи арестанта, если он оказывал сопротивление или невозможно его настичь¹⁰.

В каждом из этих случаев представители правопорядка обо всех обстоятельствах и последствиях применения оружия должны были докладывать ближайшему начальству. Предписывалось соблюдать «должную осторожность, строго сообразуясь в каждом отдельном случае с обстоятельствами, дабы без крайней необходимости не нанести вреда, в особенности же лицам посторонним». Как видим, не изменились данные основания и в начале XX столетия.

Огнестрельное оружие стражи порядка носили в черной кобуре, укрепленной на поясе, до войны 1914 г. — слева, а перед революцией — справа. Так как на исполнительные должности чаще всего назначались «отставные и уволенные в запас, известные своим хорошим поведением, нижние военные чины»¹¹, то они уже имели опыт владения оружием, но несмотря на это в командах проводилось систематическое обучение стрельбе.

После Февральской революции по постановлению Временного правительства об учреждении милиции от 17 апреля 1917 года служащие вооружались холодным оружием и револьверами¹². Однако в действительности на вооружении народной (гражданской) милиции, особенно уездной, заменившей полицейскую стражу, зачастую были винтов-

¹⁰ Свод законов об обязанностях полиции. Ст. 1 прилож. к ст. 688.

¹¹ Свод законов об обязанностях полиции. Ст. 673.

¹² Постановление Временного правительства об учреждении милиции; Временное положение о милиции; Постановление Временного правительства о собраниях и союзах. Петроград, 1917. С. 6.

⁹ СУ за 1908 г. СПб., 1908. № 86. Отд. I. Ст. 607.

ки различных образцов. Ситуация с вооружением была критической, так как оно попадало из правоохранительных структур и армии в руки гражданскому населению.

Порядок использования оружия служащими милиции при исполнении своих служебных обязанностей определялся особой инструкцией¹³, которая была утверждена товарищем министра внутренних дел князем С.Д. Урусовым 3 июня 1917 года («Инструкция об употреблении оружия служащими в милиции при исполнении служебных обязанностей»)¹⁴. Ее положения полностью идентичны временным правилам, принятым в начале XX века для полицейских и жандармских чинов.

Копии инструкции рассылались на места уездным комиссарам и начальникам милиции для надлежащего руководства и исполнения (по 10 экземпляров в каждый уезд). Однако дополнительные экземпляры могли быть высланы при условии оплаты их заготовительной стоимости¹⁵.

Власть Временного правительства достаточно быстро сменилась событиями октября 1917 года и следом 10 ноября (28 октября) 1917 года нормативно-правовое начало новой структуре было положено Постановлением НКВД РСФСР «О рабочей милиции»¹⁶. Однако более детальное регулирование было определено немного позже. Так, по инструк-

ции 1918 года все члены советской рабоче-крестьянской милиции также вооружались холодным оружием и револьверами, а местные Советы депутатов имели право заменить последние на винтовки¹⁷.

Принятая Инструкция волостному милиционеру 1923 года предусматривала случаи применения оружия. Ее текст был почти идентичен дореволюционному, за одним исключением — для прекращения насильственного посягательства на имущество, если прекратить это другими средствами было нельзя¹⁸. Милиционер мог использовать оружие после предупреждающего окрика. Обо всех случаях и обстоятельствах применения оружия подробно докладывалось в ежемесячных отчетах.

В этот небольшой по хронологии период при смене государственного устройства, формы правления, политического режима власти осознавали необходимость модернизации вооружения в полиции/милиции. Становление профессионального обучения и образования учитывало введение курсов по ознакомлению с теоретическими сведениями об устройстве оружия и практическими навыками его использования различными способами. Но в данных трех эпохах мы видим схожее правовое регулирование и практически идентичный текст норм права по основаниям применения в первую очередь огнестрельного оружия.

¹³ Временное положение о милиции. Ст. 30.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 61. Л. 145 ; Государственный архив Тамбовской области (далее — ГАТО). Ф. 1058. Оп. 1. Д. 14. Л. 28.

¹⁵ ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 14. Л. 29.

¹⁶ Собрание узаконений РСФСР. 2-е изд. 1917. № 1. Ст. 15.

¹⁷ Инструкция «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции» от 12 октября 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 75. Ст. 813. Ст. 12.

¹⁸ Инструкция волостному милиционеру (с постатейным к ней разъяснением) / сост. В.А. Померанцев, И.Л. Любимов ; под. ред. И.Ф. Киселева. М., 1927. С. 14.

Литература

1. Антропов В.М. Правовое регулирование применения оружия полицией и жандармерией Российской империи в конце XIX — начале XX вв. / В.М. Антропов // Алтайский юридический вестник. 2016. № 13. С. 7–11.
2. Главинская С.Н. Организация и деятельность полиции Черноземного центра России в 1901–1917 гг. : диссертация кандидата исторических наук / С.Н. Главинская. Курск, 2006. 297 с.
3. Инструкция волостному милиционеру. С постатейным к ней разъяснением / составитель В.А. Померанцев, И.Л. Любимов ; под редакцией И.Ф. Киселева. Москва : Изд-во НКВД РСФСР, 1927. 151 с.

4. Понуждаев Д.Н. Сравнительный анализ применения оружия царской полицией, армией Российской империи и советской рабоче-крестьянской милицией (1880–1930 гг.) / Д.Н. Понуждаев, О.Ч. Яковицкий // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 4. С. 107–109.
5. Тищенко В.Г. Полицейское оружие России конца XIX — начала XX веков / В.Г. Тищенко // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 3 (6). С. 93–97.

References

1. Antropov V.M. Pravovoe regulirovanie primeneniya oruzhiya politseysy i zhandarmeriy Rossiyskoy imperii v kontse XIX — nachale XX vv. [Legal Regulation of Weapon Application by Police and Gendarmerie of the Russian Empire in the Late 19th and the Early 20th Century] / V.M. Antropov // Altayskiy yuridicheskiy vestnik — Altai Legal Bulletin. 2016. № 13. S. 7–11.
2. Glavinskaya S.N. Organizatsiya i deyatelnost politzii Chernozemnogo tsentra Rossii v 1901–1917 gg. : dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk [Organization and Activities of Police in the Central Black Earth Region of Russia in 1901–1917 : thesis of PhD in History] / S.N. Glavinskaya. Kursk — Kursk, 2006. 297 s.
3. Instruksiya volostnomu militsioneru. S postateyny`m k ney razyasneniem [Instruction to a District Policeman. With an Article-by-Article Explanation] / sostavitel V.A. Pomerantsev, I.L. Lyubimov ; pod redaktsiyey I.F. Kiseleva. Moskva : Izd-vo NKVD RSFSR — compiled by V.A. Pomerantsev, I.L. Lyubimov ; edited by I.F. Kiselev. Moscow : Publishing house of the Unified State Political Department of the RSFSR, 1927. 151 s.
4. Ponuzhdaev D.N. Sravnitelny`y analiz primeneniya oruzhiya tsarskoy politseysy, armiy Rossiyskoy imperii i sovetsskoy raboche-krestyanskoy militsiyey (1880–1930 gg.) [Comparative Analysis of Weapon Application by the Tsarist Police, the Army of the Russian Empire and the Soviet Workers' and Peasants' Police (1880–1930)] / D.N. Ponuzhdaev, O.Ch. Yakovitskiy // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii — Works of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2012. № 4. S. 107–109.
5. Tischenko V.G. Politseyskoe oruzhie Rossii kontsa XIX — nachala XX vekov [Police Weapon in Russia in the Late 19th and the Early 20th Century] / V.G. Tischenko // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika — Law and Order: History, Theory, Practice. 2015. № 3 (6). S. 93–97.

Редакционная политика Объединенной редакции «Издательская группа «Юрист» запрещает:

1. Самоплагиат. В случае, если элементы научной статьи ранее были опубликованы, в том числе и в журналах Издательской группы «Юрист», автор обязан сослаться на ранее опубликованную работу. Дословное копирование собственных работ и их перефразирование не допускается, они могут быть использованы только в качестве основы для новых выводов.

2. Дословное копирование более 10 процентов работы другого лица без указания его авторства, ссылки на источник и использования кавычек.

3. Некорректное перефразирование произведения другого лица, при котором было изменено более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения были расположены в ином порядке без соответствующей ссылки на источник. Существенное некорректное перефразирование (более 10 процентов оригинальной работы) без ссылки на источник приравнивается к дословному копированию.

4. Использование составных частей произведения другого лица без указания авторства, например, абзаца, рисунка или таблицы без указания ссылки на источник или использования кавычек.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-12-75-79

Проблема взяточничества в истории российского уголовного права

*Бойко Наталья Николаевна,
доцент кафедры конституционного и муниципального права
Башкирского государственного университета
amulet-str@yandex.ru*

*Стуколова Людмила Сергеевна,
старший преподаватель кафедры
теории и истории государства и права
Башкирского государственного университета
stukolova.mila@mail.ru*

В настоящей статье авторы рассматривают проблему взяточничества в истории российского уголовного права, основываясь на комплексном анализе дореволюционного, советского и современного уголовного законодательства. Особое внимание авторы уделяют трансформации состава данного преступления, а также уголовной ответственности за его совершение, что позволяет им сделать вывод о некоторой преемственности российского уголовного законодательства в сфере установления ответственности за взяточничество.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, коррупционные преступления, уголовное законодательство, уголовная ответственность.

Issue of Bribery in the Russian Criminal Law History

*Boyko Natalya N.
Associate Professor of the Department of Constitutional
and Municipal Law of the Bashkir State University*

*Stukolova Lyudmila S.
Senior Lecturer of the Department of Theory and History
of State and Law of the Bashkir State University*

In the article, the authors review the issue of bribery in the Russian criminal law history based on a complex analysis of pre-revolutionary, soviet and modern criminal laws. The authors pay special attention to the transformation of constituent elements of such a crime and the criminal liability for such a crime, which enables them to come to a conclusion about certain continuity of Russian criminal laws concerning establishment of the liability for bribery.

Keywords: corruption, bribery, corruption-related crimes, criminal laws, criminal liability.

Под взяточничеством в широком смысле принято понимать умышленное использование служебных, должностных или каких-либо других полномочий, позволяющих осуществлять властные, организационно-распорядительные, административно-хозяйственные или какие-либо другие функции, затрагивающие интересы государства, общества или отдельных лиц, физических или юридических, с целью получения материальных или нематериальных преимуществ, а также предоставление подобных преимуществ указанным гражданам с целью совершения ими опре-

деленных действий¹. В свете подобной правовой природы взяточничество отличается продолжительной историей, и подобные преступления совершались еще в древнерусском государстве, что было связано с зарождением и функционированием системы «кормления», в рамках которой местное управление не получало жалованья, фактически «кормясь» за счет населения вверенной территории².

¹ Онуфриенко А.В. Система преступлений коррупционной направленности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 10.

² Там же. С. 74–75.

Количество коррупционных преступлений существенно увеличилось в петровскую эпоху, что, в свою очередь, было связано с созданием системы управления государством, состоящей из иерархически расположенных единообразных учреждений, то есть бюрократической системы. Зарождение и дальнейшее развитие бюрократии также сказалось на динамике коррупции, поскольку указанная система управления базировалась на огромном количестве инструкций, требований и т.д., усложнявших разрешение тех или иных вопросов, проблем и т.д.³ Более того, продолжительность существования взяточничества в российском государстве обусловлена целым комплексом исторических причин, к которым следует относить преобладание в сознании населения идеи приоритета государственной власти над частной жизнью граждан, стремление населения к передаче контрольных и распорядительных полномочий государственной власти, разрастание бюрократизма и т.д.⁴

Вполне очевидно, что взяточничество и, что немаловажно, уголовно-правовая борьба с ним обладает глубокой историей, обращение к которой, как отмечают Я.В. Солдатов и А.В. Солдатова, необходимо для определения векторов борьбы с коррупцией на современном этапе развития российского государства⁵. Исходя из этого, целесообразным представляется рассмотрение истории развития законодательства об уголовной ответственности за взяточничество в соответствии с основными этапами существования российского государства — дореволюционным, советским и современным российским.

Характеризуя дореволюционное законодательство об уголовной ответ-

ственности за взяточничество, в первую очередь следует обратиться к Псковской судной грамоте 1467 года, впервые в российском законодательстве упоминавшей о взятках, именуемых древнерусским законодателем «тайными посулами». В соответствии с указанным документом, «тайным посулом» являлась взятка князю или посаднику, то есть должностному лицу, за вынесение решения при разрешении того или иного конфликта в пользу взяткодателя. Тем не менее, устанавливая, что «...тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику»⁶, древнерусский законодатель не предусматривал какой-либо ответственности за дачу или взятие «тайных посулов». Примечательно, что в несколько более позднем документе, которым является Судебник 1497 года, указанная ответственность также не устанавливалась, хотя законодатель закреплял «...посулов боярам, и околничим, и диаком от суда и печалования не имати никому, а судом не мстити, ни дружити никому»⁷. Ответственность за взяточничество впервые в российском законодательстве была установлена в Судебнике 1550 года, в соответствии с которым вынесение судебного решения за взятку влекло за собой уголовную, а также материальную ответственность, заключающуюся в возмещении потерпевшей стороне понесенных затрат (проезд, пошлина и т.д.)⁸. Иными словами, как отмечает А.В. Онуфриенко, указанный документ «...первым ввел меры ответственности за коррупцию и противодействовал ей путем укрепления судебной системы»⁹. Детализирована ответственность за взяточничество была в Соборном уложении 1649 года, в рам-

³ Шпалтаков В.П. Коррупция в России: исторические корни и причины разрастания в постсоветское время // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2016. № 3. С. 86.

⁴ Там же.

⁵ Солдатов Я.В., Солдатова А.В. Противодействие коррупции в России: историко-теоретические аспекты // Вестник ТИСБИ. 2017. № 2. С. 214.

⁶ Псковская судная грамота 1467 г. URL: <https://www.portal-slovo.ru/history/47488.php> (дата обращения: 20.10.2019).

⁷ Судебник 1497 г. URL: http://krotov.info/acts/16/2/pravo_01.htm (дата обращения: 20.10.2019).

⁸ Судебник 1550 г. URL: http://krotov.info/acts/16/2/pravo_02.htm (дата обращения: 20.10.2019).

⁹ Онуфриенко А.В. Система преступлений коррупционной направленности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 79.

ках которого осуществлялась правовая регламентация посредничества в даче или получении взятки, «мнимой взятки» и т.д. Наказание за указанные преступления предполагало лишение свободы, наказание батогами, а также возмещение ущерба, причиненного потерпевшей стороне, а в случае повторного совершения преступления — наказание кнутом и увольнение со службы.

Важным этапом установления уголовной ответственности за взяточничество следует считать петровскую эпоху, когда бюрократия и, соответственно, коррупция достигли небывалого размаха. Во многом поэтому императором был подписан Указ «О запрещении взяток и посулов и о наказании за оное» 1714 года, устанавливающий достаточно жесткие наказания за рассматриваемые преступления, вплоть до политической смерти и смертной казни, и понимающий под взяткой получение любой материальной выгоды с населения. Указанный подход к взяточничеству достаточно последовательно проводился в жизнь во всем петровском законодательстве. Как отмечают в связи с этим Я.В. Солдатов и А.В. Солдатова, «...предпринятые администрацией Петра I меры носили комплексный правовой характер и предусматривали не только ужесточение наказания, но и восстановительные меры, а также деятельность по предупреждению правонарушений в этой сфере»¹⁰. Стоит заметить, что уголовно-правовая политика придерживалась указанного направления и после окончания петровской эпохи, постепенно приобретая более конкретные очертания. В частности, «Устав благочиния или полицейский» 1728 года впервые разграничивал взяточника и взяточдателя, дифференцировал формы взятки и т.д., а Указ «Об держании судей и чиновников от лихоимства» 1762 года предусматривал за подобные преступления смертную казнь. Однако гораздо большую конкретику в ответственность за взяточничество

привнесло Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Законодатель в указанном документе структурировал лихоимство на взятки, вымогательство и незаконные поборы с населения под видом государственных податей, а также дифференцировал субъектов подобных преступлений на взяточполучателей, взяточдателей, соучастников и посредников. Ответственность за взяточничество предполагала лишение привилегий, отправку на кааторжные работы на срок от шести до восьми лет, а также, что немаловажно, конфискацию имущества преступника¹¹. Тем не менее обоснованным представляется мнение И.А. Луканина, полагающего, что названный документ отличается целым комплексом недостатков, в числе которых повторы, дублирование, чрезмерная детализация и т.д.¹²

Вполне очевидно, что дореволюционный этап истории развития уголовной ответственности за взяточничество характеризуется постепенным, последовательным формированием указанной ответственности посредством детализации субъекта, объекта и иных важных аспектов преступного деяния в рассматриваемой сфере при фактическом отсутствии какой-либо стройной системы коррупционных преступлений. В то же время именно на данном этапе были заложены основы для дальнейшего развития уголовной ответственности за взяточничество.

Уголовная ответственность за взяточничество не осталась без внимания законодателя и после революционных событий 1917 года, кардинально изменивших государственное устройство. Первым документом советского правительства, устанавливающим указанную ответ-

¹⁰ Солдатов Я.В., Солдатова А.В. Противодействие коррупции в России: историко-теоретические аспекты // Вестник ТИСБИ. 2017. № 2. С. 215.

¹¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. URL: <http://www.history.ru/content/view/1114/87/> (дата обращения: 20.10.2019).

¹² Луканин И.А. Исторические аспекты коррупции в России и ответственность за нее // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2014. № 3. С. 123.

ственность, можно считать Декрет о взяточничестве 1918 года. Указанный документ содержал круг субъектов подобных преступлений, к числу которых относились должностные лица правительства, служащие учреждений и т.д., а также наказание за них в виде лишения свободы сроком до пяти лет, сопровождающееся принудительными работами. Подобное наказание, стоит заметить, распространялось и на взяткодателей, пособников и т.д. Помимо этого, в отдельных случаях советский законодатель предусматривал в качестве ответственности за подобные преступления наиболее тяжелые и неприятные принудительные работы вкуче с конфискацией имущества преступника¹³. Позже, с развитием советского государства, уголовная ответственность за взяточничество была усовершенствована в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года, который предусматривал в качестве наказания за подобные преступления смертную казнь¹⁴, а также в Уголовном кодексе РСФСР 1926 года, содержащем более или менее определенную систему коррупционных преступлений, к которым советский законодатель относил превышение, злоупотребление, дискредитацию, дачу и получение взятки, вынесение постановления судьями из корыстных или иных личных мотивов и т.д. Наказания в то же время были несколько смягчены, по большей части ограничивались лишением свободы на срок до двух лет, а в отдельных случаях — конфискацией имущества преступника¹⁵. Ужесточение наказаний имело место в военное время, а также в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года¹⁶, однако, как отмечает А.В. Онуфриенко, корруп-

ция «...все же продолжала существовать и распространяться»¹⁷.

Не вызывает сомнений тот факт, что советский этап истории развития уголовной ответственности за взяточничество характеризуется продолжением последовательной детализации отдельных аспектов уголовной ответственности за рассматриваемое преступление, однако нельзя сказать, что советский законодатель добился особых успехов на этом поприще. Определенно успехов советского законодателя можно считать построение системы коррупционных преступлений, однако она не являлась совершенной, как не является совершенной и на современном этапе, когда ответственность за указанные преступления регламентируется УК РФ¹⁸. В то же время на современном этапе истории развития уголовной ответственности за коррупционные преступления трансформациям подвергается как система данных деяний, так и субъекты, объекты и иные аспекты, включая и ответственность. Например, в 2011 году ответственность за взяточничество была переориентирована на наказание преступников «рублем», то есть назначением кратных сумме взятки штрафов.

Таким образом, история развития законодательства об уголовной ответственности за взяточничество, основываясь на исторических причинах коррупции, подразделяется на дореволюционный, советский и современный этапы, каждый из которых вносил свой вклад в трансформацию ответственности за указанные преступления. Однако в целом можно заключить, что развитие ответственности в данном случае отличалось последовательностью в формировании системы коррупционных преступлений, детализации субъектов и объектов взяточничества и т.д. Особенно показательна указанная последовательность проявляется в сравнении

¹³ Декрет о взяточничестве 1918 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-05-08.htm> (дата обращения: 20.10.2019).

¹⁴ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. URL: <http://www.library.ru/help/docs/n10349/yk1922.txt> (дата обращения: 20.10.2019).

¹⁵ Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения: 20.10.2019).

¹⁶ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. URL: <http://www.library.ru/help/docs/n10349/yk1922.txt> (дата обращения: 20.10.2019).

¹⁷ Онуфриенко А.В. Система преступлений коррупционной направленности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 90.

¹⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

этапов развития, демонстрирующем переход от смертной казни, лишения свободы и иных подобных наказаний к кратным штрафам, что гораздо больше

отвечает природе взяточничества и, соответственно, в большей степени способно противодействовать такой преступности.

Литература

1. Бойко Н.Н. К вопросу о понятии коррупции и противодействии коррупционным правонарушениям / Н.Н. Бойко, Д.А. Ромашова // Проблемы укрепления законности и правопорядка в современном обществе : материалы научно-практической конференции, посвященной профессиональному празднику «День сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» (г. Стерлитамак, 10 ноября 2016 г.). Вып. 4 : сборник научных статей / ответственный редактор Н.Н. Бойко. Стерлитамак : СФБашГУ, 2016. С. 32–35.
2. Луканин И.А. Исторические аспекты коррупции в России и ответственность за нее / И.А. Луканин // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2014. № 3. С. 121–126.
3. Онуфриенко А.В. Система преступлений коррупционной направленности : диссертация кандидата юридических наук / А.В. Онуфриенко. Москва, 2015. 234 с.
4. Солдатов Я.В. Противодействие коррупции в России: историко-теоретические аспекты / Я.В. Солдатов, А.В. Солдатова // Вестник ТИСБИ. 2017. № 2. С. 213–218.
5. Шпалтаков В.П. Коррупция в России: исторические корни и причины разрастания в постсоветское время / В.П. Шпалтаков // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2016. № 3. С. 83–92.

References

1. Boyko N.N. K voprosu o ponyatii korruptsii i protivodeystvii korruptsionny`m pravonarusheniyam [On the Concept of Corruption and Combating Corruption-Related Offences] / N.N. Boyko, D.A. Romashova // Problemy` ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka v sovremennom obschestve : materialy` nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyaschennoy professionalnomu prazdniku «Den sotrudnika organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii» (g. Sterlitamak, 10 noyabrya 2016 g.). Vy`p. 4 : sbornik nauchny`kh statey / otvetstvenny`y redaktor N.N. Boyko. Sterlitamak : SFBashGU — Issues of Consolidation of Legality, Law and Order in the Modern Society : proceedings of a scientific and practical conference dedicated to the professional holiday the Day of an Employee of Internal Affairs Agencies of the Russian Federation (Sterlitamak, November 10, 2016). Issue 4 : collection of scientific articles / publishing editor N.N. Boyko. Sterlitamak : Sterlitamak Branch of the Bashkir State University, 2016. S. 32–35.
2. Lukanin I.A. Istoricheskie aspekty` korruptsii v Rossii i otvetstvennost za nee [Historical Aspects of Corruption in Russia and Liability for it] / I.A. Lukanin // Aktualny`e problemy` ugovornogo prava na sovremennom etape (voprosy` differentsiatsii otvetstvennosti i zakonodatelnoy tekhniki) — Relevant Criminal Law Issues on the Modern Stage (Issues of Liability Differentiation and Legal Writing). 2014. № 3. S. 121–126.
3. Onufrienko A.V. Sistema prestupleniy korruptsionnoy napravlenosti : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [System of Corruption-Related Crimes : thesis of PhD (Law)] / A.V. Onufrienko. Moskva — Moscow, 2015. 234 s.
4. Soldatov Ya.V. Protivodeystvie korruptsii v Rossii: istoriko-teoreticheskie aspekty` [Corruption Combating in Russia: Historical and Theoretical Aspects] / Ya.V. Soldatov, A.V. Soldatova // Vestnik TISBI — TISBI Bulletin. 2017. № 2. S. 213–218.
5. Shpaltakov V.P. Korruptsiya v Rossii: istoricheskie korni i prichiny` razrastaniya v postsovetskoe vremya [Corruption in Russia: Historical Roots and Reasons for Expansion in the Post-Soviet Period] / V.P. Shpaltakov // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya : Ekonomika — Bulletin of the Omsk University. Series : Economics. 2016. № 3. S. 83–92.

Уважаемые коллеги!

Вышел в свет ежегодный сборник «Научные труды РАЮН», выпуск 19. В сборнике опубликованы доклады участников XIX Международной научно-практической конференции «Конституция Российской Федерации и современный правопорядок», которая состоялась 27–30 ноября 2018 года на площадке Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Сборник содержит следующие разделы:

- Теория и история государства и права. История правовых и политических учений
- Конституционное и муниципальное право
- Административное право. Финансовое право
- Международное право
- Банковское право
- Гражданское право. Семейное право
- Гражданский и арбитражный процесс
- Право интеллектуальной собственности
- Предпринимательское право
- Трудовое право. Право социального обеспечения
- Природоресурсное право. Экологическое право
- Уголовное право. Криминология. Уголовно-исполнительное право
- Уголовный процесс. Прокурорский надзор
- Судебная экспертиза. Криминалистика. Оперативно-розыскная деятельность
- Юридическое образование

Книга предназначена для преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов юридических вузов.

**С полной версией сборника вы можете ознакомиться
на сайте Издательской группы «Юрист»
в разделе «Книги»: <http://lawinfo.ru/book/2019/>**